А. Ж. КАФОЕВ

АДЫГСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Чит. зал № 1

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАЛЬЧИК 1963

В предлагаемой вниманию читателей работе, представляющей собой исследование древних адыгских памятников, автор оспаривает существующий взгляд на зеленчукскую надпись, согласно которому она считается выполненной на осетинском языке. Он предлагает новое толкование текста на основе адыгского языка.

Так же интерпретируется другой письменный памятник, обнаруженный на стене древнего храма в долине р. Большой Зеленчук.

Автор по-новому толкует надпись на Этокском памятнике и датирует его 453 годом н. э., вместо принятого до сих пор 1130 года.

Путем сопоставления текстов этих трех памятников старины, а также данных истории, археологии, этнографии, фольклора, письменных источников автор отстаивает точку зрения об аборигенном происхождении адыгских племен, в частности кабардинцев, считая их не переселенцами, а исконным населением центральной части Северного Кавказа.

211201

Кабардино-Балкарская
Госуниверситет
БИБЛИОТЕКА

ЧИТАЮЩАЯ ЧЕРКЕСИЯ
VK.COM/
CIRCASBOOK

vk.com/circasbook

ВВЕДЕНИЕ

При систематизированном изложении истории политического, экономического и культурного развития многих северокавказских народов, в частности кабардинцев, адыгейцев, черкесов, исследователь встречается с рядом трудностей. К ним относятся: отсутствие документальных источников до начала XV века; дошедшие до нашего времени сочинения античных авторов содержат неполные, отрывочные данные, и они, как правило, не касаются племен, обитавших в глубине Центрального Кавказа; не хватает также археологического материала (особенно за период с IV по XIV в.); недостаточно разработана история адыгских языков, в том числе кабардинского.

Большую пользу в написании истории народов Северного Кавказа (особенно центральной его части) могли бы оказать древние надписи, сохранившиеся на археологических памятниках (надгробия, храмы и т. п.). Но, к сожалению, изучением этого вида письменных источников, за исключением одного-двух кавказоведов, никто серьезно не занимается. Между тем не все районы Кавказа изучены с одинаковой полнотой. Если эпиграфические надписи западных районов Кавказа более или менее изучены, то древние надписи, обнаруженные в его центральной части, в частности на современной территории Кабардино-Балкарии, ждут более основательного знакомства. Энтузиастами в этом деле пока являются только два кавказоведа: кандидат исторических наук Л. И. Лавров и кандидат филологических наук Г. Ф. Турчанинов. Было бы хорошо, если бы с ними работали несколько исследователей по другим дисциплинам, ибо коллективный труд ученых принес бы свои плоды. А поработать здесь есть над чем.

В. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб, 1881.

Известно, что первым рабовладельческим государством на территории Северо-Западного Кавказа была Синдика (V в. до н. э.). Известно также, что культура этого государства, центр которого, как полагают, находился в верховьях р. Кубань, была высока. Синды имели свою письменность [2]. Наряду с керкетами, зихами, меотами, синды являются предполагаемыми предками адыгских племен [3]. Если это так, то естественно возникает вопрос: не сохранил ли один из их потомков письменность Синдского государства? Если письменность была сохранена, то какое адыгское племя пользовалось им и до какого периода?

В верховьях р. Кубань, в долине р. Большой Зеленчук, в 1888 г. был обнаружен надгробный памятник с надписью [4]. Там же был зафиксирован ряд других эпиграфических памятников [5].

Путешествуя по Северному Кавказу, отечественные и зарубежные ученые находили древние памятники и в других местах, в частности в Большой и Малой Кабарде. Наиболее плодотворным, пожалуй, было путешествие акад. Гильденштедта, который описал ряд памятников, обнаруженных им на территории Малой и Большой Кабарды и в Северной Осетии. В 1773 г. на берегу р. Этоко (недалеко от Тамбуканского озера, вблизи Пятигорска) он нашел каменное изваяние человеческой фигуры с надписью, буквы которой напоминали «частью славянские, частью греческие». С подобными же текстами (буквами) Гильденштедт видел памятники и по долинам рр. Баксан и Чегем, но в данной работе (наряду с Зеленчукскими памятниками) речь пойдет только об Этокском надгробии, так как оно, на наш взгляд, представляет наибольший интерес для истории.

Ценность Этокского надгробия заключается в том, что подобных ему памятников кавказская археология не знает. Весьма своеобразна и зеленчукская надпись, значительная по объему (21 строка).

Впервые попытку прочесть текст зеленчукской надписи предпринял кавказовед акад. В. Ф. Миллер. Вслед за ним ее читали проф. В. И. Абаев, проф. Б. А. Алборов и доцент Г. Ф. Турчанинов. Все они исходили из предположе-

---

[2] Большая советская энциклопедия, изд. 2, т. 39, стр. 89.

[3] «История Кабарды», М., 1957, стр. 19—21; «Народы Кавказа», М., 1960, I, стр. 66.

[4] *В. Ф. Миллер.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области. «Материалы по археологии Кавказа», вып. III, 1893, стр. 110—118.

[5] См. *И. Помяловский.* Указ. работа.

ния, что зеленчукская надпись выполнена греческими буквами на осетинском языке. Предлагаемые ими варианты расшифровки зеленчукской надписи мы не можем, однако, считать удовлетворительными. Сопоставление всех вариантов показывает разнобой, разночтение зеленчукской надписи и при этом сами авторы расшифровок сомневаются в достоверности полученного текста [6].

Исходным пунктом ошибочности расшифровки текста зеленчукской надписи у перечисленных авторов явилось, по нашему мнению, признание ими средневековых северокавказских алан прямыми предками одного лишь осетинского народа [7]. Увлекшись только алано-осетинской связью, исследователи при чтении текста надписи игнорировали связи алан с другими народами Северного Кавказа [8].

Кроме того, не была учтена вероятность сохранения письменности эпохи Синдского государства до времен раннего средневековья хотя бы одним из многочисленных адыгских племен.

До настоящего времени зеленчукская надпись считается выполненной на осетинском языке. Однако, помимо отмеченного, палеографические трудности, встречаемые при чтении этого текста, навели нас на мысль о необходимости критического отношения к трудам названных исследователей по расшифровке текста Зеленчукской надгробной плиты.

Приступая к чтению текста зеленчукской надписи, автор этих строк использовал в качестве опоры труды В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, Б. А. Алборова, Г. Ф. Турчанинова и других ученых.

«Прежде всего приходится еще раз подчеркнуть то само собой разумеющееся обстоятельство, — пишет выдающийся дешифровщик Иоганнес Фридрих, — что для раскрытия всякой неизвестной письменности и всякого неизвестного языка необходим хотя бы какой-нибудь опорный момент; *из ничего нельзя ничего дешифровать*. Если не за

---

[6] См. работы: *В. Ф. Миллер*. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. «Материалы по археологии Кавказа», т. III, 1893; *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор, I, М., 1959; *Б. А. Алборов*. Новое чтение зеленчукской надписи. «Ученые записки СОГПИ им. К. Хетагурова», т. XXI, вып. II, 1956; *Г. Ф. Турчанинов*. Еще раз о древнезеленчукской надписи. «Эпиграфика Востока», изд. АН СССР, 1958, № 12.

[7] «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959, стр. 30.

[8] «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, стр. 67.

что ухватиться, если опора пока еще не найдена, значит, серьезных результатов достичь невозможно — остается лишь простор для беспочвенных фантазий дилетантов»[9].

Работа над текстом первой зеленчукской надписи убедила нас в том, что ключом для дешифровок памятников, обнаруженных на территории, где издревле жили адыгские племена, в первую очередь должен служить один из адыгских языков, в частности кабардино-черкесский.

Вслед за зеленчукской надгробной надписью мы попытались прочесть другой древний текст со стены храма, который был обнаружен также в долине р. Большой Зеленчук.

При чтении надписи Этокского памятника перед нами также лежал исключительно плодотворный итог исследования этого текста кавказоведом Г. Ф. Турчаниновым. Кроме того, в «Истории адыгейского народа» первого просветителя и ученого кабардинского народа Шоры Ногмова зафиксированы предания, посвященные Этокскому памятнику и надписи на нем (повесть о Баксане, сыне Дауове). Нет сомнения, что без кропотливого труда акад. В. Ф. Миллера, проф. В. И. Абаева, проф. Б. А. Алборова и Г. Ф. Турчанинова не была бы написана предлагаемая вниманию читателей работа.

Должны предупредить читателя, что он не найдет в ней развернутого лингвистического обоснования текста рассматриваемых памятников. Следовательно, теперь слово за филологами.

Известно, что древние надписи проливают свет на политические события отдаленных эпох, а также помогают разобраться в устнопоэтическом творчестве народов. Дешифровка древних забытых письмен дает возможность заглянуть в глубь веков. Но дешифровка любой древней надписи требует совместных усилий историков, археологов, филологов, этнографов, фольклористов, палеографов и т. д. Указывая на необходимость совместных усилий различных специалистов в работе над древними письменными источниками, мы считаем не лишним привести слова упомянутого И. Фридриха:

«*Дешифровщик*, который смело шагает через сомнения

---

[9] *И. Фридрих.* Дешифровка забытых письменностей и языков. Изд. ИЛ, М., 1961, стр. 152.

и трудности, и *филолог,* который, осторожно взвешивая, обобщает результаты наблюдений, сводя их в общие правила, коренным образом отличаются друг от друга, и *их нельзя смешивать»* [10].

Древние надписи на памятниках содержат больше загадок, чем сведений, на которые можно было бы опереться при дешифровке. Незначительный объем текста памятников вынуждает исследователя максимально использовать каждую его строку, каждый знак для получения научно значимой информации. Появляется, таким образом, необходимость изучения источника, использования данных различных наук в процессе дешифровки и позже: во-первых, для того, чтобы расширить информацию, во-вторых, для того, чтобы максимально повысить достоверность получаемых сведений, что достигается при взаимной увязке выводов разных наук.

* * *

В работе над данной темой помощь консультацией и практическим советом автору оказал ряд ученых и товарищей: профессора — Серебрянников Б. А., Борковский В. И. (институт языкознания АН СССР), Сердюченко Г. А., Брагинский И. С., Коростевцев М. А. и канд. филолог. наук Гановский Ю. В. (институт Азии АН СССР); проф. Соболевский С. И. (институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР); проф. Соколов М. М., аспирант Натан Шехет (МГУ им. Ломоносова); профессора Керефов К. Н., Франкль Ф. И., доктор исторических наук Бербеков Х. М., канд. экономических наук Жакомихов Т. А., канд. филологических наук Налоев А. Х. и преподаватель Ифраимов А. Х. (КБГУ); канд. исторических наук Берикетов Х. Г., канд. филологических наук Мамрешев К. Т. (КБНИИ), заслуженный деятель науки КБАССР Эльбердов Х. У. и другие.

Пользуюсь случаем выразить им всем свою глубокую признательность.

---

[10] *И. Фридрих.* Указ. работа, стр. 41.

ЧТЕНИЕ И ДАТИРОВКА ЗЕЛЕНЧУКСКОЙ НАДПИСИ

Автор книги «Этнография народов СССР» (М., 1958) С. А. Токарев писал, что существующая теория происхождения осетин — «аланская» — построена на бесспорных фактах. Предположение о родстве осетин с древними аланами — большим союзом кочевых племен Приазовья и Причерноморья первых веков нашей эры — выдвинул впервые в 1812 г. известный лингвист-востоковед Клапрот. Это предположение в дальнейшем превратилось в солидную научную теорию, которая ныне господствует. Ее обосновал и дальше развил известный исследователь Всеволод Миллер. Он в своей работе «Осетинские этюды» (ч. 3, 1887) доказывает, что осетины лишь в недавнее время замкнулись в современных узких географических границах, будучи оттеснены в горы; что сравнительно не так давно они населяли более широкую территорию к северу и северо-западу, *в частности равнинные части Северного Кавказа: территория* Кабарды и степи Прикубанья были когда-то заселены предками осетин. Об этом говорят не только предания самих осетин и их соседей, но и топонимика: все Приазовье полно географических названий, объясняемых из осетинского языка. Самое название реки «Дон» по-осетински значит река или вода. Таким образом, там, где кочевали аланы, сохраняется осетинская топонимика.

В пользу аланской теории происхождения осетин говорят и письменные источники: установлено, что византийские известия об аланах совпадают с известиями грузинских источников о народе «осси» (осетинах); в древнерусских летописях тот же народ был известен под именем «ясов». Европейские путешественники еще в XIII в. называли осетин «аланами».

Советский лингвист проф. В. И. Абаев развил и конкретизировал теорию основного «аланского» (т. е. иранского) слоя в осетинском языке.

В работе «Осетинский язык и фольклор»[11] он устанавливает тождество осетин со средневековым народом аланами. Сделанная автором оговорка, что языковые данные в его исследовании не играли решающей роли при установлении преемственной связи между аланами и осетинами, звучит неубедительно, ибо именно языковым признакам

---

[11] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор. I, М.—Л., 1949, стр. 42—84.

в его работе отводится первое место в ущерб другим свидетельствам.

Аланы, наряду со скифами и сарматами, сыграли крупную политическую роль в истории Предкавказья, в том числе и Северо-Западного Кавказа, и это никто не оспаривает. Однако то, что подразумевает проф. В. И. Абаев под понятием алан, вызывает большое сомнение.

Сложный и извилистый путь переселений и военных походов алан-осетин, по В. И. Абаеву, охватывает огромную территорию от Тихого до Атлантического океана. С I по XIV век н. э. они побывали в Армении, Индии, Кападокии, в Крыму, на р. Прут и Нижнем Дунае, в Паннонии, Галлии, Италии, Испании, в Северной Африке и Китае, приняли участие в образовании туркменской народности.

Крупными массами аланы-осетины снимались с родных мест (т. е. с Северного Кавказа) и оседали навсегда на далеких землях перечисленных выше стран [12].

Не отрицая тесной связи осетин с аланами, советская историческая наука не ставит, однако, вопрос о происхождении от алан одних только осетин [13]. Поэтому можно было бы не затрагивать мнение В. И. Абаева по данному вопросу. Но, к сожалению, не он один придерживается этого ошибочного взгляда. Так, в вышедшей в 1959 г. «Истории Северо-Осетинской АССР» говорится:

«Перед историками встал вопрос — существуют ли языковые доказательства преемственной связи осетин с аланами и скифо-сарматами. Оказалось, что такие доказательства имеются. **На территории, которая была заселена в прошлом аланами, была обнаружена надгробная надпись, написанная греческими буквами на осетинском языке.** Надпись, как показало исследование, относилась к XI веку. **Она убедила историков в единстве аланского и осетинского языков».** (Подчеркнуто нами.— *А. К.*) [14].

Мы считаем, что историки в данном случае были введены в заблуждение, в чем повинны прежде всего лингвисты, которые по недоразумению зеленчукскую надпись посчитали выполненной на осетинском языке. Известно, что зелен-

---

[12] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 40—42, 81—84.

[13] «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, стр. 64—65.

[14] «История Северо-Осетинской АССР». Изд. АН СССР, 1959, стр. 32.

укская надпись до настоящего времени никем из исследо-
ателей окончательно и достоверно не прочтена. Нетрудно
бедиться в этом, если познакомиться с известными вариан-
ами ее расшифровок. Приводим эти варианты.

Академик В. Ф. Миллер:

«Иисус Христос святой (?) Николай Сахира сын Х...ра
ын Бакатар Бакатая сын Анбал Анбалана сын юноши (?)
амятник (юноши Иры?) 6200=692 по Р. Х.»[15].

Профессор В. И. Абаев:

«Иисус Христос святой (?) Николай Сахира сын Х...р
...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбалан Анбалана сын
Iаг — их памятник». (Последние буквы надписи не
рочтены)[16].

Профессор Б. А. Алборов:

«Иисус Христос святой (?) Николай Сахира сын Хо
ситира сын Анбал Анбалана сын юноши памятник
571=1063 г.»[17]

Доцент Г. Ф. Турчанинов:

«...Сахира сын Овса великого сын Бакатар...»[18].

Из приведенных вариантов расшифровок виден разно-
ой, разночтение текста зеленчукской надписи и отсутствие
исследователей единства взглядов. При этом надо иметь
виду тот факт, что сами исследователи сомневаются в
равдивости полученного ими текста.

Почему языковеды-иранисты пришли к выводу, что зе-
енчукская надпись выполнена на осетинском языке? Пото-
у что ученые, изучавшие аланскую культуру, на связи
лан с другими народами Северного Кавказа обращали
едостаточно внимания, сосредоточив его почти исключи-
ельно на алано-осетинских связях[19], а также и потому,
то исследователи-дешифровщики зеленчукской надписи
е посчитались с элементарными правилами расшифровки
ревних надписей.

Так, например, исследователи внесли в текст зеленчук-
кой надписи несколько букв извне и тем самым исказили

---

[15] *В. Ф. Миллер.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области. Материалы по археологии Кавказа», т. III, 1893, стр. 110—118.

[16] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 261.

[17] *Б. А. Алборов.* Новое чтение зеленчукской надписи. «Ученые записки СОГПИ им. К. Хетагурова», т. XXI, вып. II, стр. 119—53.

[18] *Г. Ф. Турчанинов.* Еще раз о древнезеленчукской надписи. «Эпиграфика Востока», изд. АН СССР, 1958, № 12, стр. 48—51.

[19] «Очерки истории Адыгеи», т. I. Майкоп, 1957, стр. 67.

первоначальный текст. Одновременно ряд букв текста был заменен, неправильно были транскрибированы отдельные греческие буквы, а многие буквы вообще не были прочтены *.

Рассмотрим конкретно текст зеленчукской надписи в чтении каждого из исследователей.

Надпись, содержащая 21 короткую строку, прочитана и переведена В. Ф. Миллером следующим образом:

«Иисус Христос святой (?) Николай Сахира сын Х...ра сын Бакатар Бакатая сын Анбал Анбалана сын юноши (?) памятник (юноши Иры?)»[20].

В. Ф. Миллер сам признает, что у него нет полной уверенности в правильности прочтения отдельных мест надписи памятника, где им поставлены знаки вопроса и многоточия.

Разбирая текст надписи, акад. В. Ф. Миллер пришел к выводу, что четырежды встречающееся в надписи слово «фоурт» является осетинским словом «фурт» (сын) в дигорской форме.

В наше время (с 30-х годов) в печати появились работы проф. В. И. Абаева, проф. Б. А. Алборова, доцента Турчанинова и других, которые предлагали свои варианты расшифровок зеленчукской надписи. Все они исходили из того, что греческие буквы передают звуки осетинского языка[21].

---

* Считаем необходимым привести здесь мнение крупнейшего языковеда С. И. Соболевского, к которому мы обращались за справкой по поводу зеленчукской надписи:

«...По моему мнению, эта надпись написана греческими буквами с примесью 2 букв необычного алфавита (Ѳоѳа и сампи). Язык, несомненно, не греческий, кроме разве 4 верхних букв (Іс Хс), которые, по моему мнению, являются обычными сокращениями слов «Иисус Христос» в византийском начертании. Кафоев транскрибировал почти все буквы надписи правильно, за исключением указанных сомнительных. По моему мнению, эта надпись относится к христианскому времени.

Член-корреспондент Академии наук СССР, доктор классической филологии, профессор *С. И. Соболевский*. 25 сентября 1959 г.» (Данный отзыв хранится у нас.— *А. К.*).

[20] Указ. статья *В. Ф. Миллера*.

[21] *В. И. Абаев*. Поправки к чтению древнеосетинской зеленчукской надписи. Сообщение АН Груз. ССР, V, № 2, 1944, стр. 217—226; *Б. А. Алборов*. Новое чтение зеленчукской надписи. «Ученые записки СОГПИ им. К. Хетагурова», т. XXI, вып. II, 1956, стр. 229—253; *Г. Ф. Турчанинов*. Еще раз о древнеосетинской зеленчукской надписи Изд. АН СССР, журнал «Эпиграфика Востока», 1958, № 12 стр. 48—51.

Проф. В. И. Абаев обратил внимание на то, что при чтении надписи В. Ф. Миллер имя сына поставил перед именем отца, что не согласуется с обычным порядком слов в осетинском языке.

В. И. Абаев приводит пример из записи нартских сказаний о последовательности имени отца и сына: «Хамицева сын Батраз», «Ацова сын Ацамаз» и т. д. Он пишет, что перечисление имен в зеленчукской надписи начинается в полном соответствии с приведенным примером: имя отца в осетинском языке ставится перед именем сына, т. е. вначале идет отчество: Sahiri furt (Сахира сын). В. И. Абаев пишет: «Расположив имена и отчества в том порядке, какой свойственен осетинскому языку, т. е. впереди отчество, а за ним имя, мы приходим с необходимостью к тому выводу, что в надписи речь идет о представителях нескольких поколений, каждый из которых является сыном предшествующего» [22].

Надпись прочитана В. И. Абаевым следующим образом:

«Иисус Христос святой (?) Николай Сахира сын Х...р Х...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбалан Анбалана сын Лаг — их памятник» [23].

Итак, по мнению исследователя, в погребении захоронены: 1) сын Сахира, 2) сын предыдущего Бакатар, 3) сын Бакатара Анбалан и 4) сын Анбалана Лаг. Отсюда профессор В. И. Абаев делает вывод о том, что мы имеем дело с фамильным погребением.

Вариант расшифровки, предложенный доцентом Г. Ф. Турчаниновым, несколько отличается от приведенных выше двух вариантов. Г. Ф. Турчанинов предлагает 6—12 строки надписи читать следующим образом: «...Сахира сын, Овса великого сын Бакатар» [24].

При внимательном анализе надписи и сравнении её с приведенными выше вариантами чтения нетрудно заметить следующее:

1. Как В. Ф. Миллер, так и В. И. Абаев четвертую строку полностью и две буквы пятой строки читают как «Николай». Но в 4-й строке отсутствует буква N и поэтому невозможно прочесть такое имя. Они считают, что в надписи четырежды встречается слово «фоурт». По этому поводу проф. В. И. Абаев пишет: «Не подлежит сомнению, что четырежды встречающееся слово «фоурт» (строки 7,9 —10,

---

[22] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор, I, М., 1949, стр. 256.
[23] Там же.
[24] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 49.

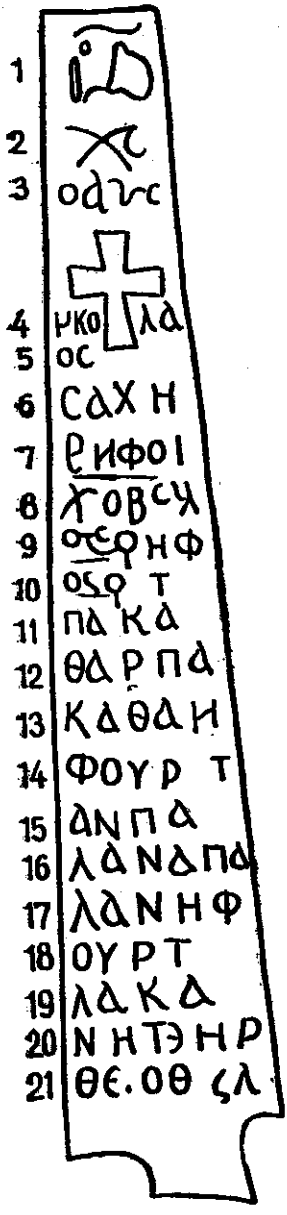


Рис. 1. Зеленчукская надпись, подлежащая расшифровке.

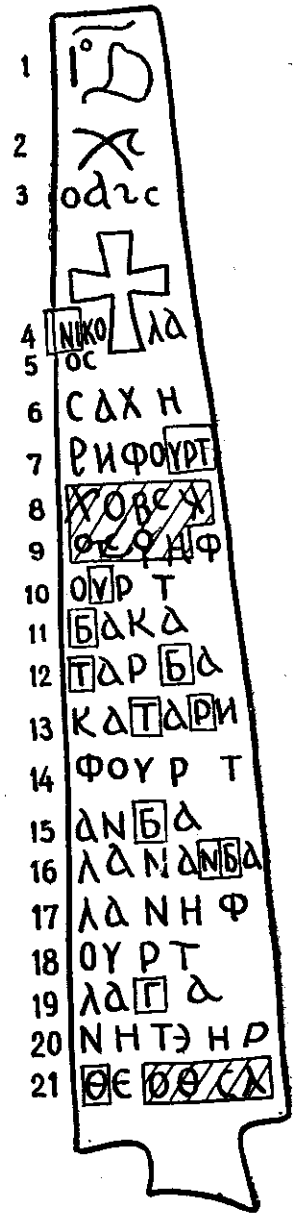


Рис. 2. Зеленчукская надпись с поправками, внесенными Миллером и др.

4, 17—18) есть осетинское «фурт» (сын) в дигорской форме»[25].

Однако дело обстоит иначе:

2. В седьмой строке надписи имеется пять букв — ΡΙΦΟΙ, а восьмая строка начинается с отчетливо видимого знака Χ. На плите отсутствуют буквы νΡΤ. Чтобы в седьмой строке прочесть слово «фоурт» (из последних трех букв седьмой строки), исследователи поступили следующим образом. В надписи последняя буква седьмой строки представляет собой вертикально врезанный в плиту знак Ι. Этот знак В. Ф. Миллером, В. И. Абаевым, Б. А. Алборовым и Г. Ф. Турчаниновым преобразован в γ (ипсилон). Кроме того, текст седьмой строки они увеличили еще на две буквы — РТ.

Внесением таких произвольных поправок исследователи получили нужное им слово «фоурт» и в то же время исказили первоначальный текст.

3. Г. Ф. Турчанинов шестую строку и первые две буквы седьмой строки читает так:

«Σαχηρη (Сахири). Имя собственное в родительном падеже. Исходная форма Σαχηρ — Сахир. На осетинской и иранской почве объяснения не находит. Полагаю, что здесь имя заимствовано из кабардинского (черкесского) языка». Восьмая строка в надписи начинается с хорошо различимой буквы Χ, однако Г. Ф. Турчанинов эту строку читает как «'овс», что является, по его мнению, именем собственным этнического происхождения. (Овсы — грузинское наименование осетин). Эпиграфическое начальное Χ в слове «овс» он относит «к особенности местного произношения», полагая, что «им (этим эпиграфическим начальным) передано придыхание, которое в такой позиции сохранилось и до сих пор у кабардинцев»[26]. В связи с этим возникает вопрос: почему бы не попытаться прочесть надпись на кабардинском языке?

4. Последнюю букву девятой строки и десятую строку полностью исследователи читают как «фоурт». Но вторая буква девятой строки в надписи совершенно не похожа на букву γ (ипсилон). В надписи этот знак явно представляет собой сигму ς (Σ), а поскольку сигму подменить ипсилоном

---

[25] *В. И. Абаев.* Указ. работа, стр. 265.

[26] *Г. Ф. Турчанинов.* Журнал «Эпиграфика Востока», 1958, № 12, стр. 49.

4, 17—18) есть осетинское «фурт» (сын) в дигорской форме»[25].

Однако дело обстоит иначе:

2. В седьмой строке надписи имеется пять букв — ΡΙΦΟΙ, а восьмая строка начинается с отчетливо видимого знака Х. На плите отсутствуют буквы νΡΤ. Чтобы в седьмой строке прочесть слово «фоурт» (из последних трех букв седьмой строки), исследователи поступили следующим образом. В надписи последняя буква седьмой строки представляет собой вертикально врезанный в плиту знак I. Этот знак В. Ф. Миллером, В. И. Абаевым, Б. А. Алборовым и Г. Ф. Турчаниновым преобразован в γ (ипсилон). Кроме того, текст седьмой строки они увеличили еще на две буквы — РТ.

Внесением таких произвольных поправок исследователи получили нужное им слово «фоурт» и в то же время исказили первоначальный текст.

3. Г. Ф. Турчанинов шестую строку и первые две буквы седьмой строки читает так:

«Σαχηρη (Сахири). Имя собственное в родительном падеже. Исходная форма Σαχηρ — Сахир. На осетинской и иранской почве объяснения не находит. Полагаю, что здесь имя заимствовано из кабардинского (черкесского) языка». Восьмая строка в надписи начинается с хорошо различимой буквы Х, однако Г. Ф. Турчанинов эту строку читает как «'овс», что является, по его мнению, именем собственным этнического происхождения. (Овсы — грузинское наименование осетин). Эпиграфическое начальное Х в слове «овс» он относит «к особенности местного произношения», полагая, что «им (этим эпиграфическим начальным) передано придыхание, которое в такой позиции сохранилось и до сих пор у кабардинцев»[26]. В связи с этим возникает вопрос: почему бы не попытаться прочесть надпись на кабардинском языке?

4. Последнюю букву девятой строки и десятую строку полностью исследователи читают как «фоурт». Но вторая буква девятой строки в надписи совершенно не похожа на букву γ (ипсилон). В надписи этот знак явно представляет собой сигму ς (Σ), а поскольку сигму подменить ипсилоном

---

[25] *В. И. Абаев.* Указ. работа, стр. 265.

[26] *Г. Ф. Турчанинов.* Журнал «Эпиграфика Востока», 1958, № 12, стр. 49.

нельзя, не искажая текста, то, следовательно, прочесть в указанных строках слово «фоурт» невозможно.

5. Одиннадцатая строка начинается с буквы П, но все исследователи читают ее как Б. Так же они поступают в 12, 15, 16-й строках надписи.

6. В двенадцатой строке исследователи начальную букву Θ передают как Т, считая, что эти буквы в надписи передают один звук, с чем, однако, никак нельзя согласиться. Буквы Θ и Т в надписи должны передавать не одинаковые, а совершенно различные звуки. Если бы они обозначали один и тот же звук, то писавший, несомненно, ограничился бы передачей его одной и той же буквой.

7. Последнюю букву тринадцатой строки — И Абаев читает как Р, а в шестнадцатой строке, после букв λαNα, ссылаясь на ошибку писца, вставляет букву N (в слове «А(н)балана») и этим искажает текст надписи.

8. Четырнадцатую строку полностью, последнюю букву семнадцатой строки и восемнадцатую строку все исследователи читают как осетинское слово «фурт». Нетрудно заметить, что в тексте надписи слово «фоурт» состоит из пяти знаков, тогда как в осетинском слове «фурт» их всего лишь четыре.

Другими словами, буквы ογ исследователи считают дифтонгом, передающим звук «у», полагая, что надпись на Зеленчукской плите выполнена на осетинском языке при соблюдении греческого правописания.

9. Третью букву девятнадцатой строки — К проф. Абаев по непонятным причинам читает как Г, тогда как во всех остальных случаях (в строках 4, 11, 13) он читает ее правильно.

10. Восьмую строку надписи В. Ф. Миллер не прочитал, а девятую строку начинает читать с последней буквы восьмой строки — с Ф, которую он относит к следующей строке для получения слова «фоурт». Кроме того, предложив чтение девятнадцатой, двадцатой и двадцать первой строки, он сомневается в правильности своего чтения (см. вариант чтения надписи В. Ф. Миллером).

11. Так же как и В. Ф. Миллер, проф. В. И. Абаев не прочитал восьмую и девятую строки. Последнюю букву девятой строки он тоже и с той же целью относит к десятой строке.

12. В. И. Абаев, ссылаясь на Г. Ф. Турчанинова, считает последние четыре буквы ΟΘϛλ двадцать первой строки надписи цифрами, означающими дату установки памятника

по солнечной системе летосчисления. По этому поводу Г. Ф. Турчанинов пишет следующее:

«Мне кажется, что буквы «Оѳçλ» могут обозначать только дату. Дата эта, как мне кажется, исчислена по солнечному кругу. При исчислении солнечного круга, как одной формы летосчисления, слово «круг» обозначается кружком ⊙, исходя из этого, я предполагаю, что буква О зеленчукской надписи означает не О, а символ солнечного круга» [27].

Если бы в тексте надписи буква О означала летосчисление по солнечному кругу, то в середине ее стояла бы точка, но ее там нет. Кроме того, слово «круг» обычно передается не в форме эллипса, а в форме правильной окружности. На памятнике мы имеем не символ круга, а букву.

Все сказанное дает основание не разделять мнение Г. Ф. Турчанинова относительно расшифровки двадцать первой строки надписи.

На Зеленчукской надгробной плите зафиксировано 92 знака. А из приводимой ниже таблицы видно, что 28 букв исследователи не прочли. Таким образом, транскрибированы правильно $^2/_3$ букв от общего числа, а $^1/_3$ — не расшифрована.

Которая строка	Сколько букв транскрибировано неправильно	Сколько букв внесено необоснованно	Сколько букв заменено	Сколько букв не прочтено вообще
III	—	—	—	4
IV	—	1	1	—
VII	—	2	1	—
VIII	—	—	—	5
IX	—	—	—	4
X	—	—	1	—
XI	—	—	1	—
XII	1	—	1	—
XIII	—	1	1	—
XV	1	—	—	—
XVI	1	1	—	—
XIX	1	—	—	—
XXI	—	—	1	4
Итого . .	4	5	7	17

[27] Известия АН СССР, ОЛЯ, т. VII, 1958, вып. I, стр. 80—81.

Итак, допускаемые в практике расшифровок древних письменных памятников так называемые поправки к тексту в данном случае выходят за общепринятые рамки. Ошибка исследователей заключается в том, что при помощи таких поправок они получили четырежды слово «фоурт», а это привело к неправильной расшифровке зеленчукской надписи. Кроме того, как уже указывалось, один из исследователей (Г. Ф. Турчанинов), признав слово Σαχηρ (6-я строка) кабардинским, не попытался расшифровать текст зеленчукской надписи с позиций кабардинского языка.

Попробуем читать надпись не на осетинском, а на кабардинском (адыгском) языке, не искажая текста, строго сохраняя имеющиеся там буквы, ибо, на наш взгляд, прочтение её возможно без замены начертанных знаков другими. Надпись состоит из следующих знаков (не считая трех верхних строк):

„...ΡΚΟΛΑΟϹϹΑΧΗΡΙΦΟΙΧΟΒϹΙΟϹΡΙ
ΦΟϹΡΤΠΑΚΑΘΑΡΠΑΚΑΘΑΙΦΟΥΡΤ
ΑΝΠΑΛΑΝΑΠΑΛΑΝΗΦΟΥΡΤΛΑΚΑΝΗΤΕΡ
ΘΕΟΘϹΛ."

Что касается букв, расположенных выше христианской эмблемы, то они не представляют большой трудности для чтения. Для расшифровки **сплошного текста** зеленчукской надписи предлагается буквы расположить в следующем виде:

„..ΡΚΟ ΛΑ ΟϹ ϹΑΧΗΡ ΙΦΟ Ι ΧΟΒϹ ΙΟϹΡΙ
ΦΟϹΡΤ ΠΑΚΑ ΘΑΡ ΠΑΚΑ ΘΑ ΙΦΟ ΥΡΤ
ΑΝΠΑΛΑΝΑΠΑ ΛΑΝΗΦΟ ΥΡΤ ΛΑ ΚΑΝΗΤΕΡ
ΘΕΟ ΘϹΛ."

Кабардино-Балкарский Госуниверситет БИБЛИОТЕКА

Расположив (расчленив) буквы зеленчукской надписи в том порядке, в каком они приведены выше, попытаемся раскрыть значение полученных слов *.

1. Первое слово текста IΣ ХΣ — ищхьэщ, состоит из: «и» — притяжательное местоимение третьего лица (ср. и псалъэщ — его слово, и Iуэхущ — его дело); «щхьэ» — голова, верх, глава (ср. си щхьэ — моя голова, уи щхьэ — твоя голова); щ — утвердительный суффикс (ср. щIалэщ — парень (этот) есть).

2. Второе слово надписи ОАГΣ—уаджэщ. Значение этого слова неизвестно. Однако ясно, что данное слово входило в группу слов фаджэ, ныджэ, где «дж» есть отрицание.

3. ҐКО — якъуэ — состоит из: «я» — притяжательное местоимение третьего лица множ. числа; (ср. я щIалэ — их парень) и «къуэ» — сын — их сын.

4. ЛА — лIа — причастная форма от глагола «лIэн» (умереть) в прошедшем времени (ср. псэуа — живший, кIуа — прошедший, пошедший и т. д.).

5. ОΣ— уэс — состоит из двух корней: «уэ» (природа вообще) и «с» (корень глагола къесын — выпадать [снег]; «уэс» буквально значит «снежащаяся природа, погода» (ср. подобные образования: уэшх — из «уэ» и «къешхын» — дождящаяся природа).

6. ΣАХНР — сэхыр. Слово «сэх» в именительном падеже с аффиксом имен. падежа -р (ср. щIалэ-р (парень) в именительном падеже) — изваяние, памятник.

7. ИФО — ифу (и фэу) состоит из: «и» — притяжательное местоимение третьего лица (его) и «фэ» (память, лик, образ) в наречной форме с аффиксом «уэ», что значит «его память», «его лик» и т. д.

8. Вертикальный знак I мы считаем разделительным.

9. ХОВΣ — Хъубс — адыгское имя **, стоит в эргативном падеже.

10. ИОΣРИ — иусри — деепричастная форма от глагола «усын» (воспеть) в третьем лице (на что указывает префикс третьего лица и-); -ри — суффикс деепричастия в

---

* В грамматическом разборе текста нам содействовал аспирант Кармоков, которому выражаем свою признательность.

** В одной старинной песне у бжедугов (одного из адыгских племен), как нам сообщил аспирант МГУ Н. Ивануков, имя Хубс встречается в следующем виде: «Хъупс и сыхьэтыпсыр», т. е. «Хубс, его часовая цепочка».

прошедшем времени (ср. итхри — написав, ишхри — съев [он]), что значит: воспев.

11. ФОΣРТ — фэусырт — от корня «усэ» (стих, песня), «усын» (воспеть) с префиксом фэ-. Префикс фэ- сохранился в адыгейском языке, в кабардинском его заменяет хуэ- (ср. *хуэтхэрт* — [он] [для него] писал).

12. ПАҚА — Пакъэ — адыгское собственное имя, встречается в нартском эпосе, бытующем у кабардинцев, черкесов, адыгейцев. Пакъэ — состоит из «пэ» (нос) и суффикса -къуэ, указывающего на величину, необычность; (ср. жьакъэ — необычный рот, дзэмыкъ — с необычными зубами).

13. ΘАР — тхьэр — адыгское название бога (тхьэ) с аффиксом именит. падежа -р.

14. Двенадцатое слово ПАҚА — см. пункт 12.

15. Тринадцатое слово ΘАР — см. пункт 13.

16. Четырнадцатое слово ИФО — см. пункт 7.

17. Очередное слово γРТ — уэрат (уэрт) — состоит из «уэ» (ты) и указательного местоимения «ар» (он, это, то, именно он и есть); уэрат — «именно ты есть», «ты был есть»; -т — суффикс утверждения (ср. сэрат — я был это есть).

18. Шестнадцатое слово АΝПАΛΛΝАПА — анэпалъэнапэ. Дословно означает «мать+равный+лицо». Это слово надо понимать следующим образом: «честь кормилицы» («лицо кормилицы» — в смысле совести или чести). Употребляется в кабардинском (адыгском) языке, когда речь идет не о родной матери и не о мачехе, а только о воспитательнице, кормилице (слово анэпалъэнапэ ср. нэпэIэлъэщI: нэ-пэ-Iэ-лъэщI — глаза-нос-рука-вытирай).

19. Следующее слово ΛΛΝΗФО — лIэныфIэу — состоит из «лIэ» (корень глагола «лIэн» — умереть) и «фIэ» (прекрасный, хороший, славный), воспринимаемое сейчас как оценочный суффикс); н — соединительный суффикс (ср. кIуэныфIэ хъун — хороший, счастливый отъезд, поездка); -у — суффикс наречия.

20. Очередное слово γРТ — уэрат — см. пункт 17.

21. Двадцать первым словом текста является слово ΛΛ, разобранное нами выше — см. пункт 4.

22. ҚΑΝΗТЭР — къантазыр. Состоит из слов «къан» (воспитанник) и «тазыр» (судьба, рок, наказание неизбежное и т. д.). Понимание значения слова «къантазыр» представляет некоторую трудность. В прошлом веке и ранее это слово имело большое распространение. Оно означало,

что за убитого человека мужского пола родственники убийцы или близкие ему лица должны были для предотвращения кровной мести украсть ребенка-мальчика из дома пострадавшего и воспитывать до совершеннолетия, после чего его с почестями отводили к родным *.

23. ΘΕΟ — хейуэ — наречие от прилагательного «хей» (честный); образовано суффиксом -уэ (ср. бейуэ — богато, лейуэ — излишне).

24. ΘΣΛ — щылъ — форма второго лица побудительного наклонения от глагола «щылъын» (лежать), что значит «лежи» (ты); щы- — префикс, указывающий место, местоположение, прибавляется к глагольному корню «лъы» (леж-ать) (ср. телъын — лежать на чем-нибудь; фIэлъын — лежать, висеть на чем-то).

Надо заметить, что буквой С передается то звук «с», то звук «ш». Буквами Т и Θ передаются, как уже говорилось, совершенно разные звуки: Т в древнегреческом произносилось как «тау», а буквой Θ в классическую эпоху греческого языка передавали звук «th» с придыханием. Буква α при чтении текста надписи в зависимости от своего положения выступает то как долгая гласная, то как краткая. Что касается первой — третьей строк Iς Χς *αατς*, то см. об этом «Чтение этокской надписи».

Итак, мы рассмотрели значение каждого из слов *зеленчукской надписи. Теперь изложим этот текст в той же* последовательности в двух вариантах.

I вариант

Ищхьэщ уаджэщ якъуэ лIэ уэс. Сахыр ифу. Хъубс иусри фэусырт. Пакъэ тхьэр. Пакъэ тхьэ ифу уэрат анэпалъэнапэ лIэныфIу уэрат лIа къантазыр хейуэ щылъ».

«Изголовье.... их сына умершего светлого. Изваяние ему как памятник. Хубс, сложив (стих), воспевала (оплакивала) Пако бога. Пако богом был ты, умер ты, кантазыр, славно (достойно), не опозорив честь кормилицы. Лежи, не грешен ты».

---

* Не следует смешивать термины «къантазыр» и «къан», ибо эти слова означают совершенно различные виды воспитания. «Каном» называют воспитуемого, когда речь идет об обычном воспитании, не обусловленном искуплением вины за убитого, в связи с бытовавшими обычаями кровной мести.

II вариант

Ищхьэщ уаджэщ. Якъуэ лІа уэс сахыр ифу. Хъубс иусри фэусырт Пакъэ тхьэр. Пакъэ тхьэ ифу уэрат, анэпалъэнапэ лІэныфІу уэрат лІа къантазыр хейуэ щылъ»

«Изголовье.... Сыну их, умершему снежное изваяние как след (*память*). Хубс, сложив (стих) воспевала Пако бога. Пако богом ты был, умер ты, кантазыр, славно (достойно), не опозорив честь кормилицы. Лежи, не грешен ты».

Первый вариант расшифровки надписи предполагает, что слова, расположенные на плите выше христианской эмблемы, являются частью целого предложения, которое заканчивается словом «ос».

При втором варианте расшифровки мы предлагаем полагать слова, находящиеся выше христианской эмблемы на плите, одним предложением. Слово «ос» в этом случае должно передавать не святость (светлость) умершего, а белизну каменного изваяния: памятник на самом деле сделан из белого известняка.

Необходимо обратить внимание на следующее: в нашем чтении в тексте говорится, что «Хубс, сложив (стих), воспевала Пако бога». Если изложить в виде стихотворной строфы последующие строки надписи, то получается своеобразный плач по умершему:

...Пакъэ тхьэ ифу уэрат
анэпалъэнапэ лІэныфІу уэрат
лІа къантазырр. Хейуэ щылъ.

Пако богом был ты,
Честь кормилицы не опозорил ты.
Славно (достойно) умер (ушел) ты,
Лежи, не грешен ты.

Оба варианта расшифровки текста зеленчукской надписи можно получить без особых ухищрений. Более того, мы не можем сказать, что писец был «малограмотным» и при нанесении слов на плиту где-то допустил ошибку, так как текст надписи, сравнительно обширный по объему и содержанию, имеет строгую последовательность слов и чередование звуков во взаимосвязи.

Перейдем к датировке памятника.

И в этом вопросе во мнениях исследователей отчетливо видны противоречия, разнобой. На плите имеется христиан-

ская эмблема, без цифровых данных. Акад. В. Ф. Миллер датирует памятник дважды: первый раз 692-м, второй раз — 1018 годом н. э. Для такой датировки В. Ф. Миллер удачно, по мнению В. И. Абаева, привлекает другой памятник — каменный крест с греческой надписью, на котором отчетливо читается дата 6521 г., т. е. 1018 г. н. э.

Однако, наряду с этим, В. И. Абаев считает, что более удачный, чем В. Ф. Миллер, вариант датировки памятника предложен Г. Ф. Турчаниновым, который датирует памятник 941 г. н. э.

Проф. В. И. Абаев считает, что христианская эмблема на аланском памятнике 941 г. вполне на своем месте, так как официальная христианизация алан произошла в начале X в. Не случаен, по его мнению, и тот факт, что рядом с Иисусом Христом в надписи фигурирует святой Николай, а не какой-нибудь другой святой. Но привлечение имени «Николай» в качестве доказательства датировки памятника является шатким аргументом, так как при прочтении зеленчукской надписи без натяжек и поправок в тексте это имя невозможно прочесть.

Что касается того, что в надписи якобы имеется слово «святой» (4-я строка), то после него исследователи поставили вопросительный знак, которым подчеркивается, что это слово не прочтено. Нельзя, конечно, непрочтенное, сомнительное слово увязывать с отсутствующим, ненаписанным именем (Николай) и на основании этого датировать зеленчукскую надпись.

Предложенную акад. Миллером датировку не признают ни В. И. Абаев, ни Г. Ф. Турчанинов. Иначе они не предложили бы свой, особый, необычный, как выражается Г. Ф. Турчанинов, вариант датировки.

Существующие между исследователями разногласия по вопросу датировки памятника можно изобразить следующей таблицей:

Исследователь	Сколько раз датирует	1-я датировка	2-я датировка
В. Ф. Миллер	2 раза	692 г. н. э.	1018 г. н. э.
Г. Ф. Турчанинов	1 раз	941 г. н. э.	
В. И. Абаев	Согласен с датировкой В. Ф. Миллера (1018), но считает более удачной датировку Г. Ф. Турчанинова		
Б. А. Алборов	2 раза	1062 г. н. э.	1063 г. н. э.

Датировка памятника для указанных исследователей превратилась в самостоятельный вопрос, не вытекающий из текста зеленчукской надписи. И это понятно, так как полученные тексты лишены логической связи и, главное, в них невозможно найти определенную законченную мысль.

Таким образом, существующие варианты чтения (расшифровок) текста зеленчукской надписи и датировки памятника * не могут считаться достоверными. Следовательно, *нельзя устанавливать преемственную связь между аланами* и одним осетинским народом на основе неправильно прочтенного текста.

Византийцы, а вслед за ними арабы и европейские писатели называли аланами вообще все народы Северного Кавказа [28].

Поскольку Зеленчукская надгробная плита была найдена на территории, где в прошлом жили аланы, надпись на ней могла быть выполнена на языке одной из северокавказских народностей, входивших в аланское племенное объединение. Допуская вероятность вхождения в аланское объединение предков адыгского народа, наряду с предками осетин **, мы считаем возможным читать зеленчукскую *надгробную надпись на кабардинском языке, причем для* этого не требуется вносить в первоначальный текст никаких поправок и дополнений. Надпись читается свободно, и слова текста в новой расшифровке подчиняются логике языка, язык — логике писца, писец — логике событий.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ ДРЕВНЕГО ХРАМА ИЗ ДОЛИНЫ РЕКИ БОЛЬШОЙ ЗЕЛЕНЧУК

Можно было бы взять под сомнение принадлежность адыгам зеленчукской надгробной надписи, о которой шла выше речь, если бы в долине р. Б. Зеленчук не сохранилась другая надпись — на стене древнего храма византийского типа.

---

* Наш вариант датировки зеленчукской надписи изложен в разделе «К вопросу о датировке Этокского памятника».

[28] «Очерки истории Адыгеи», т. I. Майкоп, 1957, стр. 66.

** Акад. В. Ф. Миллер, писавший в своих трудах об идентичности алан и осетин, тем не менее замечает: «свидетельства об аланах только отчасти касаются осов, а частью могут относиться к другим племенам Северного Кавказа». (*В. Ф. Миллер,* Осетинские этюды. III).

В верховьях Кубани, главным образом в ущелье по р. Б. Зеленчук, осталось около десяти христианских храмов[29]. В этом ущелье сохранились, кроме того, остатки большого поселения. Местность, на которой находятся остатки древних построек, занимает правый берег реки и в глубине ущелья с северо-востока к юго-западу простирается примерно на 7 километров. В этом древнем городе было три храма, сохранившихся настолько хорошо, что самый большой из них в 1889 г. был реставрирован и превращен в действующую церковь[30].

На стене одной из этих церквей майор Потемкин обнаружил в 1802 г. хорошо сохранившийся образ Николая Чудотворца и буквы по обе стороны образа.

Акад. Бутков, которому была доставлена копия с этой надписи, расшифровал ее следующим образом:

«Осиос Николаос Аспе Патрос»[31], что в переводе самого академика означает: «Святитель Николай, покровитель Аспе».

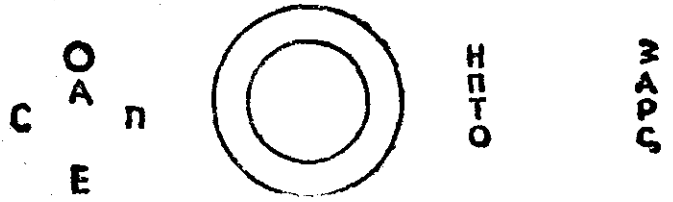


Рис. 3. Рисунок со стены храма долины р. Зеленчук (прорисовка).

Надо полагать, что майор Потемкин, своими глазами видевший изображение святого, был совершенно уверен в том, что на стене храма был запечатлен лик Николая Чудотворца, и поэтому он смог убедить в этом акад. Буткова. В противном случае последний не вставил бы в текст своего чтения имени «Николай», так как из имевшихся в его распоряжении букв такую комбинацию составить невозможно.

Присмотримся к методу, к которому прибег акад. Бутков при расшифровке надписи.

---

[29] *И. Помяловский.* Сборчик греческих и латинских надписей Кавказа. СПб, 1881, стр. 6.

[30] «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 70.

[31] *И. Помяловский.* Указ. работа.

Он начинает свое чтение надписи с буквы О, потом читает букву С, после этого Е и возвращается к букве О. Записав букву С, исследователь прерывает чтение всех букв, зафиксированных слева от образа.

Очередным словом текста надписи он считает «Николай». Но разве можно осмыслить образ как слово? Предположим, что этот образ был не Николая Чудотворца, а Иисуса Христа. Что же надо вставить в этом случае в текст чтения надписи? Разумеется, мы не можем согласиться с акад. Бутковым, который читает образ (лик) как слово.

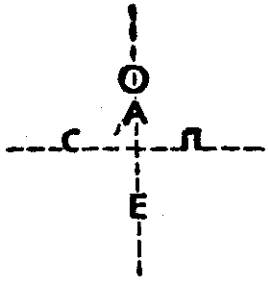
Прочитав (осмыслив) образ как имя «Николай», Бутков возвращается к надписи, расположенной слева от центра, чтение которой он прервал. Теперь он читает здесь «Аспе» и завершает свою расшифровку, обратившись к буквам, начертанным справа от центра.

Здесь он читает «Патрос». Но он допускает ошибку: над этим словом расположены два знака: HN, которые он игнорирует при расшифровке надписи. Кроме того, в надписи слово «Патрос» стоит в родительном падеже *, что также исследователем не учитывается.

Далее. Почему акад. Бутков начал свою расшифровку со слова «Осиос»? Не потому ли, что надпись так читается по-гречески? Кроме того, если уж начать чтение, то нелогично его прерывать.

То же самое следует сказать и о чтении Бутковым слова «Аспе».

Необходимо заметить, что буквы левой части надписи писец расположил замысловато. Если соединить крайние буквы прямыми линиями, мы получим начертание квадрата:



* По-гречески отец — патер (им. падеж).

или ромба. Если же соединить прямой линией противоположные буквы, получится крест. Не заложен ли в написании этих букв какой-то порядок, отличный от того, которого придерживался при расшифровке акад. Бутков?

Известно, что большинство населения земного шара пишет слева направо. Что касается народов Ближнего Востока, то они пишут справа налево, а китайцы — сверху вниз.

Известно также, что в древние времена писали и читали слева направо до конца, а потом справа налево, возвращаясь к началу, и т. д.

Можно предположить, что надпись, о которой идет речь, могла быть выполнена в особом порядке: в той, например, последовательности, как христиане осеняют себя крестным знамением, поочередно поднося правую руку со сложенными пальцами ко лбу, груди, одному и другому плечу. Если принять этот порядок за «ключ» для чтения нашей надписи, то мы получим следующее чередование букв:

ОЕСПАИСПНNПАТРОС

Эти буквы пока представляют собой просто набор знаков. Но расчленим эти знаки следующим образом:

ОЕ СПА ИСП НN ПАТРОС

Передадим звуки современными буквами кабардинского алфавита:

УЭ СПІА ИСП ИН ПАТРОС

Осуществим перевод на русский язык:

«Ты мной воспитан исп *, великий Патрос».

Итак, при нашем чтении мы получаем законченный текст с прямым обращением; обращение это адресовано к образу, изображенному на стене храма, и, стало быть, нет необходимости осмысливать образ как слово.

Нам могут заметить, что при чтении левой части надписи мы брали в качестве «ключа» крестное знамение, тогда как при чтении правой части отказались от этого «ключа».

Такое возражение правомерно, но если, не отказываясь от принятого «ключа», продолжать то же самое столько раз, сколько букв на правой стороне надписи, то мы все равно получим этот же текст.

Имя Патрос есть то же, что Батраз. Переходное звучание этого имени проф. В. И. Абаев приводит в своей кни-

---

* Слово встречается в тексте адыгского нартского эпоса.

ге «Осетинский язык и фольклор»[32], давая написание «Патраз». Но шапсуги * до сих пор произносят его как «Патрос». Данное имя является не мифическим, а историческим в силу наличия памятника — храма, посвященного ему, Патросу, и в то же время оно принадлежит персонажу общеадыгского сказания о прикованном к скале богоборце. Поскольку храм, о котором идет речь, можно считать усыпальницей Патроса (Батраза), постольку возникает вопрос: где же в таком случае родился Батраз?

Нам кажется, что он родился там, где оказался захороненным, а именно в ущелье реки Зеленчук. На это, по-видимому, указывают следующие слова из одной героической песни, посвященной Батрезу (Патросу), известной под названием «Батрез». Мы возьмем из нее только раздел: «Детство Батреза».

Эй! Химышев Батрез!
Нет ни равных, ни бо́льших.
Сто сердец он в сердце носит,
Сотню мужеств, сто печалей.
Он в утробе материнской
С нетерпеньем ждал рожденья,
Ждал отмщения за кровь:
Месть готовил за Химыша.
Из самшита низ люльки,
Изголовье из ореха;
Шесть ременных подвязок
Из оленьих хребтов.
Крепко к люльке привязала
Мать Батреза ремнями.
Но младенец потянулся —
Подломилось дно люльки;
Приподнявшись, он сел —
И ремни все разорвались.
Спрыгнул на пол, стал на ноги.
Векса-мать тут сказала:
«Подрастешь, мой Батрез,
Будешь первым меж нартов!»
В Инжиг Малый бросает
Мать Батреза-младенца, —
Кони нартов пить воду
Ходят, знала, в Инжиг Малый.
Пастухами был подобран
В Инжиг-речке Батрез[33].

Если верить тексту приведенной песни, то Батраз родился в районе р. Инжиг Малого. А Инжиг Малый — это Малый Зеленчук.

---

[32] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949.

* Название одного из адыгских племен.

[33] «Песни народов СССР». М., 1947, стр. 394—395.

Далее. Если храм оказался посвященным Патросу (Батрезу, Батаразу), то это был, как нам кажется, не храм в собственном смысле слова, а усыпальница, т. е. надмогильное сооружение.

Исходя из этого и других соображений, останавливаться на которых здесь не будем, происхождение церковных сооружений мы склонны объяснить последовательным развитием архитектурного оформления могил.

Необходимо обратить внимание на следующие детали: общее количество букв, полученных при нашем чтении, составляет 16 знаков. Из них 8 букв (знаков) расположены по левую сторону от образа, а остальные 8 — по правую.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что правильный крест имеет четыре конца (+). Следовательно, 16 : 4=4, т. е. мы получаем в результате нашего чтения правильный крест.

Проиллюстрируем сказанное, пронумеровав для этого все 16 букв:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
О	Е	С	П	А	И	С	П	Н	N	П	А	Т	Р	О	С

1
5
9
13

4 8 12 16 ✚ 3 7 11 15

2
6
10
14

Кроме всего сказанного, общее количество знаков (16) или сумма всех чисел от 1 до 16 (136) может означать дату выполнения надписи: 16 или 136. Но спрашивается, по какому календарю? Какое летосчисление здесь применено?

Возникает вопрос: не были ли авторы надписи, изобретшие столь сложную композицию знаков, знакомы с формулой арифметической прогрессии и не производили ли они посредством ее свои вычисления? В самом деле, если в

формулу арифметической прогрессии подставим имеющиеся в нашем распоряжении конкретные цифры, то получим:

$$S_n = \frac{(a_1 + a_n) \cdot n}{2} = \frac{(1 + 16) \cdot 16}{2} = 136,$$

т. е. цифру, приведенную нами выше *.

---

* В связи с нашим предположением о возможности знакомства древнего населения долины р. Б. Зеленчук с математической формулой (арифметической прогрессии) считаем уместным привести интересный рассказ, иллюстрирующий связь математики с древней надписью.

В 1799 г. неподалеку от города Розетты французские саперы, роя траншеи, наткнулись на какой-то твердый и массивный предмет, оказавшийся базальтовой плитой. Когда плита была извлечена и очищена от земли, то оказалось, что вся поверхность ее покрыта ровными строками четко выгравированных письмен, которые за малым исключением отлично сохранились. Это был знаменитый Розеттский камень. Надпись на нем сделана тремя разными видами письмен. Верхняя, наиболее поврежденная часть, исписана иероглифами, средняя — крючковатыми знаками, а нижняя — хорошо известными греческими буквами.

Последняя строка греческого текста гласила, что данная надпись — тройная, что она высечена «священными, туземными и греческими письменами». Ученые решили, что и иероглифы и туземные крючковатые письмена должны повторять слово в слово содержание греческого текста. А если так, решили они, то, самым тщательным образом сличая и сопоставляя отдельные греческие слова, имена собственные, географические названия со «священными» и «туземными» письменами, можно будет научиться их читать. Понятно, что это было нелегкой задачей.

За чтение надписей Розеттского камня взялся французский востоковед Сильвестр де Саси. Он начал с попыток прочесть средний, «туземный» текст.

В греческом тексте встречаются имена Александр, Птолемей, Арсиноя и ряд других, а также название города Александрии. «Вероятно, и по-египетски эти слова звучат примерно так, как по-гречески,— предположил исследователь.— Найду эти слова в туземной надписи, потом разложу каждое имя по буквам и узнаю не менее десятка букв египетского алфавита».

Но как в массе непонятных крючков и закорючек найти слова «Александр», «Птолемей», «Арсиноя», «Александрия»? На этот вопрос Сильвестр де Саси дал остроумный ответ. Он призвал на помощь... циркуль, воспользовавшись законом математических пропорций. 54 строкам греческого текста соответствовали 32 строки текста «туземного». Зная место каждого имени собственного в греческом тексте, он составил ряд пропорций и затем при помощи циркуля находил соответствующие места в «туземном» тексте. На первых порах ученому сопутствовала удача. Несколько имен собственных он определил правильно. Но, как только ученый начал анализировать эти имена и разбивать их на звуки, чтобы установить таким путем египетский алфавит, ничего не получалось. Сколько он ни бился, алфавита он так и не узнал и от дальнейших поисков отказался, передав копию камня шведскому ученому Окербладу.

Из рассмотрения двух зеленчукских надписей можно сделать вывод, что в период существования термина «алан» (средние века) в верховьях Кубани, по реке Б. Зеленчук, жили адыги, но не осетины.

ЧТЕНИЕ ЭТОКСКОЙ НАДПИСИ ИЗ БОЛЬШОЙ КАБАРДЫ

> Пошиб (стиль) фигуры (Этокского памятника.— *А. К.*) совершенно отличается от всех известных доселе стилей.
>
> *Бартоломей.*

Кавказ в археологическом отношении представляет чрезвычайно разнообразную, хотя, к сожалению, и малоразработанную почву. С древнейших времен народы волнами перекатывались через этот край, и отзвуки их бурной жизни до сих пор хранятся в памятниках, рассеянных по всему Кавказу.

Вдоль старых дорог, на высоких холмах и сейчас можно найти потемневшие каменные плиты. Они испещрены полустертыми временем письменами, содержащими в себе тайны далеких веков.

К числу памятников кавказской древности, заслуживающих тщательного изучения, принадлежат, между прочим, находящиеся в Государственном историческом музее (г. Москва) каменные изваяния[34]. «Они стояли некогда на

Неправильно было бы винить ученого в недостатке прилежания или настойчивости. Задача была очень трудная. Над иными рукописями писателей и поэтов-классиков ученые ведь просиживают годами, чтобы до конца во всем разобраться, да и то допускают разночтения. И это несмотря на то, что хорошо известны и письменность, и язык произведения, и его грамматический строй. Каково же было Сильвестру де Саси, который не знал ни того, ни другого, ни третьего и действовал лишь по наитию!

Надо упомянуть еще о Марселе и Рэже — двух молодых французских востоковедах. Они самостоятельно действовали приемами Сильвестра де Саси, ничего о них не зная, т. е. прибегли к тому же методу пропорций. С помощью циркуля обе надписи — греческая и «туземная» — были разделены на пропорциональные отрезки. Так как имя Птолемея встречается в греческом тексте одиннадцать раз, ученые начали поиски одиннадцати соответствующих групп знаков в туземной надписи. Это им удалось. Сопоставляя эти знаки со схожими «буквами» из других имен, они правильно определили несколько алфавитных знаков. Это был шаг вперед по сравнению с исследованием Сильвестра де Саси. (См. *Н. Петровский, А. Белов.* Страна Большого Хапи. Л., 1955, стр. 51—54).

[34] *В. В. Латышев.* Кавказские памятники в Москве. «Записки императ. русск. археологич. об-ва», т. II, новая серия, СПб, 1887.

могильных холмах языческой, полухристианской и магометанской Кабарды, и там были обозреваемы и описываемы учеными путешественниками...»[35].

Акад. Гильденштедт, путешествовавший по Большой Кабарде, 19 июня 1773 г. записал в свой дневник следующее *:

«На возвышенности, с восточной стороны реки Этоко, как раз прямо к западу от средней горы Темиркубшек и только немного на север, близ прекрасного источника, стоит статуя с надписью, которой буквы сходны с приведенными у Чегема и Баксана **.

Эта статуя слывет у черкесов под именем Дука Бек, но откуда это название — неизвестно. Буквы имеют большое сходство частью с греческими, частью с славянскими. Кресты и всадник Георгий ***, высеченные на этом памятнике, ясно указывают на то, что они исполнены греческими христианами.

...Находящаяся на передней стороне статуи надпись высечена внутрь, фигуры же выпуклые. Плотно прислоненными по самые локти руками и прямо обрубленными ногами статуя представляет подобие креста, возвышающегося на 8 футов и 8 дюймов над земной поверхностью и имеющего 3 фута 8 дюймов в окружности по поясу статуи, тогда как передняя и задняя стороны его почти вдвое шире левой и правой, соединяющихся одна с другой скошенными углами.

Голова высечена наподобие человеческой с небольшим круглым шлемом, покрывающим одно темя, волос на голове незаметно, равно и бороды и усов. Шея короткая, на затылке высечен небольшой крест. Несколько складок вокруг ворота, по-видимому, высовывается от рубахи. Верхние части обеих рук по локоть плотно прилегают к бокам туловища; передние же части рук сложены у груди с распростертыми пальцами так, что правая рука лежит выше левой и пальцы правой огибают сапогообразный сосуд, ко-

---

[35] *Г. Д. Филимонов.* Древние каменные изваяния в Пятигорске. «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее», 11—12, М., 1876, стр. 67.

* Текст записи Гильденштедта дается в переводе Г. Д. Филимонова, см. указ. сочинение.— *А. К.*

** Акад. Гильденштедт описал несколько памятников с надписями, которые он видел в Малой и Большой Кабарде.— *А. К.*

*** Почему этого всадника считают Георгием, мы так и не могли узнать.— *А. К.*

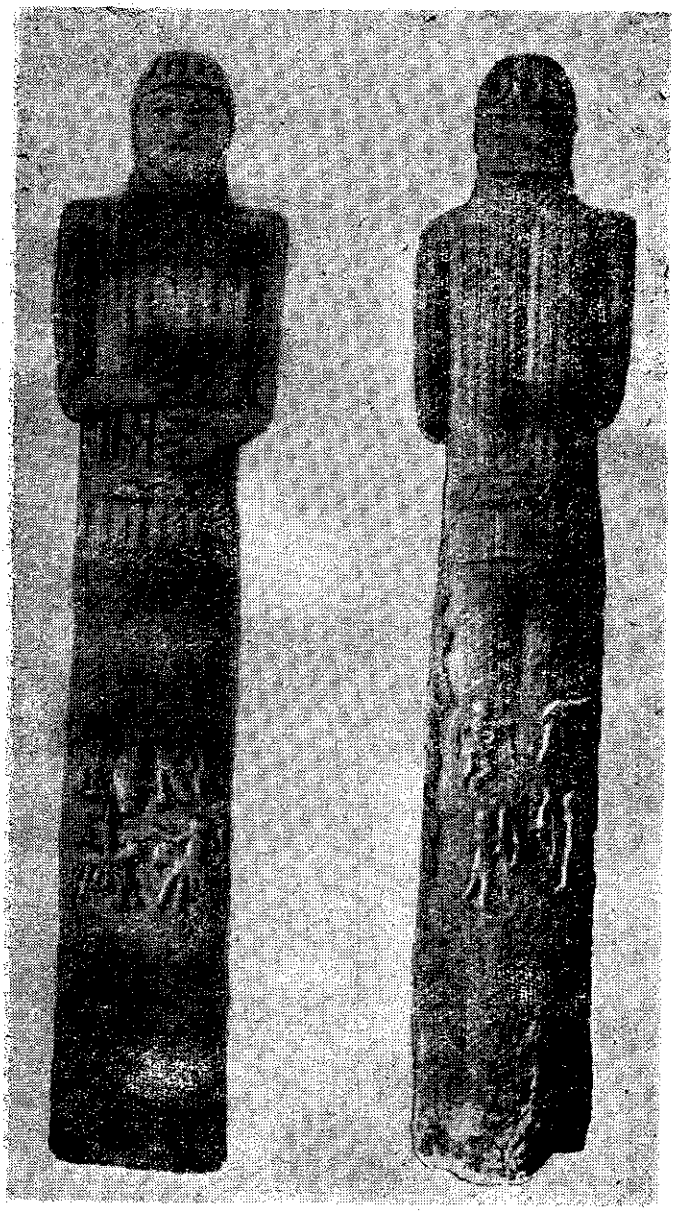


Рис. 4. Этокский памятник: 1) лицевая сторона и 2) вид сзади.

V

торый, вероятно, представляет рог. Руки и туловище покрыты кольчугой, которая не доходит до нижней части живота и на груди завязана девятью петлицами. Сверх кольчуги, выше нижней части живота, надет волнистый пояс. У правого бедра на этом поясе находится колчан с пятью выступающими стрелами, а у левого — лук в футляре и сабля, что не доходит даже ширины пояса. Ниже кольчуги, которой полы не доходят до середины статуи, статуя имеет вид сдавленного, неправильного цилиндра с утонением книзу, вовсе без обозначения ног, но усеяна буквами и разного рода фигурами.

С передней стороны, как раз ниже пояса, находится упомянутая выше надпись. Еще ниже две стоящие фигуры, между которыми сосуд с вином. С правой стороны стоящая фигура держит чашу, с левой — черпает из сосуда, чтобы наполнить чашу.

Рядом с последней фигурой стоит еще третья фигура, на коленях, и тоже с чашею в руке. Ниже их изображены два всадника в единоборстве на конях. С задней стороны под поясом стоит фигура в положении прицеливающегося из ружья в убегающего оленьего самца, а ниже его две стоящие фигуры с натянутыми луками и направленными друг на друга стрелами.

С левой стороны у пояса лук в футляре и ниже пояса — стоящая фигура, которая правой рукой держит кривую, изгибающуюся над головой саблю, а левою — цепь, на которой висит пятиглавый извивающийся дракон; под ним ниже еще стоящая человеческая фигура с дубиной на плече. С правой стороны у пояса колчан со стрелами, ниже солнечный диск, еще ниже оленья самка, ниже лунный диск, ниже его собака (?). Под этой еще человеческая фигура с копьем, направленным ко двору. Камень, из которого высечена статуя, ... весь порос серым и желтым мхом. Лицом статуя обращена на запад»[36].

Изложив перевод описания статуи, сделанного Гильденштедтом, Г. Д. Филимонов пишет: «...мы не можем не пожалеть о том, что Гильденштедт слишком мало обратил внимания на надпись, ограничился снятием с нее рисунка и почти вовсе не говорит о ней в тексте; она, очевидно, не вполне точно была скопирована, не прочтена на месте, и поэтому едва ли когда-нибудь будет объяснено ее значе-

---

[36] *Г. Д. Филимонов.* Указ. работа, стр. 75—76.

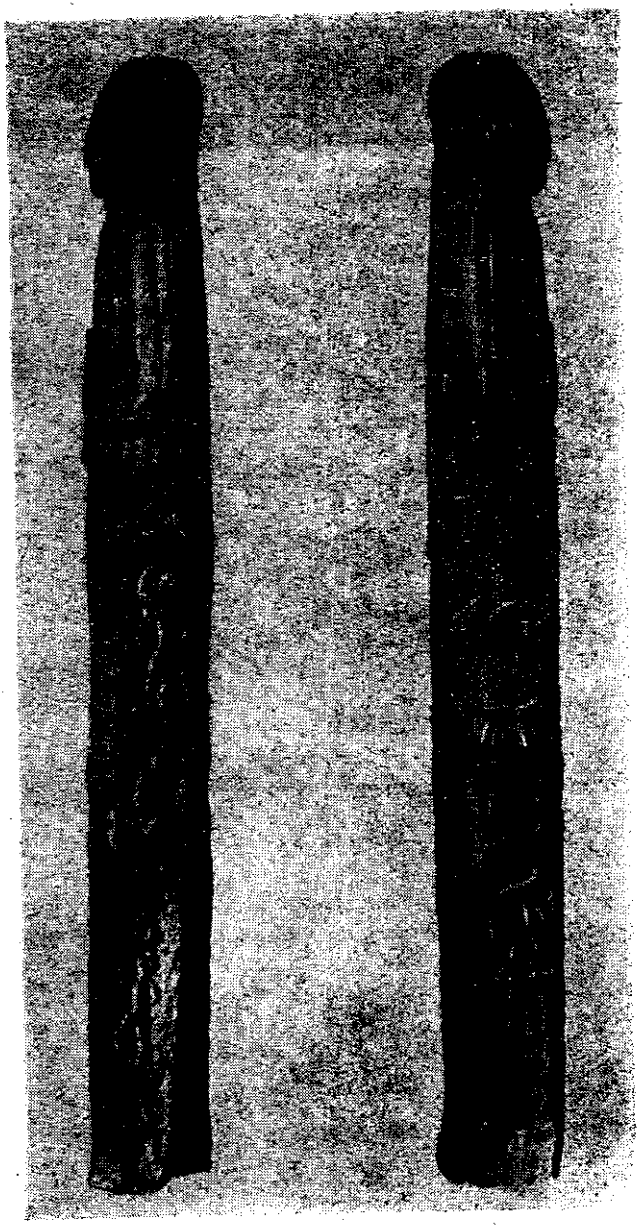


Рис. 5. Этокский памятник (вид с боков).

ние, так как в настоящее время от нее не осталось и следа на памятнике»[37].

Однако, по мнению доцента Г. Ф. Турчанинова[38], Гильденштедт скопировал ее достаточно точно. Приложенная вместе с рисунком самой фигуры к изданию его путешествия, надпись в таком виде была повторена Ю. Клапротом[39], а затем издана и И. Помяловским в известном его «Сборнике греческих и латинских надписей Кавказа»[40].

Акад. В. В. Латышев, заинтересовавшись кавказскими памятниками, находящимися в Русском историческом музее, в 1886 г. сообщил: «...надпись (Этокского памятника.— *А. К.*), отмеченная исчезнувшею, читается и теперь не хуже, чем прежде»[41]. Одновременно он предложил чтение начальных пяти строк из девяти, имеющихся на памятнике:

Εκοιμηδη (δ) δογλο(ς) του Θ(εα)ι Γεωργιο(ς) Γραικ(ος) ετους λρ...ιβ Μαρτι[ο]υ, что в переводе исследователя означает: «Успокоился раб божий Георгий Грек... 130 г. 12 марта».

Но кто же он был? Почему этот памятник известен у черкесов под именем не Георгия Грека, а Дука Бек? Не сохранилось ли о нем местных преданий?

Шора Ногмов, собравший в первой половине XIX в. предания кабардинского народа, называет изображенного на рисунке № 4 витязя Баксаном, а статую на основании тех же преданий относит к IV столетию:

«В половине IV столетия на реке Баксане жил князь Дауо *, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший сын его, Баксан, был знаменитый нарт своего отечества. Говорят, что он был убит готфским ** царем со всеми

---

[37] *Г. Д. Филимонов.* Указ. работа, стр. 76.

[38] *Г. Ф. Турчанинов.* К чтению надписи на Этокском памятнике 1130 г. из Большой Кабарды. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. VI, вып. VI, М., 1947, стр. 515.

[39] Voyage de Jean Potocki dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, v. 1, 1829, p. 182.

[40] *И. Помяловский.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб, 1881, стр. 18, № 32, табл. 4 и 5, рис. 14 и 13.

[41] *В. В. Латышев.* Кавказские памятники в Москве. «Записки императорского русского археологического общества», тт. II, новая серия, СПб, 1887.

* В «Кавказском календаре» за 1862 г., где помещена «История адыхейского народа» под редакцией и с примечаниями акад. Берже, это имя передано через «Дадо» (соответствует слову «дед»).

** В этом же календаре вместо слова «готф» фигурирует «тут».

своими братьями и восьмьюдесятью знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянию: мужчины били себя в грудь, а женщины рвали волосы на голове, говоря: «хадеш, хадеш Дауй куйр хада мугосш Дауи укуир уии дау икуий» *, т. е. «убиты, убиты Дауовы восемь сыновей, увы! Дауовы восемь сыновей».

Следующий обычай сохранился в Кабарде до настоящего времени. Весной, около половины апреля, молодые девушки с распущенными волосами поют эти слова, составивши хоровод. Предание говорит, что сестра убитых Дауовых сыновей собрала их трупы и похоронила с честью на берегу Этоко, где воздвигнула над их могилой каменный памятник, существующий и ныне. Он поставлен на кургане, вытесан из цельного камня и имеет вышину в 4 аршина от земли. Народ называет этот памятник «Дуукоха ясиен» вместо «Дауко Баксан», т. е. «Дауов сын Баксан».

Далее Ш. Ногмов пишет:

«Осталась песня, которую, говорят, сочинила сестра Баксана. Вот она:

«Геройство Баксана освещает антский народ своими доблестями.

Хоара сжимает ногами антский воин, и где бы он ни ездил, конь без вреда привозит его домой.

О родина Дауова Баксана, хотя он уже не существует, но когда будет добывать тебя Гут, не покоряйся.

Сонм нартов, отводя щитами удары вражеских копий, единодушно призывал бога на помощь; но Баксану не удалось участвовать в этой молитве.

Весь народ почитал его за благого духа; когда начиналось сражение и удары блистали, как молнии,— его присутствие поселяло в антском народе уверенность.

Гутские истязания не прекращаются, весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его тело на родину.

Собрав греков, я предложила им сделать памятник. Хотя каменный образ ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце. Народ не покидает траура и, чтоб его увековечить, реку Альтуд назвал Баксаном» [42].

---

* «Хьэдэщ, хьэдэщ Дауо и къуийр, хьэдэ мыгъуэщ! Дауо и къуийр, уей Дауо и къуийр».

[42] *Ш. Б. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 94—96.

Ш. Ногмов описывает памятник Баксану следующим образом:

«Памятник этот представляет молодого человека в шитой шапочке и в платье, похожем по покрою на нынешний бешмет с продольной строчкой. Застегнут он четырьмя четвероугольными застежками и подпоясан кожаным узким поясом, прошитым посредине ниже лифа; платье идет складками. Ноги не сделаны, но нижняя часть представляет столб с греческой надписью на передней стороне и множеством фигур, представляющих людей на охоте за зверями, воинские игры пеших и конных людей и с правой стороны колчан с стрелами, ниже пояса статуи, а с левой — сабля с рукояткой наподобие грузинской и лук в футляре. В этой греческой надписи можно многое разобрать и, между прочим, имя Баксана, а в конце год, который показывает, что он воздвигнут в IV столетии» [43].

В конце XIX в. акад. В. Ф. Миллер обнаружил на одном надгробии (из Малой Кабарды) ниже основной греческой надписи небольшую приписку, которая по-гречески не читалась. Поэтому он высказал предположение, что она является черкесской (т. е. кабардинской.— *А. К.*) [44].

Нельзя не отметить, что исследователи кабардинского языка, кроме доцента Г. Ф. Турчанинова, ни разу не вспомнили об этом предположении В. Ф. Миллера.

Г. Ф. Турчанинов, разделяя предположение В. Ф. Миллера, в 1944 г., а затем в 1947 г. высказал свое понимание этой приписки и пришел к выводу, что она выполнена на кабардинском языке. В частности, он подчеркивал:

«Надпись свидетельствует о том, что греко-византийская культура коснулась Кабарды не только в области пропаганды доктрин христианства. Принесенная сюда греческая письменность дала толчок развитию национального письма, но ему, к великому сожалению, не суждено было развиться до пределов всеобщего признания. Во всяком случае, судя по технике приспособления греческой графики к кабардинскому языку, можно быть уверенным и в том, что данная надпись являлась далеко не первой» [45].

---

[43] *Ш. Б. Ногмов.* Указ. работа, стр. 96.

[44] «Материалы по археологии Кавказа», вып. III, М., 1893, стр. 119—136.

[45] *Г. Ф. Турчанинов.* К чтению надписи на Этокском памятнике 1130 г. из Большой Кабарды. Эпиграфические заметки. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VI, вып. VI, М., 1947, стр. 512, 513.

Убежденный в правильности этой мысли, допуская наличие кабардинской эпиграфики греческого письма в домусульманский период, Г. Ф. Турчанинов тщательно изучил ту часть надписи Этокского памятника, которая до него не была прочтена[46].

Признав приводимый ниже к рассмотрению текст за кабардинскую приписку греческого письма, Г. Ф. Турчанинов первым из советских лингвистов-кавказоведов, расчленив сплошной текст надписи Этокского памятника, предложил чтение второй ее части. Надпись передана обычным шрифтом:

Τουκουκυικανηκουκουπεκ
υτϛορεχαωαμερεμεκου.
ουκο (υ) ιεαοεητης.

Тот же текст с некоторыми поправками для чтения исследователь предлагает в следующем виде (поправки заключены в скобки):

Τουκου κοι κανηκου κου Πεκ
υ τϛορε
[χε]χαωα Μερεμεκου ου κο(υ) ι εαοα ητηζ

Для уяснения общих особенностей текста Г. Ф. Турчанинов приводит его в двух параллельных, применительно к современному кабардинскому языку, чтениях: исправленном выше эпиграфическом и современном народном, с переводом на русский язык:

Тыкъу къуй Къаныкъу къу Бэк у(ы) цIэрэ(хэ) хауа Мэрэмэкъу и къуй я(й)уэ ытыщ.	Тыкъуэ и къуэкIэ Къаныкъуэ и къуэ Бек уи цIэр хэхауэ Мэрэмыкъуэ и къуэкIэ яйуэ итщ.

Перевод:

«Туко сына Кануко сын — Бек имя тебе принадлежащее (в этой надписи) что содержится изготовлено (врезано) Маремуко сыном».

По мнению Г. Ф. Турчанинова, «из сопоставления собственно греческого текста, разобранного Латышевым, с текстом приписки вытекает, что памятник поставлен в честь некоего Бека, в христианстве Георгия».

«Текст приписки,— пишет Г. Ф. Турчанинов,— показывает, что Бек является сыном Кануко, который, в свою

---

[46] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 518.

очередь, был сыном Туко. Иначе, Кануко Бек был отцом, а Туко дедом. Надпись выполнена сыном некого Маремуко».

В заключение Г. Ф. Турчанинов говорит: «Несомненно то, что Этокский памятник — памятник кабардинский».

Мы совершенно согласны с этим утверждением. Признаем правильным также текст надписи Этокского памятника, *который восстановлен и воспроизведен Г. Ф. Турчаниновым*. Однако можно, как нам кажется, улучшить предложенный вариант чтения.

Мы предлагаем другое толкование надписи. При этом мы будем строго придерживаться приведенного выше текста, восстановленного Г. Ф. Турчаниновым, поскольку считаем этот текст (кроме одной буквы) вполне правильно воспроизведенным.

По мнению Г. Ф. Турчанинова, группа собственных имен Τουκου, Κανηκσυ, Μερειεκσυ и Πεκ соответствует современным: Тыкъуэ, Къаныкъуэ, Мэрэмыкъуэ, БэкI. Он считает, что первые три из этих имен коренные, туземные, и образованы они, как то обычно для многих кабардинских имен, присоединением к первичной основе слова «къуэ» — сын, так как в надписи везде фигурирует κου (къу).

Однако, по нашему мнению, Г. Ф. Турчанинов допускает здесь некоторые неточности:

а) слово Τουκον он предлагает прочесть как «Тыкъуэ». Автор полагает, что значение первичной основы этого слова — «Ты» *неясно и непонятно*.

По-видимому, вся трудность в данном случае возникает от того, что само слово Τουκου прочитано неверно. В самом деле: откуда взялась первичная основа этого слова «Ты» (Тыкъу)? Если присмотреться к слову Τουκου, то увидим, что между буквами Т и κ стоят ου (омикрон и ипсилон). Разве можно сочетание этих двух греческих букв читать как Ы?

Чтобы убедиться в том, что это невозможно, посмотрим на 4-ю букву в слове Κανηκου или на первую и третью буквы последнего слова в тексте надписи ητης. В обоих случаях это буквы η (Къан[ы]къуэ) и ([ы] т [ы]щ), но не ου Следовательно, буквы ου должны передавать не звук обозначаемый обычно буквой η (ы), а нечто другое.

Мы полагаем, что во всем тексте надписи Этокского памятника о (омикрон) должен читаться как У (например в слове «уэ»). Что касается буквы υ (ипсилон), то она должна читаться как У, но более звонко, чем О (омикрон).

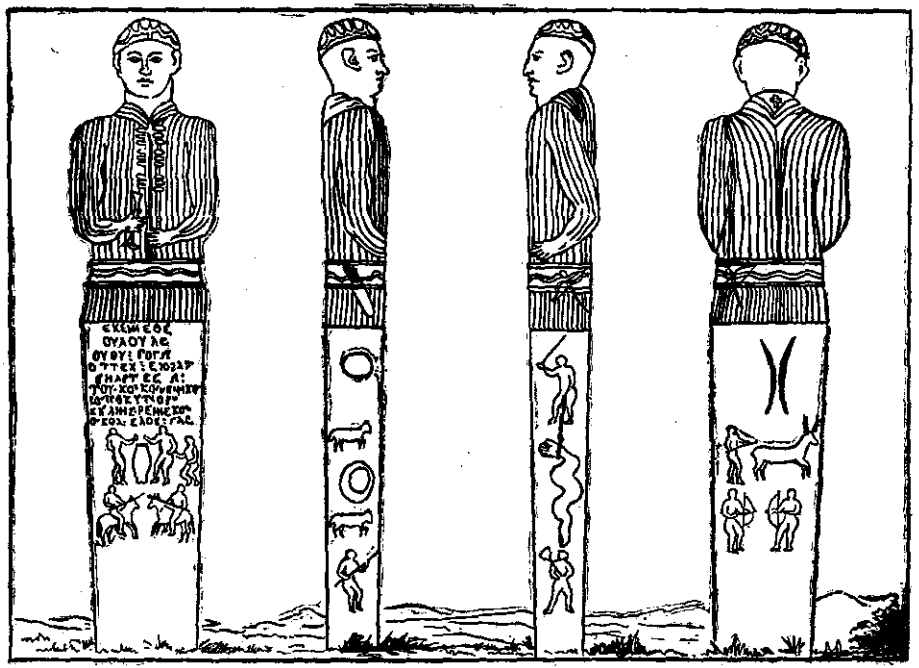


Рис. 6. Этокский памятник (прорисовка).

Первую букву в разбираемом слове Г. Ф. Турчанинов читает как Т. По нашему мнению, эту букву следует читать как «та». Буква Т в зависимости от того, какое место она занимает в слове (в начале, середине или в конце слова), должна читаться как Т (русское) или как «та». Эту букву, в отличие от Θ, которая читается как th (с придыханием), нужно читать как греческое «тау».

Вторую часть слова Τουκου исследователь читает также не совсем точно. Мы полагаем, что букву κ следует всегда читать как «къ» (как в слове «Къэбэрдей»).

При сочетании буквы κ (каппа) с о (омикрон) или с υ (ипсилон) образуется слово κο или κυ и произносится «къуо»; при сочетании же всех трех букв — слово κου произносится «къуэу».

Таким образом, с учетом предлагаемых поправок слово Τουκου следует читать уже не как «Тыкъу», а как «Таукъуэу» или «Таукъуо», т. е. сыновья Тауо.

Слово «Таукъуэ» составлено из собственного имени Тауо (см. ниже «Дауо») и нарицательного «къуэ» — сын. Эти два слова связаны между собой по типу соположения — наиболее распространенной в адыгских языках синтаксической связи. Словосочетание «Таукъуэу» имеет форму выделительного падежа, характеризующегося аффиксом -у; эта форма имеет место и в современных адыгских языках (в том числе и в кабардинском).

Дословный перевод этого словосочетания: «Тауо сын». Собственное имя Тауо (Дауо) несклоняемое, а «къуэу» (сын) стоит в выделительном падеже единственного числа. Но в адыгских языках множественное число передается *формой единственного же числа. Следовательно, смысл* этого словосочетания в конечном счете таков: «являющиеся сыновьями Тауо (Дауо)» или «сыновья Тауо (Дауо)».

Второе слово в тексте надписи κυι Г. Ф. Турчанинов транскрибировал как «къуй». Однако при параллельном чтении этого слова на современном кабардинском языке исследователь почему-то преобразовал его в «и къуэкIэ» и тем самым, как нам кажется, усложнил понимание правильно прочитанного слова [47].

Мы считаем, что исследователь, правильно прочитав слово κυι (къуй), должен был раскрыть его значение, вос-

---

[47] См.: *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 515.

пользовавшись тем, что в адыгских языках имеются соот ветствия этому слову.

Так, в кабардинском языке имеются два омонима «къуий» — плешивый и «къуий» — восемь сыновей. В тек сте надписи, по нашему мнению, является более уместным второй из них, т. е. «восемь сыновей».

κοι — «къуй» (современное написание «къуий») — сло восочетание, состоящее из существительного единственного числа «къуэ» — сын и количественного числительного «й» — восемь, соединенных гласной И. Буквально: «сын во семь», т. е. «восемь сыновей».

Нам кажется, что разбираемое слово надо читать не как «и къуэкIэ», а так, как оно зафиксировано на памятнике и как было транскрибировано оно Г. Ф. Турчаниновым (къуй — восемь сыновей).

«Таукъуэу къуий» (Τουκου κοι) представляет собою словосочетание, в целом имеющее значение принадлеж ности и компоненты которого связаны грамматически. Пе ревести его следует так: «Восемь сыновей, сыновья Тауо» где «сыновья Тауо» является приложением к словосочета нию «восемь сыновей». В конечном счете перевод этого словосочетания будет иметь следующий вид: «восемь сыно вей Тауо».

Слову Κανηκον из текста надписи Г. Ф. Турчанинова находит соответствие в кабардинском «Къаныкъуэ» и счи тает его просто именем (или фамилией) одного из тех, ко му якобы и посвящена надпись: «...Бек является сыном Ка нуко... Иначе, — Кануко Бек был отцом» [48].

Такое предположение было бы верным, если бы за сло вом Κανηκου не следовало слово κου и имя Πεκ (къаны къуэу къуэу Пакъ). Мы полагаем, что здесь речь може идти не об имени, а о степени родства, а именно о молоч ном родстве.

«Къаныкъуэ» — это сложное слово, состоящее из дву слов: «къан» (воспитанник) и «къуэ» — сын. Получается «сын-воспитанник». Но, как видно из текста надписи, за словом «къаныкъуэ» (κανηκου) следует снова слово κου — къуэ (сын). Получается «сын воспитанного сына» (къаны къуэу къуэу). Выражение «къаныкъуэу къуэу» — это опре делительно-выделительное словосочетание. Другими сло вами, в тексте надписи за словом κανηκου следует сло κου, которое стоит в выделительном падеже и дословно в

[48] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 515.

реводится «...являющийся сыном». В сочетании с «къаныкъуэу» это слово переводится: «являющийся сыном воспитанного сына» или «являющийся сыном воспитанника» (*къаныкъуэу къуэу*).

Как видно из сказанного, в слове κανηκου буква η (ы) не может перейти ни в О, ни в У, т. е. невозможно чтение ни в варианте «Къан(о) къуэ», ни в варианте «Къан(у) къуэ». Но для оправдания своего метода чтения Г. Ф. Турчанинов пишет: «...къаны (позднее «къан») — покровитель *, воспитанник». При этом он полагает, что «къаны» — это архаизм с гласным исходом в первичной основе, ибо «...в XVIII и XIX вв. было известно имя Къанэкъу (Къанокъуэ), как фамилия единственных бесланеевских ** князей» [49].

По нашему мнению, слово κανηκου (къаныкъуэу) из текста этокской надписи надо понимать в значении степени родства, но не как имя или фамилию. В современном кабардино-черкесском языке «къаныкъуэ» употребляется в значении «воспитанник» и собственного имени «Къаныкъуэ».

Таким образом, слово κανηκου (къаныкъуэу) Г. Ф. Турчаниновым было транскрибировано почти верно, однако при уточнении своего чтения текста надписи он передал его значение несколько неудачно (как Кануко — фамилия), тогда как фактически речь идет в тексте о сыне молочного сына — о сыне воспитанного сына.

Следующее слово текста этокской надписи Πεκ. Г. Ф. Турчанинов читает его как Бек (Бэч), считая его заимствованием: «имя Бэк — тюркское заимствование» [50].

В обоснование такого суждения он пишет: «К замене в надписи звонкого «Б» (б) глухим «П» — см. аналогичный случай в Зеленчукском осетинском памятнике» [51]. Нельзя считать убедительной ссылку исследователя на Зеленчукский памятник, так как надпись на последнем, как мы показали выше, до настоящего времени никем окончательно и достоверно не прочтена.

В то же время Г. Ф. Турчанинов противоречит сам себе. Так, он считает, что Этокский памятник посвящен лицу

---

* Неверно! Къан — это не покровитель, а молочный сын — воспитанник. Покровитель по-кабардински — аталыкъ (аталик).

** Название одного из адыгских племен.

[49] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 516.

[50] Там же.

[51] Там же.

христианского вероисповедания [52]. Такой вывод, помимо других соображений, подсказан, видимо, наличием креста на шее статуи (ниже затылка) и букв «Iς Xς НІКА» на груди. Почему в таком случае имя этого человека надо считать тюркским? Ведь известно, что христиане предпочитали давать своим детям не тюркские имена, а христианские.

При правильном транскрибировании букв текста надписи Этокского памятника, независимо от происхождения имени Пєк, его надо читать так, как оно зафиксировано на памятнике и как его произносят кабардинцы и поныне. Мы предлагаем читать это имя как Пак (Пакъ) *. В Кабарде очень многие носят это имя.

До рассмотрения очередных слов текста этокской надписи разберемся в слове Μερεμεκου, которое Г. Ф. Турчанинов также причисляет к собственным именам [53]. Он находит соответствие этому слову в современном кабардинском «Мэрэмэкъуэ». По его мнению, слово «къуэ» (сын) присоединено к первооснове «Мэрэм».

«В христианскую эпоху, — пишет Г. Ф. Турчанинов, — у черкесов «Мэрэм» означало имя Мария (богоматерь)» [54]. Он указывает также, что и теперь слово «Мэрэм» сохраняется в значении дня недели — пятницы. Исследователь подкрепляет такое суждение ссылкой на Ш. Ногмова: «Ш. Ногмов в своем словаре 1840 г. знает еще оба значения этих слов: хъэгэбз Мэрэм — дева Мария и мэрэм — пятница» [55].

Но деву Марию кабардинцы и черкесы называют Мэр(ян) — Маранэ (Маряна), т. е. мать Мария, но не Мэрэм.

Если допустить, что буква М не должна относиться к слову Μερεμεκου, то мы получим новое слово ερεμεκου — «Іэрэмэкъуэу» — «Іэрамэ» — плеяда, группа, несколько, много и «хо» — къуэу — сыновья (дети). Дословный перевод слова ερεμεκου — плеяда сыновей или группа сыновей — братья.

Предлагаемая поправка к чтению слова Μερεμεκου как ερεμεκου (без начального М) не противоречит первым строкам текста этокской надписи, которые были расшифрованы как «восемь сыновей Тауо» («Таукъуэу къуий»).

---

[52] См.: *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 515.

* Имя Пак фигурирует в кабардинском нартском эпосе (см. сказ о прикованном к скале богоборце).

[53] См.: *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 516.

[54] Там же.

[55] Там же.

«Плеяда (группа) сыновей» равнозначно выражению «восемь сыновей». Смысл здесь один и тот же — это братья, их много.

Таким образом, предположение Г. Ф. Турчанинова относительно слова «Мэрэмэ», как об «эпиграфической исходной... архаичной, нижнечеркесской» основе слова «Меремехо» мы считаем неубедительным. При таком чтении буква М становится окончанием предыдущего слова χαωα.

Но Г. Ф. Турчанинов пишет: «[χε] χαωα»— хэхауэ, деепричастие прошедшего времени с оттенком страдательным. Образовано от глагола хэхын «изготовлять» (применительно к тексту надписи скорее «врезать»)» [56].

По нашему мнению, Г. Ф. Турчанинов здесь допускает ошибку. Как признает сам исследователь, дело в том, что он не может пройти мимо замечания акад. Гильденштедта, что кабардинцы называли фигуру Этокского памятника Дука Бек. Исходя из этого указания Гильденштедта, исследователь сделал неправильный вывод о том, что надпись принадлежит Дуке Беку [57]. На самом деле в надписи говорится не о том, кому принадлежит текст или кто написал этот текст, а о том, кому посвящен, кому воздвигнут Этокский памятник. Разумеется, это совершенно разные вопросы. Следовательно, цель внесения в текст этокской надписи двух букв χε — это доказать, что надпись врезана в камень. Но ведь такой метод расшифровки нарушает основное требование, предъявляемое к исследователю древних надписей,— читать то, что зафиксировано на памятнике, а не искажать его. Мы считаем, что в таком привнесении извне двух букв нет никакой необходимости.

Как говорилось выше, мы предлагаем прочесть слово χαωα с буквой М — как χαωαμ — хэуам (погибшим, сраженным). Слово χαωαμ — это действительное причастие прошедшего времени эргативного падежа, показателем которого и является буква М.

Как видно из восстановленного текста надписи (так и в чтении Г. Ф. Турчанинова), за словом Πεϰ (см. текст) следует υ и τϱορε.

Г. Ф. Турчанинов по поводу двух этих слов пишет: «пункт 3. «υ» = у(ы). Притяжательное местоимение 2-го лица, ед. ч.— «твое». Связано со следующим в надписи словом — цIорэ «имя». Судя по форме, в надписи представ-

---

[56] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 517.
[57] Там же, стр. 515.

лено как местоимение неотчуждаемой принадлежности. В кабардинском уже утрачено и заменено во всех случаях через «уи», формой отчуждаемой принадлежности.

В конце XVII ст., как видно из глоссария д-ра Дрешера, форма неотчуждаемой принадлежности в кабардинском языке еще употреблялась...

Пункт 4. τçορε. Соответствует диалектальному каб. цIорэ «имя». Определенная форма с архаичным гласным исходом. Ныне употребительна обычно цIэр, связана с предшествующим ей притяжательным местоимением 2-го лица, см. п. 3»[58].

По нашему мнению, букву υ, которую исследователь считает местоимением 2-го лица ед. ч., целесообразно прочесть вместе с буквой τ, попавшей в начало слова τçορε, ибо сочетание букв τç ничем не вызывается и ни для чего не требуется. В результате всего этого мы получаем два самостоятельных слова υτ и çορε. Первое читается как «ут». Это, по нашему мнению, не что иное, как наименование народности («ут» — «гот»).

Второе слово çορε, по нашему мнению, надо читать как «зау(у)рэ» (воюя, сражаясь). Это деепричастие образовано от глагола «зэуэн» — воевать. Буква ç здесь передает «за»*.

В итоге мы имеем очень ясное выражение: ут заурэ, т. е. «уты (гуты, готы) воюя» или «уты (гуты, готы) сражаясь».

Отмеченные два слова сочетаются по типу соположения.

Следующие буквы текста надписи — ου Г. Ф. Турчанинов транскрибировал как кабардинское — «ы» (тексты надписи в исправленном эпиграфическом и современном народном см. выше), и он читает эти буквы вместе со следующим за ними словом «къуй» (κο[υ]ι) как «и къуэкIэ»[59].

Выше указывалось, что буквы ου не могут передавать звук «ы». По нашему мнению, этими двумя буквами в тексте надписи переданы два слова:

а) ο (омикрон) читается как «у(э)» и соответствует личному местоимению 2-го лица, ед. числа в эргативном

---

[58] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 517.

* По аналогии с чтением слова «Τουκου» и слова çορε: буква «Τ» читается как Та(у) (здесь ç — как «за»). Изложенная особенность произношения звуков при чтении письмен, по-видимому, является показателем переходного состояния кабардинской письменности от слоговой системы письмен к буквенной. — *А. К.*

[59] См.: *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 515.

падеже, хотя «уэ» и не оформлено падежным аффиксом: в адыгских языках личные местоимения в именительном и эргативном падежах аффикса не имеют.

б) υ (ипсилон) читается как «у(и)» — ун и в адыгских языках обозначает притяжательное местоимение 2-го лица ед. числа в несамостоятельной форме. Мы видим, что оба слова (местоимения) согласуются в лице и числе.

Выше говорилось, что текст надписи на Этокском памятнике восстановлен и воспроизведен Г. Ф. Турчаниновым вполне удачно, за исключением одной буквы. Он заключил эту букву в скобки при чтении слова κο[υ]ι, что автором было транскрибировано как «къуй». Однако непонятно, почему он (как и в первом случае, см. выше), истолковал «къуй» как «икъуэкIэ»? [60].

Мы не можем согласиться с подобным чтением этих букв. Ведь буквы υ, заключенной в скобки, на самом памятнике нет. На этом месте зафиксирована, как нам кажется, буква λ (см. прорисовку, сделанную Гильденштедтом). В таком случае будем иметь не κο[υ]ι, а κσ[λ]ι, которую нельзя расшифровать (прочесть) как «къуй» или «къуэкIэ».

Перед нами два слова: κο и λι. Первое слово κο (къуо) — сын. Второе слово λι (лIий) словосочетание, состоящее из существительного «лIы» (мужчина, муж, мужественный человек) и количественного числительного λι — восемь, которые соединены гласной И. В целом перевод таков: мужчин восемь, т. е. восемь мужчин (или восьми мужественным).

Таким образом, разобранные слова ο υ κο λι (уэ уи къуо лIий) вполне согласуются со словом ερεμεκου — Iэрамэкъуэу (см. выше) — «плеяда сыновей», которое представляет собой нарицательное существительное ед. числа в выделительном падеже.

О заключительных словах текста этокской надписи εαοε ητης (яйуэ итщ) Г. Ф. Турчанинов пишет: «соответствует современному «яйуэ итщ», букв. «принадлежа содержащееся есть». Составное сказуемое я(й)уэ — деепричастие от глагола «еин» — «принадлежать», «итыщ (-итщ)» — предикативная форма, состоящая из: префикса места Ы (позже — И «внутри (чего-либо), в», глагольного корня «ты» (>ты — н) «находится» и энклитического вспомогательного глагола — «щ» — «есть». Употребление префикса 3-го лица мн. числа «я (-еа)» вместо ед. числа «е» —

---

[60] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 515

при глагольном образовании в кабардинском языке — явление нередкое. В данном случае предикат по форме не согласован с подлежащим Бек, стоящим в ед. числе, но если представить, что косвенное дополнение к этому имени включает в себе несколько собственных имен: Тыкъу (э) къуй, Къиныкъу (э) къу (э), то употребление префикса «я» — вместо «е» окажется семасиологически оправданным»[61].

Мы находим, что Г. Ф. Турчанинов совершенно верно прочитал последние слова текста надписи Этокского памятника εαοε ητης «яйуэ итщ», но он неудачно подкрепляет это верное чтение. Дело в том, что он не может согласовать по форме предикат εα в слове εαοε (яйуэ), с подлежащим Πεκ (Бек), стоящим в единственном числе. Исследователь оказался в затруднительном положении в силу того, что имя Бек он признал за подлежащее, тогда как подлежащим следует считать не Бэк (Πεκ), а Τουκου κυι — Таукъуэу къуй, т. е. слова «восемь сыновей Тауо», обозначающие группу лиц, которым посвящен памятник.

Слово εαοε (яйуэ), т. е. «их» или «являющийся их» — это местоимение самостоятельной формы, выделительного падежа, в 3-м лице мн. числа; κοι (къуий) и εασε (яйуэ) связаны между собой по типу управления. Что касается последнего слова текста — ητης (итщ) — стоит, то это непереходный глагол ед. числа, изъявительного наклонения, в 3-м лице настоящего времени.

Таким образом, с учетом поправок, внесенных нами в вариант расшифровки, воспроизведенный и предложенный Г. Ф. Турчаниновым, сплошной текст этокской надписи предлагается для чтения с новой разбивкой в следующем виде:

Τουκου χοι καυηκου
κου Πεκ υτ ςορε χαωαμ ερεμεκου ο υ κο λι εαοε ητης

Современное исправленное:

Тэкъуэу (къу(и)й къаныкъуэу къуэу Пакъ ут з(а)урэ хэуам. Іэрамэкъуэу у(э) у(и) къуэу лІ(и)й яйуэ итщ.

Перевод:

Восьми сыновьям Тауо, сыну молочного сына Паку, погибшим в сражении с утами (гутами, готами, готфами). Плеяде твоих сыновей, восьми храбрейшим принадлежит (памятник).

---

[61] *Г. Ф. Турчанинов.* Указ. работа, стр. 517—518.

Этокскую надпись можно прочесть также следующим образом:

Το υ κο υ κυι kανηκο
υ κο υ Πεκ υτ ϛορε χαωαμ. Ερεμεκο υο
υ κο λι εαοε ητης.

Современное исправленное:

«Тауо уи къуэу уи къуий къаныкъуэу уи къуэу уи Пакъ ут зау(у)рэ хэуам. Іэрэмэкъуэу уейу уи къуэу лІий яйуэ итщ».

Перевод литературно обработанный:

«Тауо, твои восемь сыновей, сын твоего кана, твой Пак, погибли в сражении с утами. Плеяде сыновей твоих, восьми мужественным сыновьям твоим посвящен».

По поводу второго возможного варианта чтения следует сказать, что он является наиболее верным. На это указывают, например, следующие моменты: в первом варианте чтения текста слова, следующие за словом ερεμεκου — ο (уэ), υ (уи), κο (къуо), написаны без соединения «о» с υ и без υ — слово κο, как это следовало бы, соблюдая окончания собственных имен (Τουκου, Κανηκου). Кроме того, при нашем чтении текста зеленчукской надгробной плиты мы не встречаем соединения «о» и «υ» (дифтонга).

По нашему мнению, языковеды сумеют разобраться в этом вопросе и установят истину.

Полученный нами новый текст этокской надписи согласуется с преданием кабардинского народа в записи Ш. Ногмова.

Для наглядности сравним предание, текст песни сестры Баксана и текст этокской надписи:

Предание В IV столетии «на реке Баксане жил князь Дауо, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший сын его, Баксан, был знаменитый нарт своего отечества... Он был убит готфским царем со всеми своими братьями и 80 знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянию... говоря: убиты, убиты Дауовы восемь сыновей. Увы! Дауовы восемь сыновей...» Сестра собрала трупы погибших братьев и похоронила с честью на берегу р. Этоко, где воздвигнула над их могилой каменный памятник, существующий и ныне».

Песня сестры Баксана. «Геройство Баксана освещает антский народ своими доблестями...

О родина Дауова Баксана, хотя он уже не существует,— когда будет добывать тебя Гут, не покоряйся...

Весь народ почитал его за благого духа. Когда начиналось сражение и удары блистали, как молнии, его присутствие поселяло в антском народе уверенность. Гутские истязания не прекращаются, весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его тело на родину. Собрав греков, я предложила им сделать памятник. Хотя каменный образ ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце».

Текст надписи. Восьми сыновьям Тауо, сыну молочного сына Паку, погибшим в сражении с утами. Плеяде твоих сыновей, восьми храбрейшим принадлежит (памятник).

При сопоставлении песни с преданием нетрудно заметить, что они дополняют друг друга. В то же время текст надписи памятника подтверждает слова песни и предания, а наличие самого памятника связывает все источники сравнения (песню, предание и текст надписи) в единое целое.

Так, имя Дауо предания соответствует имени Тауо в надписи *. Следовательно, Дауо и Тауо — одно лицо.

Как в предании, так и в надписи речь идет о восьми сыновьях князя Тауо. Что касается текста песни, то о восьми братьях сказано несколько завуалированно: «...весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его (Баксана — *А. К.*) тело на родину». Но на восьми парах волов, очевидно, на родину были доставлены тела восьми погибших братьев, а не одного Баксана, ибо выражение «восемь пар волов» надо понимать как восемь арб, на которых везли восемь трупов.

Следовательно, текст надписи подтверждают слова предания и песни о том, что у князя Тауо действительно было 8 сыновей.

---

* В адыгских языках звуки «д» и «т» взаимопереходят. — *А. К.*

Нельзя считать убедительным мнение Ш. Ногмова, что Этокский памятник надо называть Дауко Баксан (Дауов сын Баксан) вместо принятого в народе «Дуукоха ясиен» *. По нашему мнению, народное название памятника наиболее соответствует истине; чтобы сказать по-кабардински «памятник сыновьям Тауо», надо произнести: «Тауукоха я сын», что соответствует народному названию Этокского памятника.

Согласно преданию, сыновья князя Тауо погибли в сражении с готами (готфами). Но если исходить из текста песни, то они погибли в сражении с гутами. В тексте же надписи Этокского памятника речь идет о гибели братьев в сражении с утами.

Таким образом, мы имеем во всех источниках указание на народность или на народ, в схватке с которым погибли дети князя Тауо: гот (готф), гут, ут. Но все эти названия по песне и преданию, по-видимому, соответствуют друг другу **.

Упоминаемые в предании 80 нартов, якобы убитых совместно с Баксаном и восьмью братьями, очевидно, являются домыслом, гиперболой. Ведь предание переходило из уст в уста, от одного народного певца (джэгуакIуэ) к другому на протяжении нескольких столетий, и исторические факты могли быть искажены. Поэтому эти 80 нартов, по-видимому, есть не что иное, как восемь братьев — витязей.

Аналогичные примеры подобных преувеличений часто встречаются в народных эпосах.

Утверждение, что в IV столетии на р. Баксан жил князь Дауо (Тауо) со своими детьми, нельзя считать убедительным, так как памятник, посвященный погибшим, был обнаружен не на берегу Баксана, а на берегу р. Этоко (недалеко от г. Пятигорска).

Но почему предание и песня говорят, что наименование Баксан происходит от имени старшего сына князя Тауо (Дауо), не жившего на берегу этой реки? Откуда взялось

---

* Слово «ясиен» состоит из двух частей: «я» — местоимение, означающее принадлежность — «их», и «сиен» — что означает «сын» — памятник. Проникновение тюркского слова «сын» (памятник) в адыгский язык можно объяснить тем, что еще в IV в. н. э. адыгские племена имели общение с гуннами — тюркоязычными племенами. — *А. К.*

** Но нельзя отождествлять готов с гутами или утами. Готы — это один союз племен, гуты и уты — тюркоязычные племена, которые входили в состав гуннов. — *А. К.*

это имя и почему предание увязывает его с Этокским памятником? Ведь оно не упоминается в тексте надписи этого памятника?

Загадка заключается в имени Пак (Пех), которое фигурирует в тексте надписи памятника (см. выше). Если, используя имя Пак, уточнить слова песни дочери князя Тауо «Народ не покидает траура и, чтобы увековечить его (Баксана. — *А. К.*), реку Алтуд назвал Баксаном», то станет понятным происхождение имени Баксан.

Для установления происхождения имени Баксан будем рассуждать следующим образом (см. карту Кабардино-Балкарской АССР):

1. Более тысячи лет назад нынешняя река Баксан носила название Алтуд, а русло ее проходило по руслу нынешней реки Баксанёнок.

2. Нынешнее селение Баксан в те времена тоже называлось Алтудом.

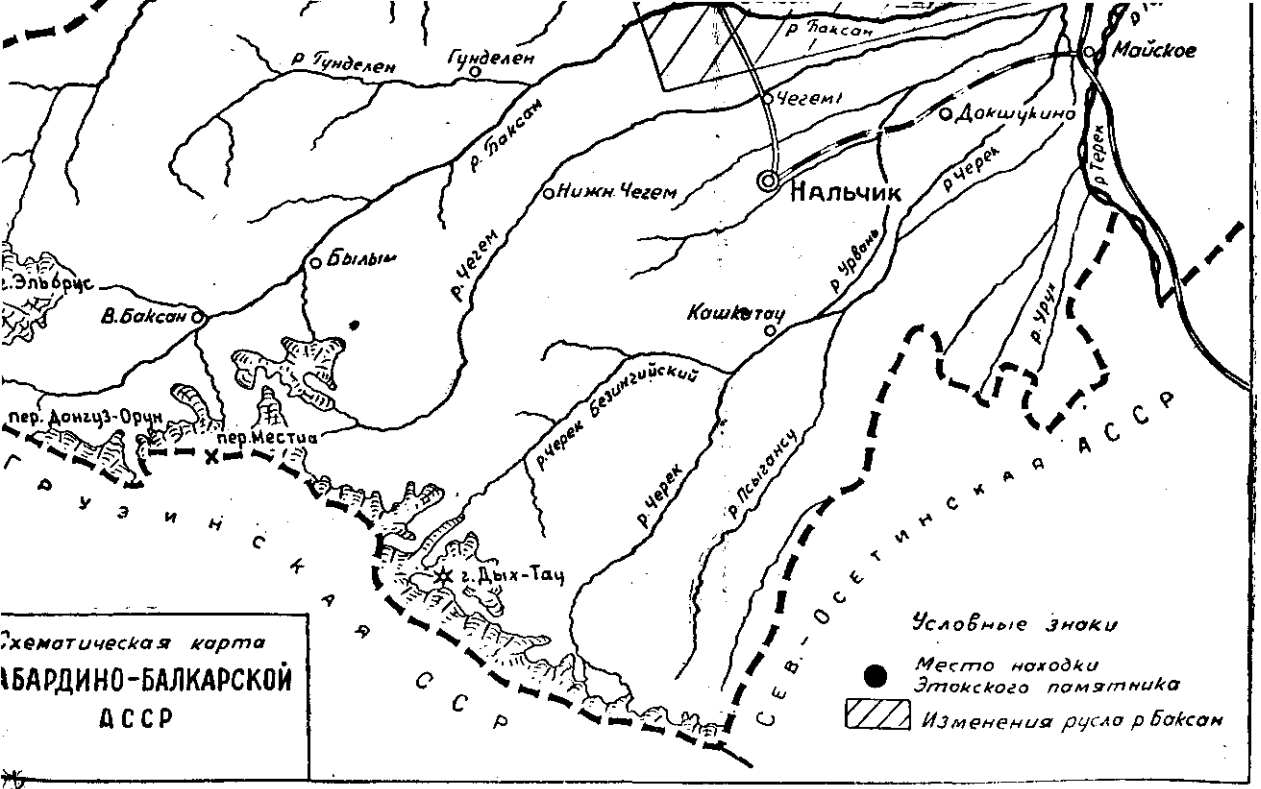
3. Население нынешнего сел. Алтуд (находящегося на берегу р. Баксанёнок) в свое время проживало в старом сел. Алтуд. В силу того, что население старого селения увеличилось (или по другой причине) часть жителей переселилась на то место, где расположено теперь село Алтуд (сохранившее это название). Это подтверждают и старожилы селений Алтуд и Баксан и сохранившиеся старинные названия селений: Баксан — Ехъущыкъуей Ипщэ — Верхнее Ехшукоево, Алтуд — Ехъущыкъуей Ищхъэрэ — Нижнее Ехшукоево.

4. Следовательно, старый Алтуд — это нынешнее сел. Баксан. Нынешнее название сел. Баксан возникло на основе поставленного в честь Пака памятника, известного народу под названием «Пакъ и сын», т. е. памятник Паку.

5. На этом памятнике *, по-видимому, должна быть надпись, показывающая, что памятник посвящен Паку, погибшему совместно с восьмью сыновьями князя Тауо (см. текст надписи Этокского памятника). От этого памятника, воздвигнутого в честь Пака (Пакъ), произошло название реки Баксан, а затем и селения Баксан.

Но для этого потребовалось много времени. Представим себе, что путники, перебираясь на противоположный берег бурного Алтуда, по-видимому, говорили: «Переправимся через реку вблизи или напротив «Пак и сын». Или же при

* Если этот памятник до сих пор не обнаружен, значит он или разрушен, или его не искали. — *А. К.*



Схематическая карта
АБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ
АССР

перегоне скота с равнин на горные пастбища скотоводы могли договариваться примерно так: «Сделаем остановку или ночевку возле «Пакъ и сын». Если иметь при этом в виду тот факт, что песня и предание переходили из уст в уста в течение многих веков, то выражение «Пакъ и сын» сначала превратилось в «Пакъсын», а еще позднее в «Паксын — Баксан» *.

Из сказанного следует, что слова песни: «народ не покидает траура и, чтобы его увековечить (Пака, но не Баксана! — *А. К.*), назвал реку Алтуд его именем — Баксан», содержат в себе исторические факты, но они в песне со временем оказались несколько завуалированными.

В связи со сказанным, необходимо иметь в виду также следующее: поскольку Баксан — это не имя человека, а выражение, означающее «Пакъ и сын» (памятник Паку), то сообщение Ш. Ногмова, что у кабардинцев в древности существовал вождь, князь или витязь по имени Баксан, следует считать неубедительным. Этого витязя кабардинцы называли не Баксан (Баксиен) **, а просто Пак или Ос-Пак (у осетин Ос-Бакатар, см. ниже) Но почему на берегу р. Алтуд (т. е. Баксан) оказался памятник, посвященный Паку?

Из предания и текста песни явствует, что погибшие братья были доставлены на р. Этоко. Об этом свидетельствует тот факт, что памятник, посвященный братьям, обнаружен на берегу именно этой реки. Но этого нельзя сказать о Паке. Ни в предании, ни в песне, ни в тексте надписи памятника мы не имеем даже намека на то, что прах его был доставлен на р. Этоко. Возникает вопрос — входил ли Пак в число восьми братьев?

Согласно преданию, дочь князя Тауо сложила песню в честь своего старшего брата Баксана. Но Баксан, как это

---

* Этот вывод согласуется с весьма интересным заявлением Ш. Ногмова, который говорит в своей Истории: «В нашем же народе, как не имеющем письмен, предания, по-прежнему передаваясь из уст в уста, существуют лишь изустно. Многие из них, под названием *сказаний старцев*, повествуются и теперь, и места, где происходили описываемые в них дела, сохранили названия, напоминающие или имена действующих лиц, или же подробности самого события». (См.: «Историю адыгейского народа», предисловие).

** В связи с возникновением географического названия Баксан, помимо высказанных выше предположений, возможен и такой вариант. После принятия адыгскими племенами христианства могла произойти трансформация образа народного героя Пака в образ святого и памятник Паку стал называться Паксан (святой Пак), где «сан» несомненное заимствование из латыни.— *А. К.*

мы выяснили, это Пак. Значит, песня посвящена Паку. Пока мы знаем один Этокский памятник и на нем надпись, которая гласит, что он посвящен восьми сыновьям Тауо. Тогда почему в песне говорится, что памятник этот посвящен Баксану, т. е. Паку? Решительно нужно полагать, что в песне речь идет не про Этокский памятник, а про другой. Почему?

Потому, во-первых, что Этокский памятник посвящен восьми сыновьям князя Тауо и, во-вторых, по-видимому, подобно тому, как погибшие братья были доставлены на родину — на берег р. Этоко *, так и Пак, после его гибели, должен был быть доставлен в родное селение.

Родиной Пака можно было бы считать сел. Баксан (в прошлом Алтуд), поскольку название р. Баксан произошло от имени Пак и его памятника. Однако, по нашему мнению, родиной Пака следует считать другое место, а именно верховье р. Большой Зеленчук, притока Кубани. Почему?

В 1888 г. в долине Б. Зеленчука, неподалеку от развалин древнего города, южнее станицы Зеленчукской, была обнаружена надгробная каменная плита из белого известняка с обширной надписью греческими буквами на кабардинском (адыгском) языке.

Впервые эта надпись на кабардинском (адыгском) языке нами была прочтена в 1958 г. **. В ней говорится:

«Изголовье ... их сына умершего светлого. Изваяние ему как памятник. Хубс, сложив (стих), воспевала (оплакивала) Пако бога. Пако богом был ты, умер ты, кантазыр славно (достойно), не опозорив честь кормилицы. Лежи, не грешен ты».

Сопоставив тексты зеленчукской и этокской надписей, мы получим удивительное совпадение:

1. В тексте надписи обоих памятников фигурирует имя Пак.

2. Каждая надпись называет его каном — воспитанником или сыном воспитанного сына.

3. В обеих надписях говорится, что Пак погиб в сражении.

4. Текст зеленчукской надписи гармонирует с текстом песни дочери князя Тауо.

---

* Нельзя не заметить, что Этоко (ЯтIэкъуэ) и Тауко (Таукъуэ) — созвучные слова. Может быть, название местности Этоко произошло от имени князя Тауо и его сыновей?

** См. об этом выше.

5. На обоих изваяниях зафиксированы монограммы Iς Xς и крест в византийском начертании.

6. На обоих памятниках надпись осуществлена на адыгском языке, что свидетельствует о достаточной распространенности среди адыгских племен в рассматриваемый период письменности на греческой графической основе.

И последнее. Если иметь в виду тот факт, что в начале второй половины V века на предков адыгских племен было совершено нападение со стороны готов-тетракситов и утургуров [62], то во время отражения этого нападения могли погибнуть Пак и восемь сыновей князя Тауо. Очевидно, на это и указывает как предание народа в записи Ш. Ногмова, так и тексты надписей Зеленчукского и Этокского памятников.

Таким образом, по нашему мнению, речь может идти о трех памятниках:

первый памятник — Этокский, он посвящен восьми погибшим сыновьям Тауо и был воздвигнут там, где его и нашли;

второй памятник — Зеленчукский, он посвящен Паку, который упоминается в тексте надписи Этокского памятника. Этот памятник был обнаружен на Зеленчуке;

третий памятник — Баксанский, от которого и произошло название р. Баксан, до сих пор не обнаруженный.

Если родиной восьми братьев является берег р. Этоко а Пака — верховье р. Б. Зеленчук, то почему его имя фигурирует в тексте надписи Этокского памятника и почему на берегу р. Алтуд (т. е. Баксан) оказался памятник в его честь?

Мы укажем здесь те вероятные причины, которые не возможно игнорировать.

В тексте надписи Этокского памятника помимо восьми сыновей Тауо речь идет еще о Паке, про которого сказано «къаныкъуэу къуэу Пакъ», т. е. сын воспитанного сына Пак. Как понимать это выражение? Дело в том, что до недавнего времени у кабардинцев, в соответствии с обычаем, было принято воспитывать неродных детей, так называемых канов (къан). В таких случаях кан (или молочный сын) — воспитанник считался и являлся молочным

---

[62] *Л. И. Лавров.* Адыги в раннем средневековье. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. V, Нальчик, 1955, стр. 35.

братом детей воспитателя — аталыка *. Кан (къан) ** приравнивался к родным детям, более того, сын молочного сына, т. е. сын воспитанника, считался наравне с родными сыновьями также сыном, хотя по обычаям других народов его можно считать внуком аталыка-воспитателя.

Такой сын высоко почитался, его выделяли из числа остальных детей, подчеркивали, что он является каном — воспитанником, гордились им. По достижении каном юношеского возраста аталык отводил его к родителям, но это не мешало ему по-прежнему считать воспитанника своим сыном — каном. Поэтому если применить изложенный обычай к тексту этокской надписи, то наряду с восьмью братьями Таовыми, погибшими в сражении с готами, если с ними был убит и Пак, то его имя могло быть включено в текст надписи намогильного памятника. При этом не обязательно, чтобы Пак лежал в одной могиле со своими молочными братьями, и этот случай можно здесь предположить.

Однако можно допустить и иное предположение, которое является, на наш взгляд, более верным. Согласно тексту этокской надписи, князь Тауо сам мог быть воспитан каким-либо аталыком — покровителем совместно с отцом Пака (имя которого нам неизвестно). В таком случае князь Тауо и отец Пака сами были канами-воспитанниками. У князя Тауо, как мы знаем, было девять детей — восемь сыновей и дочь. Что касается отца Пака, то у него, возможно, был только один сын, а именно Пак. При этих условиях Пак не может быть включен в состав восьми братьев, захороненных на берегу р. Этоко, но имя его может фигурировать в надписи памятника, посвященной братьям.

Имя Пак в тексте надписи Этокского памятника, наряду с восьмью братьями, может фигурировать и по другой причине. Например, до недавнего прошлого у кабардинцев, как и у грузин, бытовал обычай, согласно которому при гибели во время сражения военачальника (предводителя, князя, вождя) и его свиты, даже если дружинники являлись родными братьями или сыновьями самого предводителя, народ, оплакивая всех погибших, произносил имя только

---

* Аталык — покровитель, воспитатель.

** Кан (къан) — дословно «кровь», тюркское слово. По-видимому, заимствовано у тюркоязычных племен, появившихся на Северном Кавказе в IV в. н. э. Здесь можно допустить, что тюркоязычные племена могли появиться раньше указанного периода. — *А. К.*

предводителя — вождя. При сооружении намогильного памятника над групповым захоронением в надписях упоминалось только имя старшего — предводителя-князя. Когда один из дружинников совершал подвиг, то, воспевая его, песню посвящали не герою, а вождю-князю, под чьим предводительством находился воин, хотя в песне в основном говорилось о герое *. Если на фоне этих обычаев кабардинцев анализировать текст этокской надписи, то станет понятно, почему в нем не упомянуто ни одно из имен восьми сыновей князя Тауо, кроме Пака. **Пак являлся предводителем, вождем дружины,** куда входили и братья Тауовы. Мы имеем на это прямое указание в словах песни дочери князя Тауо:

«Геройство Баксана (Пака. — *А. К.*) освещает антский народ своими доблестями».

«Весь народ [антский] почитал его (Пака. — *А. К.*) за благого духа». «Его присутствие поселяло в антском народе уверенность» (см. текст песни).

Ш. Ногмов также считал Пака предводителем — вождем. Это видно из того, что в составленный им список князей, вождей и знаменитых витязей, прославившихся в глубокой древности, под 21 номером он включил Баксиена. А Баксиен — это Баксан, это Пак.

Таким образом, по нашему мнению, Пак был старшим, вождем, и он не входит в число восьми братьев. Другими словами, под Этокским курганом лежат останки восьми братьев, и в это число Пак не входит.

Но если бы Пак не находился в близких родственных отношениях с семейством князя Тауо, его имя не фигурировало бы в тексте надписи Этокского памятника. На самом деле: чем объяснить, что дочь князя Тауо сложила песню про Пака (Баксана), который не являлся ее родным братом? Есть основания предположить, что Пак был мужем дочери князя Тауо, или, другими словами, зятем князя Тауо, и он проживал, как говорилось выше, не на берегу р. Баксан или р. Этоко, а в долине р. Большой Зеленчук.

Анализ предания, песни и текста надписей Этокского и Зеленчукского памятников приводит к мысли, что дошед-

---

* Например, «Князь Кучук, сын Ажгериева» — кабардинская старинная песня сложена в честь князя Кучука, но в песне поется про однорукого Магомета, отличившегося на войне, где он был под руководством Кучука. — *А. К.*

шая до нас песня дочери князя Тауо некогда представляла собой две самостоятельные песни: одна должна была быть посвящена восьми братьям Тауовым, другая — Паку (Баксану), мужу сестры погибших. Обе песни, будучи забываемы народом, очевидно, были сведены в одно повествование, что и зафиксировал Ш. Ногмов *.

А теперь вернемся к вопросу, который нами ставился выше: почему на берегу р. Баксан оказался памятник, посвященный Паку?

Дело в следующем. До недавнего времени кабардинцы соблюдали обычай воздвигать поминальные памятники своим умершим родственникам или любимому народом лицу. Поминальные памятники ставились на оживленных больших дорогах, на распутьях. По обычаю путники останавливались возле такого памятника и молились за душу того лица, кому он был посвящен.

Подобных поминальных памятников на дорогах Кабарды и ныне сохранилось много. Например, сбоку от дороги из Нальчика в сел. Урвань стоят два памятника. Один из них посвящен бывшему кады ** всей Кабарды Канамету Шогенову, хотя могила с памятником намогильным находится на старом урванском кладбище. Возможно, что подобный же поминальный памятник Паку был воздвигнут у переправы через р. Алтуд (р. Баксан), хотя сам он был похоронен в долине р. Большой Зеленчук.

Но почему Баксанский памятник надо считать поминальным, а не могильным? Может быть, поминальным памятником Паку следует считать не Баксанский, а Зеленчукский? Как отличить здесь поминальный от намогильного памятника? Ведь можно же предположить такой случай: у оживленной дороги или развилки дорог погибло и захоронено какое-то лицо и ему поставили намогильный памятник. Как в таком случае определить, что памятник является намогильным, а не поминальным? Как отличить его от других придорожных поминальных памятников, под которыми никто не захоронен? Видимо, в далеком прошлом на самих памятниках делались какие-то указания на такой случай. Но какие? Известно, что умершего человека обыч-

---

* Согласно преданию и тексту песни, дочь князя Тауо (Дауо) воздвигла памятник Баксану (Паку). Но Этокский памятник оказался воздвигнутым не в честь Баксана (Пака), а в память восьми братьев Дауовых (Тауовых). Стало быть, должен существовать не только памятник Паку (Баксану), но должна быть и песня в честь его.

** Кады — верховное духовное лицо.

но предают земле — хоронят, после чего ставят намогильный памятник. Любой человек по положению памятника относительно могилы может узнать, где головная часть могилы. Но этому знанию предшествовало незнание, неумение определить положение погребенного относительно памятника, стоящего на месте захоронения. Надо полагать, что в древние времена люди наносили на могильные памятники различного рода надписи и при этом в верхней части намогильной плиты фиксировали слова, из которых явствовало, где поставлен памятник погребенному относительно его могилы: у изголовья или в ногах.

Современные люди не отражают на могильных памятниках такие детали. Общество на основе длительного опыта закрепило за собой тот порядок, что памятники надо ставить или в головной части могилы, или у ног захоронения *.

Через посредство головной части могилы люди узнают действительное положение головы погребенного (куда она обращена: на запад, на юг и т. д.). По положению памятника относительно могилы можно было определить, представитель какой религии захоронен на данном месте.

Адыги, в частности кабардинцы, памятники, как правило, ставят у изголовья захоронения и называют их «кхъэщхьэдэсэ» — изголовный памятник, или надмогильное изголовное изваяние. А чтобы по-адыгски сказать, что памятник (изваяние) стоит у изголовья могилы, надо произнести: ищхьэщ икхъэ, что в греческой графике возможно передать монограммой Iς Xς HIKA.

Как говорилось выше, на Этокском и на Зеленчукском памятниках зафиксировано: Iς Xς HIKA. Много памятников с греческими надписями с такими монограммами было обнаружено акад. Гильденштедтом во время его путешествия по Большой Кабарде. Так, Гильденштедт сообщает о двух памятниках, на которых были высечены эти монограммы: один был обнаружен им вблизи Чегема, другой между Чегемом и Баксаном на высоком холме [63].

Г. Д. Филимонов, возражая Гильденштедту по поводу чтения этих монограммных надписей, писал:

---

* Это зависело от исповедуемой тем или иным народом (племенем) религии, которая могла утвердиться у населения данной местности.

[63] Излагается по работе Г. Д. Филимонова «Древние каменные изваяния в Пятигорске», стр. 71—72.

«Нельзя не заметить, что в обеих этих надписях переводчик неверно передает первые слова, читая вместо выше приведенных монограмм, целую речь: Иисус Христос Назареянин, царь Иудейский, — чего ни в одной надписи нет и следов. Что же касается до окончания надписей, то они также, по-видимому, весьма сомнительны» [64].

Мы присоединяемся в данном вопросе к мнению Г. Д. Филимонова и считаем, что, поскольку речь идет о памятниках, воздвигнутых на территории Северного Кавказа адыгскими племенами, в частности кабардинцами, монограмму Iς Xς НІКА следует читать просто: ищхьэщ икхъэ — изголовье могилы. Ни о каком Назареянине, царе Иудейском не может идти речь в надписи Этокского памятника. На самом деле: если мы доказываем, что текст надписи на этом памятнике (как и на зеленчукских) осуществлен на адыгском (кабардинском) языке, то на каком языке должны были бы писаться адыгами слова, означающие «Иисус Христос Назареянин, царь Иудейский» или «Иисус Христос Победа (побеждает)»? Этим мы не хотим, однако, сказать, что монограммой Iς Xς НІКА не передавали с определенного периода имя Иисуса Христа, ибо во всем христианском мире общеизвестно значение этих букв и это проверено долгим опытом поколений ученых.

Но с какого времени проверяется поколениями ученых значение этой монограммы и какой период развития христианской религии они подвергают анализу?

Какой народ впервые в истории ввел в употребление сокращенную передачу слов «Иисус Христос Назареянин царь Иудейский» или «Иисус Христос Победа (побеждает)»? Рим или Византия?

Возникают и другие вопросы: чем объяснить и чем было вызвано такое пренебрежение к столь почетной особе со стороны верующих, что имя Иисус Христос стали писать сокращенно? Может быть, буквы Iς Xς являются своеобразными символами, подобно кресту, заимствованными христианской религией?

По нашему мнению, весь текст, все виды надписи на Этокском и Зеленчукском памятниках выполнены на адыг-

---

[64] *Г. Д. Филимонов.* Древние каменные изваяния в Пятигорске. «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее», вып. 11—12, М., 1878, стр. 72.

ском (кабардинском) языке, и монограммы IçXçHIKA обязательно должны были иметься на могильных памятниках. На поминальных же памятниках этих монограмм не должно быть.

Таким образом, существует два памятника Паку: намогильный — в долине р. Большой Зеленчук, на котором зафиксированы знаки Iç Xç оагç, означающие, что памятник стоит у изголовья могилы, и поминальный на берегу р. Баксан. На нем не должно быть этих букв, так как под ним Пак не похоронен.

Если даже предположить, что Пак похоронен совместно с сыновьями князя Тауо, и это не меняет нашего вывода о том, что на берегу р. Алтуд (р. Баксан) находился памятник, посвященный Паку. Для выявления места захоронения Пака следовало бы еще раз вскрыть курган, на котором стоял Этокский памятник*. Одновременно следовало бы произвести археологические разведки на Баксане по отысканию посвященного Паку поминального памятника, а он непременно должен существовать.

«...В Кабарде было много крестообразных надгробных памятников с греческими надписями. Надо полагать, что не все они погибли для науки бесследно» [65].

Значение слова оагç, (каб.— уаджэщ) мы установить не могли, ясно лишь, что оно содержит в себе отрицание «не» (как в слове фаджэ и др.). В древнегреческом есть, правда, слово, сходное с оагç — оагиос (святой), но мы полагаем, что речь идет здесь об отрицании.

На Этокском памятнике, в спинной части (ниже затылка) зафиксирован крест. Христианская эмблема имеется и на Зеленчукском памятнике. Но сама эта эмблема не может сказать нам, когда она нанесена на изваяние и является ли она сама по себе христианской. Дело в том, что крест, как своеобразный фетиш, имели многие народы мира, независимо и задолго до возникновения христианства. Об этом говорят, например, документы Кумрана [66].

В древней Ассирии, например, крест на шее носили ца-

* В 1961 г. сектор археологии Кабардино-Балкарского НИИ проводил осмотр кургана, о котором идет речь. Небольшие работы, проведенные сектором по вскрытию этого кургана, естественно не могли дать ощутимых результатов. Археологи пришли к выводу, что это не курган, а укрепление, где могли погибнуть сыновья Тауо (Дауо). Мы не согласны с таким выводом.

[65] *Г. Д. Филимонов.* Указ. работа, стр. 73.

[66] *К. В. Старкова.* Рукописи из окрестностей Мертвого моря, ВДИ, № 1, 1956, стр. 87—102.

Рис. 7. Крест на груди ассирийского царя.

ри, в Египте — жрецы бога плодородия Астарта и египетская богиня истины Маат, а также Зевс на монетах времен Александра Македонского. Найденная при раскопках посуда Трипольского поселения (за 3 тыс. лет до христианства), посуда древнего Эламского царства (за 4 тыс. лет до христианства) украшена изображениями креста. К тому же времени относится найденный при раскопках четырехконечный мраморный крест — предмет культа жителей Крита *. Таким образом, почитание креста уходит своими

* Помещенные на страницах 62—64 иллюстрации, свидетельствующие о широком распространении креста задолго до возникновения христианства, заимствованы из очерка А. А. Нейхардта «Происхождение креста» (М., 1956).

корнями в глубокую древность. Стало быть, в то далекое время изображение креста могло проникнуть на Кавказ, в частности к адыгским племенам.

В связи с таким предположением заслуживает внимания сообщение кавказоведа, кандидата исторических наук Л. И. Лаврова:

«...Интересно, что адыгское слово «джуэр» (варианты «жор», «бжуэр», «жуэр»), означающее «крест», является переделкой грузинского «джвари», имеющего то же значение... есть основание сомневаться в том, что слово «джуэр» проникло к адыгам одновременно с христианством. Этнографические материалы убеждают, что адыгское «джуэр», как и сванское «джвари», первоначально означало не христианский крест, а дохристианский трехконечный фетиш, почитание которого еще не так давно имело место в районах горной Грузии, в Осетии и у адыгов. С появлением христианства этот же термин стал означать «крест»... Джоры обычно ставились под «священными» деревьями, в домах, у дорог, источников и на могилах. Есть известия, что

Рис. 8. Древнеегипетский жрец бога Амона с крестами на шее.

в Кабарде употреблялся кроме того девятиконечный крест»[67].

Из сказанного видно, что кавказские народы имели в качестве фетишей кресты различной формы. Стало быть, можно допустить, что трехконечный фетиш на тыльной части и монограмма Iς Xς НІКА на лицевой части Этокского памятника, равно как Iς Xς *αάγς* и крест на Зеленчукском памятнике, были нанесены на них независимо от христианизации северокавказских народов Византией и Римом.

Очевидно, одна и та же религия, возникнув на Востоке и распространившись, с одной стороны, на север (Кавказ), с другой стороны — на запад (Рим), попала в различные условия. Если в Риме она превратилась в идеологическое оружие господствующего класса, то на Кавказе, и в частности на Северном Кавказе, она могла оставаться приблизительно в том же виде, в каком она в свое время сюда попала. Перенесение центра Римской империи в Византию одновременно означало перенесение центра пропаганды христианства из Европы ближе к Азии: экспансия на Восток сопровождалась внедрением христианской религии

Рис. 9. Кресты на сосудах из древнего Элана.

[67] *Л. И. Лавров.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. «Труды Института этнографии», новая серия, т. 1, М., 1959.

в завоеванных землях. В противоположность Риму, который проливал моря крови и достигал ничтожных результатов, из Византии в страны «неверных», для порабощения других народов, христианское учение шло не путем насилия, а путем убеждения, внушения и слияния его с языческой религией.

При рассмотрении вопроса христианизации северокавказских народов нельзя упускать из виду, что на Кавказе встретились две религии-«близнецы», т. е. христианская религия, первой проникшая непосредственно с Ближнего Востока при своем распространении на север, и христианская же религия, распространившаяся в свое время с Ближнего Востока на запад и пришедшая затем оттуда. Исследователи не учитывают этого двойственного происхождения христианства на Кавказе и принимают в расчет только вторичное его проникновение, утверждая, что оно пришло исключительно из Рима через Византию.

Далее. Если согласиться с высказыванием Л. И. Лаврова и при этом иметь в виду, что христианство при утверждении на Западе вобрало в себя, по крайней мере во внешних проявлениях, очень многое из язычества, то на Востоке (и на Кавказе) монограмма Iς Xς НІКА действительно могла быть приспособлена господствующими классами для своих целей.

Таким образом, можно полагать, что монограмма Iς Xς НІКА и трехконечный фетиш (или эмблема) на Этокском памятнике, а также Iς Xς оαгς на Зеленчукском памятнике появились совершенно самостоятельно, независимо от византийского (римского) периода христианизации северокавказских народов.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЭТОКСКОГО ПАМЯТНИКА

Данные о датировке Этокского памятника и текста надписи на нем мы сочли уместным выделить в особый раздел вследствие обилия исторического материала, который привлекается при разработке этого вопроса, и в связи с целым рядом возникающих при этом гипотез.

До последнего времени в отношении датировки Этокского памятника, как и в расшифровке надписи на нем, во мнениях ученых существует разногласие.

Ш. Ногмов датирует Этокский памятник и надпись на нем IV веком н. э. [68]

М. Ковалевский в своих очерках этнографии высказал сомнение относительно такой глубокой древности статуи [69]. Член-основатель императорского археологического общества И. А. Бартоломей относит памятник к XI—XII вв., полагая, что кабардинцы называли статую Дука-Бек в память какого-то византийского императора с *таким именем* *.

Этокский памятник привлек внимание и других исследователей: Броссе, Штакельберга, Помяловского, Клапрота, Потоцкого, Фирковича, Филимонова и других.

Так, Г. Д. Филимонов пишет: «...насколько можно судить по доселе известным нам данным иконографии и палеографии, этокский памятник не может быть отнесен к более раннему периоду, чем XII век». Такого же взгляда придерживается и акад. В. В. Латышев, датируя памятник 1130 г. христианской эры [70].

Однако Г. Д. Филимонов делает и оговорку: «Мы еще весьма мало знакомы с кавказскими древностями... Трудно отнести этот истукан к позднейшей эпохе христианства в Кабарде и еще труднее к магометанской по известной нетерпимости подобного рода изображений» [71].

Эта оговорка заслуживает серьезного внимания. Не случайно, например, в письме из Кисловодска от 26 июля 1850 г. *И. А. Бартоломей, лично видевший этот памятник*, сообщал: «Пошиб (стиль) фигуры (Этокского памятника. — *А. К.*) совершенно отличается от всех известных доселе стилей» [72].

На своеобразие памятника указывал и акад. Гильденштедт.

Наряду с высказываниями Г. Д. Филимонова, И. А. Бартоломея и Гильденштедта небезынтересно при-

---

[68] В Ленинградской рукописи Этокский памятник датирован Ш. Ногмовым XI веком. См. *Ш. Ногмов*. История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 96.

[69] «Вестник Европы», 1867, декабрь, стр. 19.

* В *Византии была династия императоров Дуки* (с 1057 по 1185 г.) См. *Ш. Диль*. История Византийской империи, перевод с французского, ИИЛ, 1948, стр. 150.

[70] *В. В. Латышев*. «Материалы по археологии Кавказа», вып. III, 1893.

[71] *Г. Д. Филимонов*. Указ. работа, стр. 77.

[72] Перечень заседаний императорского археологического общества за 1850 г., СПб, стр. 68—69.

вести мнение известного русского археолога гр. Уварова о том, что Этокский памятник «...вполне напоминает своей столбообразною нижнею частью изваяния древнейшей эпохи» и что он «...наверно принадлежит к IV веку и к временам христианства». Таким образом, мнение этого археолога о давности сооружения памятника совпадает с известием, приводимым Шорой Ногмовым. Однако кавказоведы Г. Ф. Турчанинов и Л. И. Лавров согласны с мнением В. В. Латышева, датировавшего памятник XII веком (по палеографическим данным).

Так, Л. И. Лавров в своей статье «Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории» пишет:

«Первым свидетельством появления адыгов на северо-западной границе нынешней территории Кабардино-Балкарской АССР является Этокский памятник 1130 г.

Этокский памятник не похож на скульптурные могильные памятники степных кочевников юга СССР (на так называемые «половецкие бабы»). Он является произведением местного кавказского мастера. По месту находки можно было бы думать, что это аланский памятник. Но против такого предположения говорит греческая надпись, в которой можно разобрать адыгское личное имя Мэрэмыкъуэ (с характерным адыгским суффиксом «къуэ», означающим «сын») и, возможно, адыгское «цIэр» (слово «имя» в определенной форме), вставленные в греческий текст...

...Этокский памятник с остатками надписи свидетельствует о пребывании адыгов у северо-западных границ Кабардино-Балкарской АССР в первой половине XII в. Не приходится сомневаться, что это были предки именно кабардинцев. Значит, продвижение кабардинцев на восток, в район Пятигорья, произошло в промежутке между VI и XII вв. Так как до X в. аланы занимали на Северном Кавказе крепкие политические позиции, то кажется более правильным отнести продвижение кабардинцев до р. Этоки к X—XI вв.» [73].

Таким образом, Л. И. Лавров ставит датировку памятника в связь с занятием современной территории предками кабардинского народа.

---

[73] *Л. И. Лавров.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. Вопросы этногенеза и исторической этнографии. «Советская этнография», АН СССР, М., 1956, 1, стр. 24.

Мы не можем согласиться с мнениями Л. И. Лаврова, Г. Ф. Турчанинова и тех ученых, которые датируют памятник XI—XII вв. Мы считаем, что Этокский памятник действительно воздвигнут очень давно, но не в IV столетии, а немного позже, в середине V столетия, а именно в 452—453 годах. Для такого суждения имеются основания, которые мы попытаемся изложить.

В песне дочери князя Тауо говорится, что она, «собрав греков», предложила им сделать памятник. Но когда нанесли текст письма на каменный памятник и на каком языке?

Поскольку тексты песни, предания и надпись на памятнике совпадают, дополняют друг друга, сооружение памятника и нанесение текста на камень произведены, видимо, в одно и то же время. В тексте надписи Этокского памятника (в нашей расшифровке) говорится, что восемь братьев Тауовых и сын молочного сына Пак погибли в сражении с утами. Если обратиться к тексту песни, то они погибли в сражении с гутами, а согласно преданию — в сражении с готами (готфами). Слова ут, гут и гот должны соответствовать или готам, или одному из известных гуннских племен — утургурам, или же обоим, вместе взятым.

Но готы и гунны осуществляли свои набеги на другие племена не в XI—XII вв., а гораздо раньше.

После распада гуннского союза племен (вторая половина V в.) в степях Северного Кавказа крупную роль продолжали играть гуннские племена, известные под общим именем утургуров. Они кочевали в степях между Кубанью и Доном *.

«...Можно предполагать, что отношения между утургурами и адыгами были враждебными. Так, утургуры содействовали вторжению крымских готов в адыгские земли» [74].

В V веке нашей эры на адыгские племена совместно напали готы-тетракситы и утургуры [75]. Этот факт, очевидно, нашел отражение в тексте надписи Этокского памятника, а также в фольклоре адыгского (кабардинского) народа.

Текст песни дочери князя Тауо содержит слова: «антский народ», «антский воин». История проникновения в

---

* Любопытно, что слово «ут» из текста надписи Этокского памятника совпадает с начальными буквами слова «утургуры».

[74] *Л. И. Лавров.* Адыги в раннем средневековье. «Сборник статей по истории Кабарды», Нальчик, 1955, стр. 34, 35.

[75] Там же, стр. 35.

адыгский (кабардинский) фольклор термина «ант» представляет исключительный интерес.

Акад. Б. А. Рыбаков, посвятивший ряд своих трудов истории антов, пишет:

«Если провести линию на север от Азовского моря — Меотиды, то к западу от этой линии останется не только весь бассейн Днепра, но и бассейн Северного Донца, т. е. в применении к географии Киевской Руси X—XI вв. ...направление на север от Меотиды в VI в. является восточным пределом земли антов, а в X в. восточным пределом славянских племен» [76].

Уточнив границы обитания антов по археологическим данным, Б. А. Рыбаков показывает следующую область распространения «бесчисленных антских племен»: лесостепная полоса от устья Дуная (она опускается здесь почти до самого Черного моря) и далее на северо-восток в *направлении на Киев, Чернигов, Полтаву, Курск и Воронеж*. Степь освоена антами лишь частично. Очерченная область имеет более или менее однородные физико-географические условия и более или менее однородную археологическую культуру» [77].

Из такой карты расселения антских племен вытекает вывод о том, что анты не могли жить на Северном Кавказе.

Но тот же автор в более поздней своей работе пишет что, «исходя из особенностей наших источников, бесполезно пытаться привязать термин «анты» к какой-то ограниченной территории и спорить о пределах антской земли. **Под антами мы должны подразумевать все восточное славянство**, в том несколько туманном виде, в каком оно рисовалось его южным соседям, хорошо знавшим славян и на Дону, и на Черном море, и на Дунае, но плохо представлявшим себе, как далеко на север простираются земли «бесчисленных племен антов» [78].

Но нас интересует ответ на вопрос: каким образом мог попасть в кабардинский фольклор термин «ант», а из приведенной цитаты трудно себе представить, как далеко на восток и юго-восток распространялась территория антов

---

[76] *Б. А. Рыбаков.* Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1(6), М., 1939, стр. 319.

[77] *Б. А. Рыбаков.* Указ. работа, стр. 322—323.

[78] *Б. А. Рыбаков.* Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладения. «Очерки истории СССР III—IX вв.», М., 1958, стр. 50.

Поэтому, опираясь на письменные, археологические, фольклорные данные, мы вправе расширить пределы антской земли от Дона и Азовского моря (Меотиды) в направлении на восток и юго-восток — в районы Северо-Западного и Северного Кавказа.

Известно, например, что форму «ант» вплоть до XIX в. сохранили адыгские племена на Северо-Западном Кавказе, в районе древнего Тмутараканского княжества [79]. Сохранилась эта форма и у жителей центральной части Северного Кавказа — у кабардинцев-черкесов до XIX века. Так, автор «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмов писал: «настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. *ант,* изменившееся с течением времени в *адыге* или *адихе,* причем по свойству языка, буква *т* изменилась в *ди* с прибавлением слога *хе,* служащего в именах наращением множественного числа. Есть в Кабарде старцы, которые выговаривают это слово сходно с прежним его произношением — *антихе;* в некоторых же диалектах говорят просто *атихе»* [80].

Чтобы подкрепить свое мнение, Ш. Ногмов приводит свидетельства древней адыгской поэзии, в которой народ всегда называется ант. «Между прочим, — пишет он далее, — на карте, составленной г-м Лапи, по сочинениям Птоломея и Плиния, на Кубани, ниже впадения в нее реки Лабы, поставлено по обе стороны Кубани слово Anticae. Страбон, писавший за 26 лет до Р. Х., называет р. Кубань — *Антикитис»* [81].

Комментируя это высказывание Ш. Ногмова, редактор второго издания его Истории акад. А. Берже писал, что «под именем Антикита (Anticites) разумели северный рукав р. Кубань (Hýpanis s. Vardanes), впадающий в Азовское море и образующий вместе с южным рукавом, изливающимся в Понт, остров Eion, ныне Тамань» [82].

«Автор «Дербент-Наме», — сообщает далее Ш. Ногмов, — **называет все племена,** обитающие от Терека до восточного берега Черного моря, *Джули-анд»* [83].

---

[79] См.: *Б. А. Рыбаков.* Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладения. «Очерки истории СССР III—IX вв.», М., 1958, стр. 49.

[80] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 67.

[81] Там же, стр. 68.

[82] Там же.

[83] Там же.

vk.com/circasbook

Ш. Ногмов упорно отстаивает тот взгляд, что адыге раньше назывались антами. «Кавказские анты или адыге, — пишет он, — были завоеваны и служили аварцам. До того, хотя и недолго, они были под властью Аттилы и служили в его войсках» [84].

По поводу этого высказывания акад. А. Берже писал: «Если допустить, что нынешние адыге — потомки древних антов, то свидетельство автора не подлежит сомнению: известно, что последние служили аварскому хану Баяну, так же как в V веке при Аттиле признавали над собою власть гуннов» [85].

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь у Ш. Ногмова идет не об антах вообще, **а о кавказских антах,** тогда как акад. Б. А. Рыбаков в основном имеет в виду антов-славян, жителей Северного Причерноморья. Что касается замечания А. Берже, то мы считаем слова Ногмова о службе адыгов в войске Аттилы соответствующими истине. Так, Ш. Ногмов приводит слова из текста сохранившейся песни с эпитетом «бича божия», который ему (т. е. Аттиле) придали современники: *тхама ивергае бгихерий кохерий дярий ивижьма дыкапухашь* *, т. е. «Господь бог помиловал нас, горы и ущелья наши; бич небесный отступил от них благополучно». *Мадыка дынарь антъшуфхер Адиль и дзама задигко фназадиожа ежаг-хер сьшхуримукке деры дохохазир* **, т. е. «отборная наша конница отправилась к Аттиле с охотой. Если же этого недостаточно, то приготовимся ехать и мы». *Зжебкехяма вогошхо ледхер, Адиль и дзима кахолидик хер, зидикье задесши блаосш хахого ди нарант шувфьхер* ***, т. е. «по большим горам, как блестящие звезды, стекаются к Аттиле воины наши, наносящие удары, подобные ударам грома» [86].

Известно, что чем меньше у нас сведений о том или ином народе, тем ценнее становится каждый источник. Так и здесь со словами песни: в ней дважды упоминается

---

[84] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 70.

[85] Там же.

* «Тхьэм и фІыщІэкІэ дэри, дибгхэри, ди къуэхэри лэжьэншэу бэлыхьым дыкъелащ».

** «МыдэкІэ ди нарт шууфІхэр Аттил и дзэмэ фынызэдожьэ ежьахэр щыхуримыкъукІэ дэри дыхуохьэзыр».

*** «Жьэпкъхэм я вагъуэшхуэ лыдхэр, Аттил и дзэм къахолыдыкІхэр, зэдэкІуэу задесщи блащхъуэ хахуэу ди нарт шууфІхэр».

[86] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958 стр. 97—98.

слово «ант» и называется имя предводителя гуннов Аттилы. Но самое важное, на что здесь следует обратить внимание,— это то, что в песне отчетливо подчеркивается, что анты это «наши воины», т. е. адыгские.

Можно привести и другую песню, в которой форма «ант» встречается не дважды, а четырежды. С текстом этой песни мы уже знакомы. Это песня дочери князя Тауо (Дауо). В ней есть такие строки:

1. Геройство Баксана освещает **антский** народ...

2. Хуара сжимает ногами **антский** воин...

3. Его (т. е. Баксана) присутствие поселяло в **антском** народе уверенность...

4. Весь **антский** народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его (т. е. Баксана) тело на родину [87].

Итак, возникают вопросы:

1. Чем объяснить, что в двух старинных кабардинских песнях фигурирует термин «ант» и при этом подчеркивается, что анты — это в одном случае адыгские воины, служившие в войске Аттилы, во втором случае — это антский народ, и в третьем случае оказывается, что песня обращена не к адыгам, а к антам.

2. Почему погибшие антские витязи не были доставлены в район Нижнего Дона или Северного Причерноморья, где, как говорилось выше, исходя из сообщений средневековых писателей, акад. Рыбаков локализует антов?

3. Какой из известных нам источников допускает ошибку: средневековые писатели или Ш. Ногмов?

Мы считаем все эти источники более или менее достоверными. Но нам кажется, что при исследовании истории многочисленных племен антов большинство ученых обращало свое внимание только на связи антов с древним славянским миром, не затрагивая вопрос о связях их с народами Северного Кавказа. Это и понятно, так как исследователи в основном занимались антским вопросом постольку, поскольку анты играли определенную роль в формировании древних юго-восточных славянских племен. Необходимо при этом иметь в виду, что работу исследователей затрудняло то обстоятельство, что известия средневековых авторов не всегда передают и не уточняют этнический состав описываемых ими народов, так как миграционные процессы, происходившие на юге России в связи с

[87] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 95—96.

так называемым «великим переселением народов», не раз перемешивали этническую номенклатуру описываемого ими края, и в силу этого передача этнических и топонимических названий новыми пришельцами должна была, очевидно, происходить в сильно искаженном виде[88].

Поэтому, говоря словами Б. А. Рыбакова, «при всем туманном характере наших источников» об антах известия о них, приводимые Шорой Ногмовым, в основном правильно освещают действительные границы расселения антских племен на восток и юго-восток от Дона и, самое важное, — это то, что Ногмов говорит об определенной части антского союза — о предках современных кабардинцев, адыгейцев и черкесов — о кавказских антах.

Большой интерес представляют указания средневековых писателей на формирование могучих племенных союзов, подрывавших военную мощь Римской империи.

Например, историк Зосим (V в. н. э.) говорит, что «скифы, вступив в соглашение и сплотившись воедино из всякого племени и рода одной частью своих полчищ опустошали Иллирию..., а другая часть дошла до Рима. В это время остальные скифы, ободренные предыдущими удачными набегами, соединившись с герулами, певками и готами и собравшись у реки Тиры (Днестра), ...построили шесть тысяч судов и, сев на них в количестве трехсот двадцати тысяч человек, двинулись по Понту (Черному морю)»[89].

Нарисованная Зосимом картина крайне интересна для нас тем, что в ней ясно сказано о формировании союза племен, о том, что племена и роды «вступили в соглашение». Зосим говорит об инициативе «скифов», к которым позднее примкнули другие племена, в том числе и готы. Характерно и то, что сборным пунктом для постройки союзной флотилии были земли, где проживали склавены и часть антов.

Подобно тому, как скифы образовали племенное объединение, так и многочисленные племена антов, можно полагать, создали свой племенной союз, в который наряду с антами-славянами (причерноморскими) вошли и кавказские анты.

---

[88] См.: *Г. А. Кокиев*, Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946, стр. 36.

[89] См. *В. В. Латышев*. Известия средневековых писателей. ВДИ, 1948, № 4, стр. 278—279.

В связи с таким суждением нельзя не упомянуть тот факт, что форма «ант» до наших дней бытует у балкарского народа со значением «клятва», «присяга». Если допустить, что слово «ант» в то далекое время, о котором идет речь, означало «клятва» — «присяга», то можно предположить, что многочисленные племена Юга России могли создать клятвенный, т. е. антский союз племен *. Заключение такого клятвенного союза между племенами, скрепляемое присягой, приурочивалось, вероятно, к определенному географическому пункту.

О таком возможном месте принятия присяги нам сообщает Ш. Ногмов:

«На берегу реки Терека, выше соединения ее с рекою Малкою находятся в большом числе башни или минареты. На кабардинском языке их называют *жулат*, сокращенное из *жоритла ант*, т. е. «часовня для подаяния доброхотных дателей». По преданию, они основаны нашими предками в древности и были посещаемы для очищения и принесения жертв. Если между союзниками или друзьями случалась ссора или нарушение слова, то оба отправлялись к жулату с луком и стрелами. По прибытии туда, они становились один против другого, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет; потом разламывали ее надвое и возвращались восвояси. Этот обряд назывался *жулат*. Кабардинцы рассказывают, что когда Кодже-Берды-хан с татарами поселились под самым жулатом, то народ стал называть эти здания *Татартуп*, т. е. «под татарами». Когда же Кодже-Берды-хан со своею ордой удалился, то другой хан — Жанбек совершенно присвоил себе жулаты и обратил их в минареты. Но предание продолжало сохраняться в пословице; народ вместо клятвы говорил для утверждения своих слов: *Татартуп пенжесен* — «да буду в Татартупе многажды»[90].

---

* *Антонимом данного термина является в балкарском языке слово* «антсиз», что значит бесклятвенный. Независимо от значения слова «ант» предки современных балкарцев должны были входить в антский племенной союз, так как в рассматриваемый период они проживали в тех же местах, где были зафиксированы в начале XX века. Появление же их на современной территории в более позднее время объяснить исторически невозможно, так как им тогда не удалось бы прорваться через адыгские земли и занять горные районы Северного Кавказа.

[90] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 73.

Об этой местности писали и другие писатели. Так, С. Броневский сообщает следующее:

«*Кабардинцы имеют великое уважение к остаткам старинного* города Татар-Тупа, лежащего в Малой Кабарде на западном берегу Терека, в семи верстах ниже устья р. Кумбулен. Сии развалины, из коих некоторые башни и церкви остались в целости, почитаются за ненарушимое убежище для убийц от преследования мстителей; прежде сего у Татар-Тупа совершались между кабардинцами все клятвы и договоры для вящей оных прочности. Черкесы не знают *ни времени, ни обстоятельств, относящихся до построения* сего города» [91].

Подытоживая наши суждения, еще раз подчеркнем, что в этническом и языковом отношениях анты не были однородны и адыгские племена, в частности кабардинцы, входя в антский племенной союз, не могли не называть себя антами *.

Таким образом, причина проникновения в адыгский (кабардинский) фольклор слова «ант» утратила свою «загадочность».

Теперь стало возможно ответить и на другие вопросы, которые ставились выше.

Антские, т. е. адыгские витязи (сыновья Тауо (Дауо) и Пак) не были доставлены в Северное Причерноморье или на Нижний Дон по той простой причине, что эти анты родом были не оттуда, а с берегов Этоко, из района Пятигорья.

Далее. Предки северокавказских народов (адыгейцы, кабардинцы, черкесы, балкарцы, а если верить Дербент-Наме, *то и дигорские осетины*) *наряду с предками юго*-восточных славян (причерноморских) входили в обширный антский племенной союз, и поэтому старинные кабардинские песни упоминают адыге-антов и песня сестры братьев Тауовых (Дауо) обращена в силу этого к антам, а не адыгам, чем еще раз подтверждается тождественность этих понятий.

---

[91] *С. Броневский.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 53.

* *Опираясь на наш анализ, мы не можем согласиться с Л. И. Лавровым, который в статье «О происхождении народов Северо-Западного Кавказа» (см. «Сборник статей по истории Кабарды», Нальчик, 1954, стр. 193) отвергает утверждения, высказанные по данному вопросу во всех трудах авторов дореволюционной школы.*

Другими словами, дружба северокавказских народов и русского народа возникла не в XVI в., а в тот период, когда существовали понятия анты, гунны, готы, т. е. до нашествия авар (VI в. н. э.) *.

О древних связях населения Северного Кавказа с населением Юго-Восточной Европы свидетельствуют археологические данные. Вот что пишет по этому поводу Е. И. Крупнов: «Внутренний процесс исторического развития населения Северного Кавказа в первые века I тысячелетия до нашей эры начинает еще сильнее переплетаться с историей и судьбами других, соседних и даже отдаленных, племен и народов... Образцы кобанской бронзы, найденные в Предкавказье (Бажиган), в Поволжье, Подолье (у станицы Сиротинской, Новочеркасский клад), под Воронежем, на Харьковщине (близ Купянска), на Полтавщине (у Лубен и Красноград), на Киевщине и даже в Крыму, и наоборот, оружие степного типа и украшения, встреченные в районах Кавказа, свидетельствуют о том, что тогдашнее население высокогорных районов центральной части Северного Кавказа общалось с племенами и народами всей Юго-Восточной Европы. Достаточно сказать, что даже в трех пунктах Украины, на Киевщине, оказалось 4 бронзовых сосуда со звероподобными ручками кавказского типа...

Из одной страны в другую проникали различные племена, а с ними — их культурные навыки и даже обычаи.

В таких взаимоотношениях нельзя предполагать только одностороннего влияния одних племен и народов на другие. Да так никогда и не было в истории. Народы, даже стоящие на разных ступенях хозяйственного, общественного и культурного развития, тем не менее обогащали друг друга своими техническими, духовными (культурными) достижениями... во взаимном обогащении культурными достижениями издревле находились племена и народы

---

* Бесспорно утверждение авторов «Истории Кабарды», «Очерков истории Адыгеи» и др. о том, что женитьба Ивана IV на дочери кабардинского князя Темрюка Идаровича (1561 г.) благоприятствовала установлению близких династических отношений между Русским государством и Кабардой и что это «привело к весьма выгодному для России сближению горских народов, особенно кабардинцев и таманских адыгов» (см. «Очерки истории Адыгеи», Майкоп, 1957 г., стр. 135). Но мы не можем это событие считать датой зарождения дружеских связей русского и кабардинского народов. На наш взгляд, этот брак явился просто юридическим выражением и оформлением уже существовавшей дружбы, корнями своими уходящей в глубь веков.

Кавказа и с племенами Юго-Восточной Европы». (Подчеркнуто нами.— *А. К.*) [92].

Связи племен Северного Кавказа с племенами южнорусских степей, о которых говорит большой знаток истории Кавказа проф. Е. И. Крупнов, начались еще в эпоху бронзы, т. е. в начале I тысячелетия до нашей эры.

Из нашего изложения нетрудно сделать вывод о том, что в рассматриваемую эпоху (IV—VI вв.) соседями предков русского народа и северокавказских племен являлись и другие народы: гунны, готы и т. д. При этих условиях исторические события, имевшие место у этих народов, не могли не отразиться в их летописном и устнопоэтическом творчестве.

Например, как повествует Иордан, в 70-х годах IV в. князь и вождь восточнославянских племен антов Бож объединил антские племена на борьбу с напавшими на них готами. Анты нанесли поражение готскому королю Винитару (376 г.), но вскоре Бож с сыновьями и семьдесят его старейшин были захвачены готами и убиты. Предание о Боже сохранилось в «Слове о полку Игореве» [93].

Очевидно, Ш. Ногмов имел в виду этот факт, когда писал, что «история сего времени упоминает об антах, которые, по известиям Иорнанда (Иордан. — *А. К.*) и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Винитар, наследник Германриха, царя Готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря, и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семидесятью знатнейшими боярами. Царь гуннов, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов.

Разность между изустным преданием и историей весьма незначительна. Боксо — то же, что Баксан, но с грече-

---

[92] *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 118, 119, 173.

[93] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 115; Большая советская энциклопедия, т. V, стр. 376; *А. А. Шахматов.* Древнейшие судьбы русского племени, стр. 10; *Б. А. Рыбаков.* Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», 1939, № 1; *А. В. Мишулин.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. «Вестник древней истории», 1941, № 1; *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М.—Л., 1948; *В. В. Мавродин.* Образование древнерусского государства, Л., 1945 и в ряде других работ.

ским окончанием *. Одна лишь разница в месте жительства антов довольно значительна, вместо севера этот народ жил на восток от Черного моря. Впрочем, истина предания подтверждается игрищами простого народа, бывающими ныне в ту пору, когда в старину праздновалась тризна по убитым; самая песня (сестры погибших. — *А. К.*) очень замечательна по своим подробностям, и, наконец, Мотрисит, который мнение народное относит к этому преданию, несомненно доказывает тождество исторических известий с преданием» [94].

Приведенные Ш. Ногмовым свидетельства Иордана и византийских летописцев о гибели антского князя Божа с сыновьями и семидесятью знатнейшими боярами и предание кабардинского народа о гибели восьми сыновей князя Тауо (Дауо) с восьмьюдесятью знатнейшими нартами настолько похожи друг на друга, что невольно возникает мысль, не лежит ли в основе их одно и то же событие? Если, исходя из текста этокской надписи, считать, что Пак является не девятым, а восьмым по счету, то у князя Тауо (Дауо) должно было быть семь сыновей **. Но выше говорилось, что по Ногмову восемьдесят павших в бою витязей есть восемь сыновей князя Тауо (Дауо). Если же исходить из сообщения Иордана, то он не указывает число сыновей Божа (Бокса), но зато говорит, что вельмож убито было семьдесят. Но семьдесят вельмож, пожалуй, можно счесть за указание на число сыновей Божа (Бокса) — семь, а если сюда включить и самого Божа, то они составят всего восемь человек.

---

* Бож (Boz, в некоторых рукописях Booz и Box). Акад. А. А. Шахматов (по его словам, «вслед за другими исследователями») находил вероятным сближение имени антского князя Боза (или Божа) с «Бусом», о котором говорится в «Слове о полку Игореве»: «Се бо готьския красныя девы... поют время Бусово». Шахматов допускал, что в песне готских дев вспоминалась борьба Винитария, вождя готов, с Божем, вождем антов, описанная Иорданом. Такого же мнения придерживаются акад. А. С. Орлов (см. его комментарий к «Слову о полку Игореве», изд. 2, М.-Л., 1946, стр. 71, 82, 120) и чл.-корреспондент *П. Н. Третьяков* («Восточнославянские племена», стр. 67). Следует отметить необычайный разнобой в звучании имени антского князя (Бож, Бус, Боус, Боксо, Бес, Баксан и т. д.).— *А. К.*

[94] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 96—97.

** В устном поэтическом творчестве кабардинцев, адыгейцев, черкесов и балкарцев сохранилось очень много старинных песен, сказаний, посвященных семи братьям. Например: «Песня о семи братьях и их сестре» и др. См. фольклорный архив КБНИИ.

При таком рассмотрении имеющихся у нас известий данные совпадают. Однако, как это будет видно из дальнейшего изложения, время гибели Божа с сыновьями и вельможами (376 г. н. э.) не совпадает с тем периодом, к которому мы приурочиваем гибель 8 сыновей Тауо (Дауо) и Пака (453 г. н. э.).

* * *

Как говорилось выше, к рассматриваемому периоду народной жизни адыгов Ш. Ногмов относит сохранившиеся в песнях известия о нашествии Аттилы, именуемого в адыгских преданиях Адилем [95].

«Пришедшие из Азии полчища кочевников гуннов около 370 года разбили готов и алан и напали на Боспорское царство. Одна часть их прошла на запад севернее Азовского моря, а другая ворвалась в степи Северного Кавказа, *разгромила здешних алан и меотов* *. *Села и города* превратились в развалины и пожарища. Масса населения подверглась физическому истреблению или уводу в рабство», «оставшиеся покинули правобережье р. Кубань и бежали в Закубанье, где к этому времени археологи относят возникновение мелких поселков» [96]. Но восемь сыновей князя Тауо (Дауо) и Пак погибли, очевидно, не во время первого появления гуннов на Кавказе (2-я половина IV в.), а позже, в V веке, в результате совместного нападения на адыгов готов-тетракситов и утургуров [97].

Если признать, что сыновья Тауо (Дауо) и Пак погибли в V веке и если сопоставить эту дату с датой гибели предводителя гуннов Аттилы, выявляются весьма интересные факты: Аттила умер в 453 г. от внезапного кровоизлияния в самую ночь своего бракосочетания с красавицей, дочерью бактрианского царя, по другим источникам — девушкою германского происхождения, по имени Гильдико (Гильда). Показания о причине его смерти тоже разноречивы: по одним, супруга горько оплакивала его, по дру-

---

[95] См.: *Ш. Ногмов*. История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 97.

* Если верить, что в 370 г. н. э. гунны разбили алан на Дону, а в степях Северного Кавказа алан и меотов, то где проживали в это время кавказские анты? — *А. К.*

[96] *Л. И. Лавров*. Адыги в раннем средневековье. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. IV, Нальчик, 1955, стр. 22—23.

[97] Там же, стр. 35.

тим, она сама убила его, мстя за смерть своих близких[98].

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона причина смерти Аттилы излагается несколько иначе:

«В 453 г., вскоре после возвращения в Паннонию, Аттила умер в ночь после брака, заключенного им с бургундскою уроженкою Ильдико; смерть его последовала или от удара, или от руки Ильдико, отомстившей этим за уничтожение своего народа. Со смертью Аттилы угасла сила мирового господства гуннов»[99].

Но кто же мог отомстить Аттиле? Чтобы ответить на этот вопрос, следует выяснить другое: являлась ли Ильдико (Гильда) дочерью бактрианского царя? Известно, что время образования первого бактрианского государства относится к XI в. до н. э. Второе, новое, бактрианское государство было основано сирийским наместником Диодотом, и оно прекратило свое существование в 139 г. до н. э.[100]

Если иметь в виду, что оба эти государства создавались в Средней Азии (южнее г. Бухары), а Аттила погиб в 453 г. н. э. в Европе, то первое бактрианское государство отстоит от рассматриваемой эпохи на 1500 лет, а второе — на 600 лет, и места, где происходили описываемые нами события, находятся друг от друга на весьма внушительном расстоянии (Европа и Азия). Следовательно, перед нами путаница и смешение, переплетение исторических имен: царь, о котором идет речь, по нашему мнению, не бактрианский, а витязь-царь по имени Пак (Бак). При этих условиях Ильдико (Гильда) — это жена Пака (см. выше) и сестра восьми сыновей Тауо (Дауо), которая действительно могла мстить Аттиле «за смерть своих близких» или «за уничтожение» ее народа (т. е. антского народа.— *А. К.*) Для подтверждения такого мнения считаем уместным привести несколько выдержек из одной книги[101], хотя существует по этому вопросу обширная литература.

«По Иорнанду, ut Priscus historicus refert, Аттила, под

---

[98] «Всемирная история по новейшим сочинениям». Изд. А. Каспари. СПб, 1902, т. 1, стр. 151, 152.

[99] Энциклопедический словарь. Брокгауз — Ефрон, т. II, стр. 498.

[100] «Всемирная история по новейшим сочинениям». Издание А. Каспари, СПб, 1902, т. 1. стр. 151, 152. См. Большую сов. энциклопедию, *т. IV, стр. 88 (Бактрия) и т. XII, стр. 494 (Греко-Бактрийское* царство).

[101] «Аттила и Русь IV и V вв.» М., 1858.

конец своих дней, вздумал жениться на прекрасной Ildico... (по некоторым сказаниям это Илийца)» (Ildico, Idlico, без сомнения Illico) [102].. И далее: «...по переводам древних гренландских и исландских квид с непонятного языка на понятный, Аттилу убила Гудруна, на которой он женился по смерти первой жены (Herka). Но фёрейская (Faröeske) форма имени Gurun, более близкая к славянской (Гурина, Іерина, Юрица, Іерка) обличает, что первая жена Аттилы Herka, Herche, Heriche носит одно имя со второй; а Herka признается также за измененное Helka; следовательно, все подобные различия произношения одного и того же имени дают полное право историкам считать Аттилу за многоженца, хотя, по народному сказанию, он женится на второй жене после смерти первой. В старинной поэме о Нивелунгах, которой содержание почерпнуто из сборника русских народных сказаний (Vilkin Saga), имя Гудруны в том же событии о гибели Нивелунгов заменяет Гримильда; и это последнее имя, должно полагать, более достоверно.

...древние русские витязные песни и предания, вместе с речью народа, перелились в преобладающий язык, усвоились им как благоприобретенное достояние и послужили основой множества квид и саг. Vilkin Saga составляет неоспоримо обезображенный временем первообраз сказаний о событиях в древнем великокняжеском русском роде. Разумеется, что собственные имена приняли форму чуждую, названия лиц и мест изменились по применениям, опискам и поправкам; сжатый, игривый, с присловьями и припевами, слог растянулся в сухую, бесцветную прозу; словом, русская Жар-птица изменилась в кованую Goldvogel, а все белые лебеди — в Schneegänse. Как ни искажены уже народные сказания в Vilkin Saga, но во всяком случае коренное содержание их сохранилось. Предание о мщении Гримильды не выдумка: молва о коварстве этой женщины разнеслась повсюду.

Различие рассказов в отношении участия в этом событии, истекало из двух источников: русского и готского. По рассказу народному, Гримильда поразила Аттилу по своим поступкам, а по квидам — кинжалом» [103].

В другом месте этой же книги читаем: «по рассказам Приска, к несчастью сокращенным Иорнандом и без вся-

---

[102] «Аттила и Русь...», стр. 194.
[103] Там же, стр. 195, 196.

кого сомнения переиначенным (как описание столицы и дворца Аттилы), придворные (на другой день после свадьбы), тщетно ожидая выхода Аттилы, решились войти в опочивальню царя и застали его уже мертвым, задушенным приливом крови. Подле ложа сидела Ильдица, под покровом, склонив голову и обливаясь слезами. Тогда, по народному обычаю, они обрезали часть волос своих и терзали лицо свое, чтобы оплакать величайшего из героев не слезами и воздыханиями, подобно женам, но кровью, как следует мужам»[104].

Мы позволили себе привести здесь большие выдержки из книги. Если составить список имен этой «коварной» женщины — убийцы Аттилы, выписав их только из тех цитат, которые нами приведены выше, то мы получим следующее: Ildico *, Illico, Idlico, Гурина, Іерина, Юрица, Ильдица, Іерка, Гудруна, Гильда, Гримильда, Крымгильда (у Андреаса Хойслера).

Из всех этих имен про предпоследнее имя говорится: «и это имя, должно полагать, более достоверно» (см. выше). Но разночтение этого имени уже говорит само за себя.

В разных районах Кабардино-Балкарской АССР автор данных строк имел возможность беседовать со многими лицами преклонного возраста. Все собеседники с очень небольшими отклонениями рассказали следующее: чтобы одернуть гордую или хвастливую женщину или чтобы дать отповедь какой-нибудь заносчивой женщине, кабардинки употребляют до настоящего времени следующую поговорку: «Эх, ты лучше помолчала бы, чем считать себя за Кануко (Къаныкъуэ) Гуэщэхужь» ** или «Далеко тебе до Гуэщэхужь Кануковой», «Не ставь, пожалуйста, себя за Кануковy Гуэщэхужь» и т. д. При этом все собеседники уверяли нас в том, что данные выражения сложились в результате героического поступка Кануковой. В чем её героизм заключался, нам так и не удалось выяснить. Но если вспомнить, что в тексте этокской надписи есть слова: «къаныкъуэ къуэуэ Пакъ», то невольно напрашивается вопрос: может быть, фамилия Кануко имеет определенную связь с текстом этокской надписи? Этот вопрос приобретает под собой

---

[104] «Аттила и Русь...», стр. 203, 204.

* Вторая часть имени Ильдико напоминает нам имя Дуко (Туко). Не отразилось ли в имени Ильдико имя Тауко (Дауко)?

** Гуэщэхужь — женское имя, буквально «белая княгиня».

реальную почву, если вспомнить, что дочь князя Тауо (Дауо) являлась, как можно предположить, женой Пака (Баксана). Нельзя оставить без внимания следующие моменты: когда Аттила овдовел и ему предложили в качестве невесты Ильдико, он сомневается в возможности брака с иноверкой, тогда как он сам язычник [105].

Действительно, раз на тыльной части Этокского памятника зафиксирован крест (см. снимок и прорисовку), а воздвигала статую сестра погибших, то как бы напрашивается вывод — она сама была христианкой *. Стало быть, опасения Аттилы, видимо, надо считать достоверными. В свою очередь Ильдико (Гильда) сомневается в возможности быть женой Аттилы. Если обратиться к Skaldamal или к сборнику витязных песен, квид Эдды, то нетрудно убедиться в этом.

«Я христианка, — говорит Гримильда (Гудруна квиды) послу Аттилы, — отдам ли я себя язычнику!» Ратарий (Rathere, Ratgaire, Ruedeger, Rüdiger) успокаивает её, объявляя, что при Аттиле много витязей христиан и что от нее будет зависеть обратить и его в христианство» [106].

Как ни искажены имеющиеся у нас сведения, женитьба Аттилы на «коварной женщине, молва о которой разнеслась повсюду», остается фактом.

Далее. По нашему мнению, как отмечалось, исторические события IV—V вв. н. э. не могли не найти отражения в устнопоэтическом творчестве у других народов, например, у предков русского народа, в частности, в былинах. Основанием для такого суждения является, как говорилось, то, что северокавказские народы были в близкой связи с русским народом. Кроме того, надо иметь в виду, что юго-восточные славяне в древности практиковали приглашение на предводительствование дружинами на время предстоящих походов представителей других племен.

Обратимся к русским былинам. Акад. Вс. Миллер в своей работе «Отголоски галицко-волынских сказаний в современных былинах» писал, что «несмотря на многочисленные исследования... в области изучения русских былин, вопрос о периоде их сложения не может считаться вполне уясненным. В противоположность исследователям 60 и 70

---

[105] «Песнь о Нибелунгах», перевод М. И. Кудряшова, с введением и примечаниями, СПб, 1889 (раздел «Женитьба Аттилы»).

* Почитание креста, как мы видели выше, еще не означает, что мы имеем дело именно с христианской религией.

[106] «Аттила и Русь...», стр. 30—31.

годов, возводившим чуть ли не большинство былин к домонгольскому периоду, современные исследователи относятся с крайней осторожностью к чертам домонгольской старины, действительно сохранившимся в былинах, особенно в личных и географических именах, и не делают из последних тех заключений, которые представлялись обязательными прежним исследователям. Эти имена могут свидетельствовать лишь о том, что корни, по крайней мере некоторых былин, тянутся в домонгольский период...»[107]

Далее он начинает анализ русских былин, в частности, старинной былины о Дюке Степановиче. В. Ф. Миллер пишет: «Мне кажется, что былина о Дюке Степановиче, разделяя судьбу других былин, подвергалась неоднократно изменениям и переработкам, но сохранила устойчиво то, что сохраняется вообще в нашем народном эпосе и придает ему архаический характер — некоторые имена. К этим именам нельзя отнести ни Владимира, ни Киев с Черниговом, ни Добрыню или Илью Муромца... Но гораздо большее значение для вопроса о первичной основе имеет имя главного героя былины Дюка Степановича. Если бы нам удалось сделать вероятным, что это имя связано с известным местом и историческим периодом, то вопрос о месте и времени сложения первоначального эпического рассказа мог бы быть решен», — писал В. Ф. Миллер[108].

Но как выяснить и сделать вероятным, что имя Дюк связано с известным местом и известным историческим периодом?

Как пишет сам В. Ф. Миллер, «все исследователи согласны с тем, что источник первоначального русского рассказа — иноземного происхождения. Рассказ о богатом боярине Дюк, удивляющем князей своею роскошью и невиданною культурностью, — русская переделка какого-то иноземного рассказа, напоминающего, как доказано акад. Веселовским, в плане западноевропейские пересказы хождения Карла Великого в Иерусалим и Константинополь, которые, в свою очередь, также основаны во многом на материале эпистолии пресвитера Иоанна» *.

---

[107] *В. Ф. Миллер.* Отголоски галицко-волынских сказаний в современных былинах. «Очерки русской народной словесности». Былины, I—XVI, М., 1897, стр. 97.

[108] *В. Ф. Миллер.* Указ. работа, стр. 104.

* Этот источник, отразившийся во второй части былины, в описании богатств Дюковых, по словам В. Ф. Миллера, имеет свою еще не вполне разъясненную историю и в Западной Европе и у нас.

Об иноземном происхождении былины о Дюке, как сообщает В. Ф. Миллер, писал также В. Истрин, который пришел к следующему заключению: «Былина о Дюке явилась из Византии; содержание её было тождественно в подробностях с религиозно-христианской частью эпистолии пресвитера. Источник их был один и тот же... Затем былина перешла на Русь, **претерпела соответствующие видоизменения,** но в подробностях, в описании царства Индийского, осталась в существенных чертах без изменения» [109].

По нашему мнению, наличие в былине популярного греческого имени Дука (Δουκας) — не случайное явление.

Как сообщает В. Ф. Миллер, «Дуки представляли аристократический род, близкий к династии Комнинов и состоявший с ними в родственных отношениях, некоторые Комнины носят и фамилию Дуков: например, Константин Дукас (1059—1067), Михаил Дукас (1071—1078). Имя Дуков беспрестанно мелькает в византийских летописях; многие из носящих это фамильное имя занимают высшие придворные и военные должности... Известностью и славой имени Дуков объясняется и то, что эта фамилия встречается и в героических сказаниях Византии. Вероятно, славное византийское имя попало и в южнославянские песни. Конечно, имя Дуки было в том византийском произведении, которое послужило основой русской былины, ибо трудно предположить, что последняя сама изобрела имя Дюка» *.

В обоснование и подтверждение этой мысли В. Ф. Миллер делает сноску к тексту и пишет: «Едва ли представляет фонетическое затруднение переделка иностранного имени Дука в Дюка. Напомним некоторые одиночные случаи подобного же смягчения зубных согласных, впрочем, большей частью (хотя не исключительно) под влиянием следующего мягкого слога: *тюрьма* — и немец. turm, *тюльпан* и *тулипан*-tulipa, *тябло* — tabulo, *дюжий* и областное *дужий, тюрик* и *турачек,* древ. русск. *датель* и *дятел* (словарь Срезневского). Нельзя ли предположить, что Дюк — вели-

---

[109] *В. Ф. Миллер.* Указ. работа, стр. 107.

* «В выборе этого имени и видно, что мы имеем дело с приемами народной эпики. Известно, что она (народная эпика) в этом отношении отличается наивностью и нисколько не затрудняется лицам иноземным давать свои национальные имена и изображать эти лица в национальном вкусе. География и этнография для нее не имеет значения... Этим,— как полагает В. Ф. Миллер,— можно... объяснить, что приезжий из Индии гость получил популярное греческое имя Дука (Δουκας)».

корусская переделка южнорусского и старинного Дукъ? *. По крайней мере в малорусском *дук* и *дука* значит *богач, вельможа* (см. словари Желеховского, Пискунова, Закревского). Может быть, уже в старину у южнорусов эпическое имя богача Дука перешло в нарицательное прозвище, разделив судьбу некоторых других собственных имен: Крез, Аника, Дон-Жуан, Ловелас и др. У сербов имя Дука встречается как собственное и также значит **герцог**. Для объяснения итальянского слова duca (герцог) Диц... предполагает, что оно вышло не из латинского dux, которое в средневековом латинском звучало dox, docis (срав. венецианское doge), а из византийского δουκας или δουε, винит. *δουκα. Этим именем византийцы задолго до литературного* периода итальянского языка называли воеводу провинции или города» [110].

Итак, из высказывания акад. В. Ф. Миллера ясно, что в числе былин, корни которых тянутся в домонгольский период, находится былина о Дюке Степановиче и что она, разделяя судьбу других былин, подвергалась неоднократно изменениям и переработкам, но сохранила устойчиво некоторые имена, в частности имя Дук, изменившееся в Дюк. При этом имя Дука признается за византийское Δουκας или δουε, винит. δουκα **.

По нашему мнению, нет необходимости происхождение имени Дук вести из Византии, связывая это имя с фамилией императоров Дуков — Комнинов. Нам кажутся более правомерными поиски этого имени в среде собственно бывших членов антского союза племен, так как былина о Дюке могла сложиться только среди членов этого союза и в домонгольский период.

Не случайно В. Ф. Миллер писал: «Эти имена (например, Дюк.— *А. К.*) могут свидетельствовать лишь о том, что корни, по крайней мере некоторых былин, тянутся в домонгольский период, но эти корни давно засохли, и не подлежит сомнению, что былевой эпос в течение своей

---

* В свою очередь мы хотим спросить читателя: нельзя ли предположить, что Дюк — южнорусское и старинное произношение имени Τον (Тауо—Дауо—Тауко—Дууко), зафиксированное в тексте надписи Этокского памятника? Ведь сыновья князя Дауо являются антскими предводителями!

[110] *В. Ф. Миллер.* Указ. работа, стр. 117, 118.

** Византийское написание имени Δουκας почти полностью совпадает с кабардинским написанием этого имени (фамилии). Ср. это имя с именем Τουκου из текста этокской надписи.

долгой исторической жизни испытал глубокие коренные изменения»[111].

Необходимость такого суждения, как нам кажется, подкрепляется и близостью археологической культуры *Северного Причерноморья* с *археологической культурой* Северного Кавказа, на что указывает, например, проф. Е. И. Крупнов[112].

По нашему мнению, хотя былина о Дюке Степановиче подвергалась переработкам и переделкам, но она является *фиксацией в памяти народной исторических связей* предков русского народа с народами Северного Кавказа того периода, когда они находились в антском племенном союзе.

Приведем еще один пример. «На протяжении II—V столетий грузинская летопись отмечает факты столкновений и союзов овсов с грузинами. Наиболее интересно описание в летописи столкновения овсов с грузинским царем — Вахтангом Горгасалом (в 453 г.). Согласно этому описанию, овсы опустошили Картлинию и пленили сестру Вахтанга Горгасала. Последний пять лет спустя вторгся с большим войском в Осетию и нанес овсам большое поражение. Предводителем овсов тогда, *по словам летописи*, был Ос-Багатар»[113]. Если разобраться в имени Ос-Багатар, то нетрудно обнаружить, что «Ос» — это древнее название северокавказских народов *, а имя «Багатар» состоит из двух слов «Бага» и «Тар», но Бага — это Пака, а «Тар» — это есть неправильное произношение адыгского слова «Θαρ».

Другими словами, правильное произношение имени «Багатар» мы находим в тексте надписи Зеленчукского памятника в следующем виде: «Πακα Θαρ», т. е. Пакъ

---

[111] *В. Ф. Миллер.* Указ. работа, стр. 97.

[112] *Е. И. Крупнов.* Древняя история и культура Кабарды М., 1957.

[113] «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 39.

* Авторы «Истории Северо-Осетинской АССР», пишут: «Изучени исторических источников позволило прийти к заключению, что тот са мый народ, который грузины называли «осами», т. е. осетинами, гре ческие, римские, византийские, арабские, персидские, армянские и дру гие авторы древности знали под названием алан» (см. там же, стр. 32) Но аланы — это не одни осетины. «На протяжении длительного исто рического времени (с I до XII в.) аланы... были известны под трем наименованиями: аланы, асы (ясы) и осы (овсы)». (См. там же стр. 32).

тхьэр — богоподобный Пако (см. выше наше чтение текста зеленчукской надписи). Между прочим, допустимо иное написание имени Ос-Багатар. Так, если мы опустим вторую часть слова Багатар, то можно это же имя произносить как «Ос-Пак», где «Пак» соответствует «Бага» (Пака).

Если вспомнить, что предки нынешних германцев — готы — в IV и V вв. соседствовали с северокавказскими народами, то имя Ос-Пак (т. е. то имя, которое зафиксировано в адыгском эпосе и в тексте этокской надписи) могло проникнуть к готам.

Так, Фридрих Энгельс в своей работе «Рихард Вагнер и немецкий народный эпос» на основе анализа древних летописей, сопоставляя две версии об одном сражении, упоминает имя Оспак. Так, он писал: «...в пятницу из крепости вышло войско (норманнов), и обе рати построились в боевом порядке... Ульф Грейда был на том крыле, которое приходилось против Бруодгира, на другом — там, где против был Сигтриг,— стоял Оспак со своими сыновьями... Когда начался бой... Оспак ударил норманнам в тыл и после жестокого боя опрокинул крыло, которым командовал Сигтриг»[114].

Может быть, Ф. Энгельс анализировал те древние летописи, в которых в туманном виде нашло отражение событие, имевшее место в V в. н. э., но изложенное летописцем применительно к другим географическим координатам?

Впрочем, анализируя происхождение упоминаемых в летописи имен, Ф. Энгельс замечает: «Оспак, а также Керткалфад, по-видимому, кельтские имена...»

Но в ирландских, скандинавских и немецких (готских) летописях могли сохраниться упоминания не только об антских или аланских именах, но и об исторических событиях, имевших место в V в. н.э. у этих народов, которые в силу напластований на них более поздних фактов могли быть и искажены.

* * *

«Сведения об антах обрываются на 602 г. н.э. После этого внимание византийцев отвлечено аварами и булгарами, отрезавшими антов от империи»[115]. Исчезновение по-

---

[114] «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». 1957, стр. 325.

[115] *Б. А. Рыбаков.* Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1(6), М., 1939, стр. 319.

нятия «ант», видимо, было вызвано распадением существовавшего союза антских племен, что еще не означает, что должны были исчезнуть те народы, которые входили в него. Исчезновение понятия «ант» можно поставить в связь с борьбой Византийской империи с готами, гуннами, временно заслонившей от нас историю многих народов.

Если иметь в виду сказанное, то нетрудно установить причину заблуждения тех ученых[116], которые считали (и считают), что под северокавказскими аланами надо понимать предков одного только осетинского народа.

На самом деле: как согласовать суждение о проживании к востоку от р. Дона и Меотиды (Азовского моря) с первых веков н. э. до начала VII в. н. э. кавказских антов с утверждением, что северокавказские аланы занимали эту же территорию с I века вплоть до XIV века?

Ведь выше говорилось, что граница кавказских антов от Дона и Меотиды на востоке доходила до рр. Баксан, Чегем и даже до р. Терек.

Как же при этих условиях «горы и предгорья Центрального Кавказа от р. Лабы (приток р. Кубань.— *А. К.*) и далее на восток до Дарьяльского ущелья были заселены аланами» (предками одного осетинского народа! — *А. К.*) Как аланы могли на Дону в IV в. н.э. потерпеть поражение от гуннов, если в это время там жили анты кавказские? Как могло образоваться **«в западной и средней части Северного Кавказа аланское политическое объединение»**[117], если в это время западную и центральную часть Кавказа занимали анты — адыги и другие народы Северного Кавказа?

Как могло происходить в XIII—XIV вв. **«вытеснение алан-асов с Предкавказья»** двигавшимися «из северо-западных (?) районов Кавказа на восток» кабардинцами, которые **«уже занимали территорию современного расселения»**[118], как кабардинцы смогли **«частично вытеснить и ассимилировать местное население — потомков алан** и в силу этого ослабить связи осетин с внешним миром»?[119].

---

[116] *Б. Скитский.* «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XI, Дзауджикау, 1947; *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор; *Б. А. Алборов.* Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите. «Ученые записки Сев.-Осет. пединститута», т. XXI, вып. II, Орджоникидзе, 1956.

[117] БЭС, т. 38, стр. 348.

[118] БЭС, т. 19, стр. 219.

[119] БЭС, т. 38, стр. 348.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, надо обратиться к историческим и археологическим, вещественным источникам.

Аланская культура, занимавшая в эпоху раннего средневековья обширнейшую территорию от верховьев Кубани до Дагестана и охватывавшая огромный промежуток времени с IV по XII век, не могла быть единым целым. Поэтому предпринятые археологами Е. И. Крупновым, В. А. Кузнецовым и В. И. Марковиным работы по выделению локальных вариантов древних культур применительно к территории Кавказа, начиная с эпохи бронзы, следует приветствовать, так как в современной археологической науке назрела задача расчленения крупных археологических культур на отдельные локальные варианты и на основе этого попытаться выявить отдельные племенные группы древнейшего населения Северного Кавказа с выявлением мест их расселения *.

В своей работе «Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии» В. А. Кузнецов внутри обширной аланской культуры Северного Кавказа намечает три варианта: западный (верховья Кубани), центральный (Кабардино-Балкария) и восточный (Северная Осетия и Чечено-Ингушетия) [120]. При этом для нас весьма важно, что центральный локальный вариант аланской культуры территориально почти полностью совпадает с современной административной границей Кабардино-Балкарской АССР.

Названной работой В. А. Кузнецов внес определенную ясность в характеристику «основных признаков локальной группы местных, **кавказских по происхождению племен,** живших в эпоху раннего средневековья на территории Кабардино-Балкарии». Так, В. А. Кузнецов, охарактеризовав наиболее стойкие показатели черт культуры (типы могильных сооружений, погребальный обряд, керамика и характер городищ) центрального локального варианта, пишет, что «древние племена (которым принадлежала материальная культура, обнаруженная на территории Кабар-

---

* Локализация отдельных культур не исключает взаимовлияния, смешения, заимствования различными племенами разных культур.

[120] *В. А. Кузнецов.* Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии. «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», т. XVI, Нальчик, 1959, стр. 149.

дино-Балкарской АССР.— *А. К.*) мы не можем считать «настоящими» аланами, ибо доказано, что этнические аланы имели совершенно иной обряд погребения — в катакомбах *. Мы должны признать, что эти племена, этническое самоназвание которых неизвестно, являются местными, кавказскими аборигенами, жившими в близком контакте с пришлым аланским населением». «Мы не знаем,— пишет далее В. А. Кузнецов,— этнического наименования этого населения Кабардино-Балкарии, ибо оно не сохранилось в письменных источниках. Аланским оно именуется постольку, поскольку письменные источники первого тысячелетия нашей эры называют этим именем все население центральной части Северного Кавказа, начиная от верховьев Кубани. С появлением в горах и предгорьях Северного Кавказа сармато-аланских племен **, автохтонные кавказские племена начали испытывать сильное культурное влияние со стороны алан, оказались включенными в состав обширного союза племен, возглавляемого аланами, и довольно быстро покрылись общим именем «аланы», что и отражено в источниках»[121].

Понятно, что специфические условия географической среды и исторического процесса обусловили необычайную этническую пестроту Кавказа и превратили его в «гору языков и народов». Поэтому действительно трудно при отсутствии источников назвать этническое наименование носителей культуры центрального локального варианта. Но археологи заявили, что носители этой культуры являют-

---

* Можно ли по одному признаку — обряду погребения в катакомбах, по данным одной отрасли науки, утверждать, что данный обряд является принадлежностью только одной народности? У одного народа (народности), одной национальности одновременно могли существовать различные обряды погребения (катакомбы, грунтовые могилы, каменные дольменообразные склепы, наземные усыпальницы и т. д.). Сравним хотя бы обряды погребения у моздокских кабардинцев-христиан с обрядами погребения кабардинцев-магометан. По нашему мнению, исходя из данных одной отрасли науки вообще не следует делать категорических выводов.— *А. К.*

** Древние авторы не говорят, что аланы пришли на Северный Кавказ из другой местности. Как правильно заметил проф. Б. Скитский, надо думать, что «в данном случае произошла лишь новая перегруппировка кавказских племен, выдвинулось новое племя, с новым наименованием, которому удалось создать под своим владычеством новое объединение». См. «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XI, Дзауджикау, 1947, стр. 38.

[121] *В. А. Кузнецов*. Указ. работа, стр. 169; см. также: *Е. И. Крупнов*. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

ся местными кавказскими аборигенами и что племена, населявшие в период раннего средневековья, вплоть до XV в., территорию Кабардино-Балкарии, не изменили своей этнической сущности. Поскольку Этокский памятник обнаружен на территории бытования центрального локального варианта, носителями этой культуры мы считаем адыгов — кабардинцев.

По мнению археологов, центральный локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии имеет весьма глубокие истоки. «Его ареал в основном совпадает с ареалом локального варианта северокавказской культуры II тысячелетия до нашей эры и с ареалом кабардино-пятигорской локальной группы памятников кобанской культуры I тысячелетия до нашей эры. Это дает нам возможность поставить вопрос о непрерывном существовании локального варианта материальной культуры на территории Кабардино-Балкарии, начиная с эпохи бронзы вплоть до начала II тысячелетия нашей эры (т. е. до XI—XII вв. н. э. [122]. При этом вспомним о следующем: «исследования лингвистов в области адыгейского, кабардинского, абхазского и абазинского языков обнаружили, что основной словарный фонд этих языков существовал в эпоху бронзы» [123].

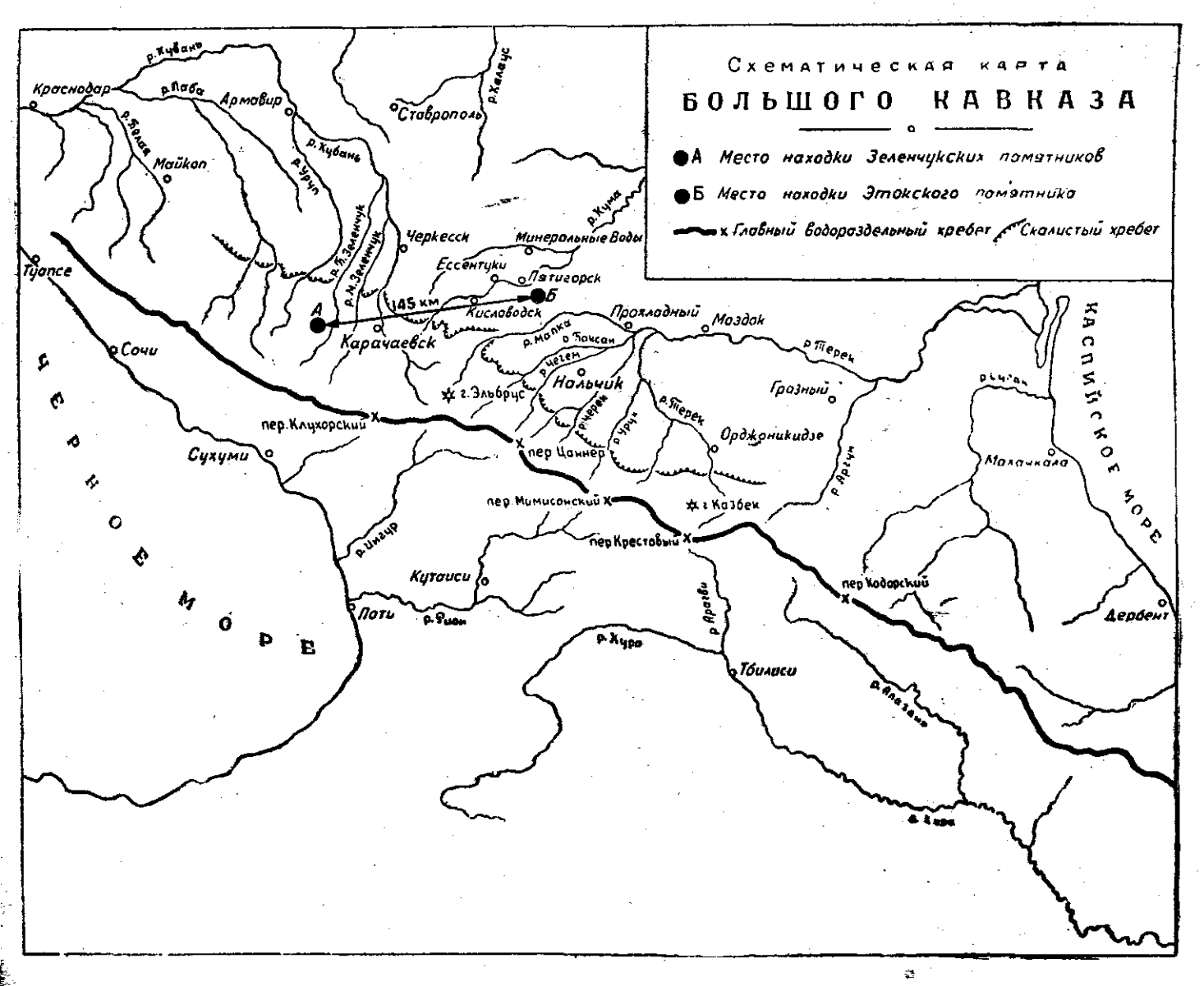
При датировке Этокского памятника следует помнить, что сведения об антах обрываются на 602 г. н. э., а исчезновение понятия «ант» было вызвано распадением предположительно существовавшего союза антских племен.

По нашему мнению, Шора Ногмов, датируя Этокский памятник IV веком, подходит к истине ближе, чем другие ученые. Мы датируем его и надпись на нем 452—453 гг., так как в V веке (во второй половине) готы и утургуры совместно напали на предков современных адыго-кабардинцев и, очевидно, это было одновременно нападением на предков юго-восточных славян; в III—VI, а не в XI—XII вв. или в XVI в. существовали понятия «ант», «гот», «ут» и «гунны»; в V в. н.э. предки адыго-кабардинцев и предки юго-восточных славян стали испытывать незначи-

---

[122] *В. А. Кузнецов.* Указ. работа, стр. 170; см. также: *Е. И. Крупнов.* Новые данные по археологии Северного Кавказа. «Советская археология», 1958, № 3; *В. И. Марковин.* О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. «Ученые записки КБНИИ», т. XVI, Нальчик, 1959.

[123] *Л. И. Лавров.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. «Сб. статей по истории Кабарды», Нальчик, 1954, стр. 196.


Схематическая карта
БОЛЬШОГО КАВКАЗА
А Место находки Зеленчукских памятников
Б Место находки Этокского памятника
Главный водораздельный хребет
Скалистый хребет
Краснодар
р. Кубань
р. Лаба
Армавир
Ставрополь
р. Кагальник
р. Белая
Майкоп
р. Урюп
р. Кубань
р. Кума
р. Л. Зеленчук
р. Н. Зеленчук
Черкесск
Минеральные Воды
Туапсе
Ессентуки
Пятигорск
145 км
А
Б
Кисловодск
Карачаевск
Прохладный
Моздок
р. Малка
р. Баксан
р. Терек
Сочи
р. Четем
Нальчик
г. Эльбрус
Грозный
р. Терек
р. Черек
р. Урух
Орджоникидзе
пер. Клухорский
пер. Цаннер
Сухуми
Махачкала
р. Аргун
пер. Мимисонский
г. Казбек
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
р. Цхенис-цкали
пер. Крестовый
Кутаиси
пер. Кодорский
Дербент
Поти
р. Риони
р. Кура
р. Арагви
Тбилиси
р. Алазань

тельное влияние христианства, которое исходило от Рима через Византию. И последнее: текст этокской надписи подтверждается словами песни и предания, а наличие самого памятника с надписью связывает в единое целое песню, предание и текст надписи. Стало быть, существующее в исторической науке мнение о занятии современной территории кабардинцами в XI—XIV вв. н. э., после вытеснения алан-осов со своих мест (см. выше) следует считать явно неверным и не отражающим действительную историю. Об этом свидетельствует также и Этокский памятник, который признается советской исторической наукой принадлежащим адыгам (кабардинцам, адыгейцам и черкесам) [124].

Здесь уместно сделать одну оговорку. Выше мы увязывали друг с другом Зеленчукский и Этокский памятники и на основе этого датировали Зеленчукский памятник. Но, по палеографическим данным, их следовало бы отнести к разным историческим эпохам. Первоначально мы склонны были датировать Зеленчукский памятник не серединой V в. н. э., а гораздо более древним периодом (т. е. до нашей эрой), однако близость сюжета текстов надписей на обоих памятниках вынудила нас изменить такое суждение. При датировке Зеленчукской надгробной плиты и Этокского памятника палеографические особенности (различия) каждого из них, очевидно, следует объяснить тем, что население верховьев Кубани, где был обнаружен Зеленчукский памятник, будучи прямым потомком синдов и оказавшись под сильным влиянием греческих причерноморских городов-колоний (или Боспорского царства), могло закрепить за собой один образец письма, тогда как памятник кабардино-пятигорской группы — Этокский — должен был отразить на себе культурное влияние предков юго-восточных славян в период их нахождения в одном обширном племенном союзе — антском. Не случайно, как говорилось выше, акад. Гильденштедт обратил внимание на палеографические особенности текста этокской надписи, заявив, что надпись на этом памятнике частично напоминает славянские буквы.

Этокский памятник свидетельствует о том, что к середине V в. н. э. адыгские племена, в частности кабардинцы,

---

[124] «Этнография Кавказа», изд. АН СССР, ин-т этнографии АН СССР, М., 1960, стр. 76.

входившие в антский племенной союз, имели довольно устойчивое эпиграфическое письмо.

Как говорилось выше, члены обширного племенного союза не могли не осуществлять между собой обмен экономическими (об этом свидетельствуют археологические данные) и культурными достижениями и должны были поддерживать политические связи. При этих условиях вспомним, что окончательное оформление славянского алфавита относится к IX в., но славянская письменность, согласно археологическим данным и письменным источникам, начала создаваться намного раньше. Византийские миссионеры и церковные деятели IX в. Константин (Кирилл) и Мефодий при окончательном оформлении славянского алфавита, чтобы выразить особенности славянской фонетики, использовали не только греческий алфавит, но, по-видимому, и письменные знаки, уже существовавшие у славян [125].

Если вспомнить, что, по мнению акад. Гильденштедта, буквы текста надписи на Этокском надгробии и на других памятниках, виденных им по долинам рек Баксан и Чегем, имеют «большое сходство частью с греческими, частью с славянскими», то вполне допустимо предположение, что предки современных кабардинцев имели письменность, которая была ими заимствована у южных славян — предков русского народа в период их совместного нахождения в антском племенном союзе. Но результаты культурного влияния Древней Руси на предков кабардинского народа были сведены на нет систематическим разорением этого края грозными нашествиями полчищ кочевников (гуннов, готов, аваров и татаро-монголов). Только восстановление былой дружбы северокавказских народов с народами России спасло первых от порабощения султанской Турцией и Крымским ханством [126].

Выше говорилось, что Этокский памятник следует датировать V веком н. э. Теперь мы можем сказать, что на современной территории кабардинцы проживают не с XI—XII вв. или XVI века, а с V века нашей эры и, возможно, с еще более раннего периода (см. выше). Но если предки современных кабардинцев и балкарцев проживают издревле на указанной территории, то трудно себе предста-

---

[125] «Всемирная история», т. III, гл. XIV, М., 1957, стр. 230.

[126] См.: *Н. А. Смирнов.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958; *Т. Х. Кумыков.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957.

вить, каким образом аланы-осетины в X веке н. э. смогли пробиться через земли адыгских племен до верховьев Кубани (ущелье Большой Зеленчук) и воздвигнуть там памятник (Зеленчукский) с осетинской надписью. То обстоятельство, что, с одной стороны, по письменным источникам, с востока на запад — от нынешней Северной Осетии до Азовского моря (Меотиды) и р. Дон — обитали северокавказские аланы, а с другой стороны, в этот же период территорию от Азовского моря и Дона до левого берега Терека, включая Дигорию, занимали северокавказские анты, на первый взгляд противоречиво, но противоречие это кажущееся.

Аланами могли называться северокавказские народы, проживавшие между Каспийским морем и Волгой (на востоке) и Азовским морем и Доном (на западе), тогда как антами могла быть часть северокавказских алан, которые занимали, скажем, земли, лежащие между р. Терек (на востоке) и Азовским морем и р. Дон (на западе). Или же северокавказские народы, по-видимому, были известны античным писателям под двумя наименованиями — анты и аланы. Другими словами, северокавказские народы могли быть известны как кавказские аланы, тогда как эти народы сами могли называть себя антами.

Вопрос о «ранних» антах, которые, по сообщению Иордана, были в конце IV в. союзниками или подданными гуннов, осложняется особой точкой зрения, высказанной впервые А. Ольриком, заявившим, что «анты Божа были не анты-славяне, а кавказские аланы, которые сами называли себя антами...» [127]. «Вслед за А. Ольриком стали считать антов Божа аланами Л. Шмидт... и Г. В. Вернадский, который сводит «ант» к «ас» — осетин, алан... и пытается объединить сообщения Аммиана Марцеллина о войне остроготов с аланами... с данными Иордана о войне остроготов с антами...» [128].

Нам кажется, что в данном случае попытка Г. В. Вернадского объединить сообщения двух средневековых писателей, т. е. попытка считать войну остроготов с аланами и войну остроготов с антами одним событием, близка к истине. Дело, видимо, в том, что средневековым писателям

---

[127] *Е. Ч. Скржинская.* Комментарии к кн. Иордана «О происхождении и деяниях гетов», М., 1960, стр. 321.
[128] *Е. Ч. Скржинская.* Указ. работа, стр. 321.

были известны кавказские народы и народы Причерноморья, как говорилось выше, под двумя наименованиями — анты и аланы. Очевидно, А. Ольрик исходит из этого положения *.

Советские ученые-слависты М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, Д. С. Лихачев и другие не высказались в пользу мнения об антах-аланах. Во всяком случае, общеизвестно, что «вопрос о племени антов в конце IV и в V вв. содержит еще неразрешенные трудности» [129].

* * *

Теперь несколько слов по поводу отдельных критических замечаний, которые могут быть сделаны читателями в наш адрес. Нам могут заметить, что датировать Этокский памятник периодом не позже середины V в. н. э. нельзя, так как «археологически эта дата абсолютно не доказуема и противоречит всему характеру памятника», ибо:

а) ему нет соответствующих по времени аналогов на всем Северном Кавказе, и

б) изображения Этокского памятника близки подобным изображениям на памятниках XI—XII вв. и более поздних.

По нашему мнению, ответ на такие возможные замечания должен даваться не с позиций одной какой-либо научной отрасли, так как каждая наука освещает любое явление в определенном, специфическом для нее аспекте. Изучаемый же вопрос требует всестороннего анализа. Что касается нас, то мы слова из письма Бартоломея поставили эпиграфом к чтению Этокской надписи не случайно: он первый и лучше, чем кто-либо, сказал, что стиль статуи Этокского памятника «совершенно отличается от известных доселе стилей».

Утверждение, что на всем Северном Кавказе не встречается памятников, аналогичных Этокскому, доказывает лишь одно, что ученым не известны эти аналоги. Стало быть,

---

* *К сожалению, с работами А. Ольрика, Л. Шмидта и Г. В. Вернадского мы не знакомы, и поэтому наше суждение основано на комментариях Е. Ч. Скржинской к Иордану.*

[129] *Е. Ч. Скржинская.* Указ. работа, стр. 322.

надо их искать. К сожалению, приходится отметить неравномерность и недостаточность археологического и исторического изучения Северного Кавказа. На археологической карте этой территории до сих пор остается ряд белых пятен [130].

Если признать, что изображения Этокского памятника близки к подобным изображениям на памятниках XI—XII вв., то отсюда можно сделать два вывода: либо памятники, которые археологи относят к XI—XII вв., являются памятниками V века, либо сила традиций погребения имеет бо́льшую прочность, чем мы себе представляем. Это, по нашему мнению, единственное, что можно сказать, ибо возможное утверждение, что Этокский памятник, внешне похожий на памятники XI—XII вв. или XVI в., не мог быть воздвигнут в V в., опровергается содержанием текста, высеченного на самом Этокском надгробии.

Далее. Могут сказать, что автор этих строк подтверждение своих заключений находит в основном в «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова, труд которого якобы не может служить основанием для серьезных научных выводов, так как он не документален и построен на преданиях кабардинцев и компиляциях из Н. М. Карамзина, и что к преданиям, собранным Ш. Ногмовым, надо подходить сугубо критически. Действительно, труд Ш. Ногмова нуждается в критической оценке, так как с его же собственных слов известно, что История составлена на основе фольклора и преданий, сохранившихся в памяти у кабардинского народа. Однако, поскольку наше чтение надписи Этокского памятника подтверждает факты, о которых говорит Ш. Ногмов в своей Истории, мы не сомневаемся в высокой научной добросовестности первого просветителя кабардинского народа.

В то же время мы считаем, что опираться на предания, тем более зафиксированные, не является зазорным. Достаточно здесь вспомнить хотя бы мифы Гомера и раскопки Трои.

Народные песни и предания должны быть для нас так же драгоценны, как для археолога древние памятники: из них узнаем мы дух, моральный облик своих предков, их нравы, понятия и дела.

---

[130] См.: *А. П. Смирнов.* К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института». т. IV, Нальчик, стр. 65.

Относительно нашего критического подхода к сообщаемым Ш. Ногмовым фактам мы надеемся, что читатели сами сумеют дать оценку этой части предлагаемой работы.

И последнее. Может возникнуть такой вопрос: как датировать ранние средневековые памятники с подобными Этокскому надписями? По нашему мнению, датировать древний памятник с позиции одной или двух наук не целесообразно. Желательно комбинирование для такой цели данных, по крайней мере, трех-четырех, а если позволяет материал, то пяти-шести различных наук. При этих условиях вывод будет близок к истине.

К ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ КАБАРДИНЦЕВ

Большим грузом в научной интерпретации аланских источников является суждение, согласно которому алан следует считать предками одних только осетин[131] и поэтому кабардинский народ на нынешней территории мог появиться только после ухода алан в XIII—XIV. вв[132]. Отсюда следует, что к дешифровке древних надписей и текстов, датируемых периодом до XIV в., нельзя подходить с позиции адыгского языка. Такой вывод подкрепляется дешифровкой единственного известного до сего времени аланского текста, датируемого 941 г. н. э.[133] Чтением надписи на этом памятнике с позиции осетинского языка доказывается, что аланы являются предками только одних осетин.

Проведенный анализ исторических событий и фактов до XIII в. и дешифровка древних надписей с позиции адыгского языка указывают на неверность этих суждений.

События и факты последующего периода также не дают никаких оснований считать верной концепцию о «переселении» адыго-кабардинцев в XIII—XV вв. с запада на восток и тем самым перечеркивать их связи с аланами. Даже соглашаясь обсуждать вопрос о миграционном происхождении кабардинского народа, на ограниченном историческом материале (XIII—XV вв.) легко показать ошибочность концепции, принимающей адыго-кабардинцев за пришлое население на территории современного их расселения.

---

[131] «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959, стр. 34, 70.

[132] «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III, Нальчик, 1954, стр. 229.

[133] «История Северо-Осетинской АССР», М., 1959, стр. 32, 70.

Вопрос истинности миграционного происхождения ка-бардинского народа есть обратная сторона вопроса о связи адыго-кабардинцев с аланами: отрицая связь адыго-ка-бардинцев с аланским союзом племен, приходится согла-ситься с теорией об их «переселении» с запада на восто; а признавая связь адыго-кабардинцев с аланами, надо эт теорию считать абсолютно неверной.

По нашему мнению, признание адыго-кабардинцев пе-реселенцами на современной территории ставит исследова-телей истории этого народа в затруднительное положение заставляя их подыскивать недостоверные и шаткие аргу-менты для доказательства теории о «переселении» кабар-динцев с низовьев Кубани на восток.

Временем заселения кабардинцами современной терри-тории «Историей Кабарды» (М., 1957) устанавливаютс XIII—XV вв., а главной причиной их передвижения из об-ластей Западного Кавказа считается желание господст-вующей адыгской племенной верхушки «приобрести допо-нительные пастбищные и пахотные земли» в связи с росто феодальных отношений [134]. При этом авторы названно труда не приводят никаких данных, свидетельствующих том, что адыгская племенная верхушка к XIII—XV в (именно к этим векам, а не раньше или позже!) действи-тельно стала нуждаться в «дополнительных пастбищных пахотных землях», так как таких данных у авторов «Ист-рии Кабарды» не было и быть не могло.

Следует заметить, что раздел «Истории Кабарды», гд сказано о времени и причинах переселения предков каба-динцев с низовьев Кубани на нынешнюю территорию, бы написан в 1957 году кандидатом исторических нау Л. И. Лавровым. Но в предыдущем 1956 году, обобщив во существовавшие в науке гипотезы о месте первоначально обитания предков кабардинцев, Л. И. Лавров сам выдви-нул рабочую гипотезу, сформулировав ее следующим о разом:

«Так как известно, что адыги являются древнейшим на-селением Прикубанья, то местожительство кабардинцев д их переселения на восток нужно искать в Прикубанье. П-скольку кабардинский язык (особенно в его старом сло и родственный ему бесланеевский диалект имеют черт сходства (особенно в фонетике) с шапсугским диалекто адыгейского языка, **в порядке рабочей гипотезы можн**

---

[134] «История Кабарды», М., 1957, стр. 27—28.

предположить, что кабардинцы и бесланеевцы сперва обитали где-то по соседству с шапсугами, т. е. в низовьях р. Кубани» (подчеркнуто нами.— *А.К.*) [135].

Следовательно, то, что у Л. И. Лаврова в 1956 году являлось всего-навсего рабочей гипотезой, в следующем 1957 году было преобразовано в аксиому, в одну из незыблемых истин, хотя в этом вопросе оставалось много нерешенного и невыясненного, неаргументированного и поэтому спорного.

На самом деле: разве, исходя из данных одной только отрасли науки — языкознания, можно безапелляционно решать такую сложную и путаную задачу, как выяснение места первоначального обитания предков современных кабардинцев?

Разве не известно, что одна какая-либо отрасль науки характеризует любое явление или предмет с одной определенной стороны, односторонне, оставляя в тени другие стороны анализируемого явления?

В своей работе «О происхождении народов Северо-Западного Кавказа» Л. И. Лавров писал: «Откуда кабардинцы пришли на Центральный Кавказ,— сможет ответить **в первую очередь лингвистика** (подчеркнуто нами.— *А.К.*). В прошлом в кабардинском языке существовали общие элементы с шапсугским наречием адыгейского языка. Сошлюсь хотя бы на одинаковое присутствие в обоих *кI-г-к* вместо *чI-дж-ч*, обычных в других наречиях адыгейского языка. Родственные шапсугскому элементы существуют и в бесланеевском диалекте. Из этого можно заключить, что кабардинцы и бесланеевцы, т. е. самые восточные из современных адыге, когда-то жили по соседству с шапсугами, т. е. самыми западными из адыге. **Так как нет никаких оснований предполагать переселение шапсугов с востока на запад, то остается думать, что кабардинцы до своего переселения на восток проживали где-то в низовьях р. Кубани, рядом с шапсугами»** (подчеркнуто нами.— *А.К.*) [136].

Подчеркнутая мысль автора, к сожалению, звучит далеко не убедительно.

---

[135] *Л. И. Лавров.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Советская этнография», I, М., 1956, стр. 23.

[136] *Л. И. Лавров.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III, Нальчик. 1954, стр. 205—206.

Чтобы не прийти к таким неверным суждениям и ош бочным выводам при выяснении местопребывания пре ков нынешних кабардинцев, разумнее исходить не данных одной отрасли науки (языкознания), а из данны смежных или родственных отраслей наук (или же на использовать иные возможные пути поиска истины).

В «Истории Кабарды» сказано: «Разгром аланско объединения монголами позволил части адыгских племе занять около XIII—XV вв. обширные пастбищные и пахо ные земли в предгорьях Центрального Кавказа. Это пр вело к некоторому обособлению этих племен, часто наз ваемых в источниках черкасами или черкесами, от остал ных адыгов, к некоторым языковым отличия между ними, **а впоследствии, после смешения с остатка древнего населения** — к образованию отличного от остал ных адыгейцев * этнического типа, известного под н званием «кабардинского» [137].

На первый взгляд, приведенное суждение логичес убедительно. Но верно ли это положение с историческо точки зрения?

В этом суждении бросается в глаза противопоставл ние (без всяких на то оснований) кабардинцев остальны западным адыгским племенам. Авторы «Истории Каба ды», исходя из логических суждений, отрывают от западн адыгских племен определенную часть, искусственно пер селяют ее в XIII—XV вв. на восток «за пахотными и па бищными землями», смешивают «переселенцев» «с остатк ми древнего населения», оставшимися после разгрома Ал нии, и создают тем самым новый этнический тип — «каба динский».

Авторы «Истории Кабарды» противопоставляют только часть адыгов остальной их массе, но и северока казских алан — адыгским племенам, не допуская даже мысли, что в состав аланского союза племен могли вх дить одно или несколько адыгских племенных колен. Пр тивопоставление одной части адыгов (кабардинце остальной части (западным) есть следствие противопоста ления северокавказских алан адыгским племенам. Э концепция не является открытием авторов указанно

---

* Очевидно, авторы хотели сказать не «адыгейцев», а «адыг (См. «Историю Кабарды», М., 1957, стр. 22).

[137] «История Кабарды». М., 1957, стр. 27—28.

труда. Корни ее уходят к временам акад. В. Миллера, развившего до целостной теории аланское происхождение одного лишь осетинского народа [138]. Эта теория в наше время была развита учениками Миллера: проф. В. И. Абаевым [139], проф. Б. В. Скитским [140], З. Н. Ванеевым [141] и другими иранистами. Согласно этой теории, в средние века аланы-осетины занимали предкавказские степи от нынешней Северо-Осетинской АССР на запад вплоть до Эльбруса и верховьев Кубани [142].

На VII сессии Кабардинского научно-исследовательского института в 1954 году, при обсуждении макета книги «История Кабарды» археолог П. Г. Акритас, правда осторожно, но все же попытался обратить внимание участников сессии, что «одна версия о заселении кабардинцами их современной территории свидетельствует, что в состав аланского союза входили три кабардинских племени под названием **кабар** (подчеркнуто нами.— *А. К.*) и что они, выделившись из аланского союза, обособились на современной территории и дали ей свое имя» [143]. Но авторы «Истории Кабарды» не заметили, что ученые, изучавшие аланскую культуру, недостаточно исследовали связи алан с другими народами Северного Кавказа, сосредоточив главное свое внимание на алано-осетинских связях [144].

Следовательно, не надо было упускать из виду такую «мелочь» и сводить изложение истории кабардинского народа периода средневековья к одностороннему толкованию фактов *.

---

[138] *В. Ф. Миллер.* Осетинские этюды, ч. I—III, 1881—1887.

[139] *В. И. Абаев.* Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949.

[140] *Б. В. Скитский.* Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Изв. СОНИИ, т. XI, Дзауджикау, 1947.

[141] *З. Н. Ванеев.* Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

[142] Большая Советская энциклопедия, изд. 2, т. 31, стр. 279.

[143] «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III, Нальчик, 1954, стр. 229.

[144] «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, стр. 67.

* Разумеется, авторы «Истории Кабарды» знали, что аланская культура, занимавшая обширную территорию от верховьев Кубани до Дагестана и охватывавшая огромный промежуток времени с IV по XIV век, не могла быть единым целым. Но в период подготовки к изданию «Истории Кабарды» авторы ее не имели новейших данных науки, характеризующих аланскую культуру. См.: *В. А. Кузнецов.* Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии. Ученые записки Каб.-Балк. НИИ, XVI, Нальчик, 1959, стр. 149—172; его же: Аланские племена Северного Кавказа. Изд. АН СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 106, М., 1962.

Миграционные процессы среди адыгских племен могли быть[145], однако к выяснению первоначального местопребывания адыго-кабардинцев надо подходить не с позиции этой теории, а отрицая ее. Мы считаем, что предки современных кабардинцев не пришли сюда в XIII—XV вв., так как они никогда не покидали ту территорию, на которой проживают сейчас.

В дореволюционной буржуазной кавказоведческой литературе нашла свое отражение легенда об аравийско-египетском происхождении кабардинского народа и кабардинских князей.

«Родоначальником черкесских князей,— писал он [К. Сталь.— *А. К.*],— считается Инал-Кес. Откуда взялся этот Инал, предание говорит не ясно. Черкесы считают Инала происходящим от аравийских эмиров, но это мне кажется выдумкой новейших эфендиев, желавших дать начало черкесским князьям, принявшим магометанство. У Инала, первого черкесского князя, по преданиям было четыре сына: Темрюко, Беслан, Заноко и Капарт. Инал властвовал над черкесами нераздельно и при жизни раздал сыновьям в управление народы, которые от имени этих сыновей получили свои названия. Темиргоевцы получили название от Темрюка, бесланеевцы от Беслана, кабардинцы от Капарта...

Таким образом, все черкесские князья считаются происходящими от одного предка. Князь Болотоко, потомки Темрюко, владеют темиргоевцами. Потомки Капарта 1) Бек-Мурза, 2) Кайтука, 3) Мисост и 4) Атажук — владеют Большою Кабардою»[146].

Не входя в детальный разбор приведенной здесь легенды, заметим, что дух ее лег в основу первого раздела «Постановлений о сословиях в Кабарде», где сказано:

«Кабардинские князья произошли от Инала и сыновей его, между коими впоследствии совершен был фамильный раздел»[147]. *Но верно ли это положение?*

Наиболее полно легенда об аравийско-египетском происхождении княжеских династий Кабарды выражена

---

[145] *Л. И. Лавров.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. Указ. сб., стр. 196.

[146] Цитируем по книге С. К. Бушуева «*Из истории русско-кабардинских отношений*». Нальчик, 1956, стр. 23.

[147] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 179. (см.: Постановления о сословиях в Кабарде).

была в жалобе кабардинских князей, врученной в 1825 г. генерал-фельдмаршалу Дибичу. С. К. Бушуев в своей книге приводит часть этой жалобы, где сказано:

«Кабардинские князья и народ родом из Египта. Сначала Арапхан явился в Константинополь к Кесарю и, с позволения его, имели жительство около Крыма, на речке, называемой Кабарде. Потом князья со всем народом, не давая знать Кесарю, переправясь через море в гавань Кизильташ, где впадает в море р. Кубань, поселились на той речке и жили так 7 лет. Из них Инал за Кубанью помер. Происходящие от него князья Бесланеевцы и Темиргоевцы с подвластными остались за Кубанью, а прочие переселились сюда, составя Большую и Малую Кабарду (что было спустя после Магомета 150 лет, и по нашему исчислению составит переселение сего народа в Кабарду назад тому 1093 года), разделясь пополам» [148].

Но является ли достоверной эта историческая справка, приводимая в жалобе кабардинских князей?

По поводу египетского происхождения кабардинских князей, комментируя «Историю адыгейского народа» Ш. Ногмова, Б. А. Гарданов и Т. Х. Кумыков пишут:

«Египетская генеалогия» кабардинских князей — это не просто случайная легенда книжного происхождения. С разложением патриархально-родовых устоев и развитием феодальных отношений выделяется аристократия, феодальная знать, которая стремится возвыситься над массой соплеменников. Возникает необходимость идеологически объяснить свое превосходство. Все это приводит к появлению особой, отличной от общенародной и очень часто иноинациональной * родословной местной феодальной знати. Это — распространенное явление у всех народов» [149].

Соглашаясь только частично с приведенным мнением, мы вынуждены заметить, что Б. А. Гарданов и Т. Х. Кумыков в данном случае избрали путь «наименьшего сопротивления»: вместо того, чтобы легенду об аравийско

---

[148] *С. К. Бушуев.* Указ. соч., стр. 23—24; см. также: *М. Ковалевский.* Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 238—239.

* Очевидно, авторы хотели сказать «иноземной», т. к. вопрос нации, как таковой, в эпоху разложения патриархально-родовых отношений на повестке дня не стоит. Нация — категория историческая и связана со становлением буржуазных отношений. — *А. К.*

[149] *Б. А. Гарданов* и *Т. Х. Кумыков.* Примечания-комментарии к книге Ш. Ногмова «История адыгейского народа». Нальчик, 1951, стр. 208.

египетском происхождении кабардинских феодалов подвергнуть историческому анализу и, используя для этого имеющиеся письменные данные, в свете их комментировать некоторые положения Ш. Ногмова, они ограничились, к сожалению, подбором «исторической аналогии» и чисто абстрактно-теоретическим решением затронутого вопроса.

Но абстрактно-теоретическое, или другими словами чисто логическое, еще не есть историческое со своими зигзагами развития событий. Следовательно, надо на исторических фактах показать, в чем заключается несостоятельность версии аравийско-египетского происхождения кабардинцев; надо выяснить, почему могла появиться данная легенда, почему черкесы считают Инала потомком аравийских эмиров и в то же время родоначальником всех кабардинских феодалов и почему надо верить, что до Инала и при нем у адыго-черкесов других князей не было. Чем объяснить, что родословная кабардинских князей в источниках начинается с легендарного Инала? [150]. Кто же был этот Инал?

Если мы сумеем ответить на поставленные вопросы, то нетрудно будет убедиться в надуманности миграционной теории происхождения кабардинского народа. При этом необходимо иметь в виду, что поднимаемые здесь вопросы мало разработаны в советской кавказоведческой литературе, а наше изложение носит характер предварительного суммирования изученных источников, которым располагал автор, и поэтому он не претендует на всестороннее освещение многих вопросов.

Версия об аравийско-египетском происхождении кабардинских (черкесских) княжеских фамилий имеет весьма любопытную историю. Суть ее в следующем.

В 1281 г. египетский царь Калаунид купил целый корпус мамлюков [151] — 12 тысяч молодых черкесов, абазехов, мингрельцев [152]. Основатель династии разместил корпус в казарме, имевшей форму башни, отчего этих мамлюков и стали называть «бурджитами», т. е. «обитателями баш-

---

[150] «Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.», т. 1, М., 1957, стр. 383; см. также у С. К. Броневского генеалогию кабардинских (черкесских) князей в его сочинении «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», М., 1823.

[151] *Гельмольт*. История человечества. СПб, 1904, т. III, стр. 687 и др.

[152] *А. Б. Клот-Бей*. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Перевод с французского, ч. I, СПб, 1843, стр. XXXV.

ни»[153]. Обучив их военному искусству, он вскоре имел о личное войско. Но мамлюки-бурджиты спустя некоторо время низвергли своих властителей и выбрали себе султа нов из своей среды, пополняя ряды мамлюков тем же спо собом, каким был сформирован корпус первоначально[154]

27 перемен правления в течение 134 лет — таков преемство султанов во время господства мамлюков-бур джитов. Настоящие правители из их числа были, по боль шей части, и хорошими полководцами.

Линия бурджитов началась с султана Баркука (1382-1389 и 1390—1399), который сверг с престола Салиха Х джи (1381—1382), находившегося еще в младенческом во расте*. Весною 1389 г. войско Баркука было разбито во ставшими сирийскими наместниками Минташем и Иельб гой; они взяли Каир и снова возвели на престол юного К лаунида. Но уже в июне 1390 г. Баркук снова вступил Каир.

В 1422—1438 гг. султаном Египта был Бурсь-Бей. Е сыну (Эль-Азиз-Юсуф) наследовал Чакмак (1438—1453 Сын Чакмака — Осман через 41 день был свергнут **в поль эмира Инала (1453—1461).** В 1468—1496 гг. царствов Каит-Бей, самый великий из султанов-бурджито Сын его, Эн-Насир-Мухаммед был убит в 1498 г., а прави шие после него султаны Кансух**, Джынбулат и Туман с необыкновенной быстротой свергали друг друга. 1501 году на престол вступил 60-летний Эль-Гури (Ка сух Альгури, 1501—1516)***.

---

[153] *Гельмольт.* Указ. соч., там же.

[154] *А. Б. Клот-Бей.* Указ. соч., там же.

* Уже с времен Баркука пополнение мамлюков происходило исключительно путем покупки черкесских невольников. Благод тому, что сношения с Причерноморьем стали ослабевать, в число м люков начали принимать монголов, греков и османов.

** В своем кратком историческом очерке «Судьба мамлю Г. А. Бей-Мамиконян, ссылаясь на Деляпорта, пытается мимоход доказать, что султан черкесской династии в Египте Кансух э-з-За (1498—1500) был грузином, указывая, что «он не знал никакого д того языка, кроме грузинского» (см.: *Уиараго.* Мамлюк. Тбил 1960). А может быть, он владел свободно несколькими языками, предпочитал говорить на названном языке? К тому же является характерным для грузин имя Кансух (точнее Къансэхъу, а точнее Къанщауэгъур)?

*** В кабардинском (адыгском) устном народном творчестве дан лицо фигурирует под двумя именами: Альгери-Алджэрий и Кансэхъу Къанщауэгъур (от Альгури и Кансух).

В августе 1516 г. Кансух Альгури на равнине Мередж-Дабик, около Халеба (г. Алеппо в Сирии), встретился с турецким султаном, и произошла битва между мамлюками и турками. Во время этого сражения старый султан Кансух Альгури был убит. Турки под предводительством Селима I вошли в Дамаск. В Каире же был выбран султаном оставшийся там Туман-Бей (октябрь 1516 г.). На требование Селима I подчиниться и остаться в стране в качестве турецкого наместника Туман-Бей ответил казнью послов.

Большое войско турок-османов в середине декабря 1516 г. двинулось из Дамаска на Каир. В январе 1517 г. завязалась последняя битва мамлюков-бурджитов и турок-османов. Мамлюки у горы Маккатам, близ Каира, сражались с отчаянным мужеством, и их новый султан выказал себя достойным преемником ряда храбрых царей-воинов. Однако и этот день не выручил мамлюков. Кровопролитие под Каиром и в самом городе кончилось лишь через неделю. Туман-Бей с остатками своего войска отступил и бросился к Дельте. Говорят, что Селим I еще раз предлагал ему приличные условия сдачи, но напрасно. Мелкие стычки, в которых Туман-Бей еще не раз доказал свое личное мужество, вскоре сменились преследованием, и войско мамлюков совершенно растаяло. Туман-Бей, взятый в плен Селимом I, был казнен 13 апреля 1517 г. в воротах Зувейлэ[155] в Каире[156].

Из приведенной исторической справки можно сделать некоторые выводы.

Черкесский корпус до продажи египетскому султану был сформирован там, где проживали черкесы, абазехи и мингрельцы. Солдаты корпуса, выезжая в Египет, оставляли своих родных и соплеменников на родине. Следовательно, в момент совершения акта купли-продажи корпуса продавцы уже в 1281 г. проживали там, где они зафиксированы источниками. Но спрашивается: какой общественно-политический строй был в 1281 г. в Черкесии, если она оказалась в состоянии продать другой стране целый корпус солдат?

Некоторые видят в продаже Черкесией наемных войск не феодализм, «а скорее рабство», утверждая тем самым,

---

[155] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 110 (примечание Берже).

[156] *Гельмольт.* Указ. соч., стр. 690.

что в XIII веке в Черкесии господствовал рабовладел
ческий строй [157]. Эти исследователи должны бы знать, че
отличается одна общественно-экономическая формация
другой формации. Известно, что монополия феодалов
важнейшее средство производства — землю — создает эк
номическую зависимость крестьянина от феодала, ина
говоря, экономическое принуждение, без которого феодал
ное производство вообще было бы невозможно. В. И. Л
нин писал: «Если бы помещик не имел прямой власти на
личностью крестьянина, то он не мог бы заставить раб
тать на себя человека, наделенного землей и ведущего сво
хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономич
ское» принуждение, как говорит Маркс, характеризуя эт
хозяйственный режим... Формы и степени этого принужд
ния могут быть самые различные, начиная от крепостно
состояния и кончая сословной неполноправностью кресть
нина» [158].

Внеэкономическое принуждение как специфически
признак феодализма, следовательно, вытекает из наличия
крестьянина собственного хозяйства, из его некоторой о
носительной самостоятельности и полного нежелания раб
тать на помещика. При феодализме помещик формаль
не являлся полным собственником крестьянина. Здесь име
место прикрепление земледельцев к земле, их несвободно
неполноправное положение, при котором за феодало
сохранялось право продавать крестьян. Личная з
висимость крестьян от феодалов и внеэкономическое пр
нуждение составляют типичные черты феодального стро
Из сказанного понятно, что для продажи мамлюков Еги
ту необязательно было существование в Черкесии
XIII веке рабовладельческого строя.

Желая опровергнуть тот факт, что черкесские мамлюк
были в XIII веке проданы Египту в возмужалом возраст
те же исследователи пишут, что в неволю продавали
«дети и подростки, из которых затем уже готовились воин
(мамлюки.— *А. К.*), не знающие родины» [159]. Напомни
что не всегда имела место продажа мамлюков в детско
возрасте. Известно, что практика купли наемных вой
ближневосточными деспотическими правителями не все

---

[157] Газета «Кабардино-Балкарская правда», 21/VII 1962 г., с
статью О. Опрышко.

[158] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 159.

[159] Газета «Кабардино-Балкарская правда», 21/VII 1962 г., с
статью О. Опрышко.

да оправдывала надежды покупателей, так как такие войска, очутившись на чужбине, не забывали свою родину. Более того, а это главное, были случаи, когда такие войска (мамлюки) осуществляли дворцовые перевороты, беря власть в свои руки. В частности, именно так и поступили черкесские мамлюки, осуществив дворцовый переворот в Египте. Вот что пишет А. Б. Клот-Бей по поводу черкесских мамлюков в Египте: «*В истории нет примера аристократии, подобной мамлюкской. Аристократию эту создал* **очень необдуманно** один из преемников Саладина, имея целью составить для себя верное и грозное войско. С этим намерением он купил 12 тысяч молодых черкесов, абазехов, мингрельцев, обучил их военным экзерциициям и вскоре имел корпус самых неустрашимых и самых воинственных солдат в целой Азии.

Но эти рабы (мамлюки), не долго спустя после того, поняли, что могущество их властителей в их руках. Они низвергли их, выбрали себе султанов из своих товарищей и дополнили ряды свои **тем же способом, каким сами были сформированы. С детства переселенные, как рабы, в землю им чуждую, они не были привязаны к ней никакими патриотическими преданиями, никакими семейными узами, и смотрели на нее как на завоеванную область»** (подчеркнуто нами.— *А. К.*) [160].

Из этого сообщения вытекает следующее:

Во-первых, слова Клот-Бея «с детства переселенные» не следует понимать слишком буквально. Видимо, мамлюки к моменту формирования корпуса были в юношеском возрасте. Наследник Саладина не стал бы покупать детишек, не помнящих свою родину, так как в этом случае ему пришлось бы долго ждать, пока они подрастут, чтобы сделать из них солдат. Несомненно, он хотел иметь годные для немедленного обучения людские ресурсы.

Во-вторых, из приведенного сообщения вытекает, что эти мамлюки смотрели на Египет как на чуждую им страну, так как свою родину — Кавказ они помнили неплохо.

В-третьих, по оценке Б. А. Клот-Бея, поступок преемника Саладина был «очень необдуманным», так как покупатель не учел возраста этих мамлюков.

Возрастной фактор учли зато в более позднее время

---

[160] *А. Б. Клот-Бей.* Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Перевод с французского, ч. I, Санкт-Петербург, 1843, стр. XXXV.

турки-османы, которые мамлюков стали **обдуманно** пок пать в детском возрасте, но этого не учитывают в сво суждениях упомянутые исследователи. Таким образом, о щеизвестной является не только продажа в рабство дет и подростков, но и практика, когда этому периоду предш ствовала (исторически и логически) продажа невольник в зрелом возрасте.

Далее, солдаты корпуса, прибыв в Египет, приняли н вую религию —ислам, так как в это время сам Египет н *ходится под владычеством ислама*[161].

Черкесские мамлюки, находясь в Египте, имели постоя ные связи со своей родиной — Северным Кавказом. С этом свидетельствуют как языковые, так и археологич ские данные[162].

Более того, бывший эмир Египта Инал, завершив св правление в 1461 году, не вернулся в ряды мамлюков в число рядовых воинов, а возвратился на родину, в Че кесию, будучи довольно состоятельным и потому влиятел ным лицом. На этого-то Инала и должны были ссылать впоследствии кабардинские князья.

И наконец, черкесские мамлюки, будучи разгромле в Египте турками (1517), вернулись на родину. Возвраш *ние их из Египта (начало XVI в.) совпадает с периодо* который историческая наука считает временем окончател ного расселения кабардинцев на современной территори Следовательно, поводом для возникновения легенды аравийско-египетском происхождении кабардинских фе далов послужило возвращение черкесских мамлюков д мой — в Черкесию.

Легенда об аравийско-египетском происхождении к *бардинского народа и кабардинских феодалов* оставля лазейку для всевозможных неверных суждений и искаж ния истории адыгского народа, мешает считать кабарди ский (адыгский) народ местным, коренным в центральн части Северного Кавказа *.

---

[161] *Гельмольт.* История человечества, I, III, второе издан СПб, 1904, гл. IV. Египет, § 2, «Египет под владычеством ислама турецкого завоевания», стр. 668—690; *А. Б. Клот-Бей.* Египет в пр нем и нынешнем своем состоянии. Перевод с французского, ч Санкт-Петербург, 1843, стр. XXXIII.

[162] *А. К. Шагиров.* Очерки по сравнительной лексикологии ад ских языков. Нальчик, 1962, стр. 177 и далее; «История Северо-С тинской АССР», М., 1959, стр. 64.

* Теория «переселения» кабардинского народа не приводит ар ментов, способных закрыть эту лазейку: утверждая, что кабардин

Так, на VII сессии Кабардинского научно-исследовательского института археолог Е. П. Алексеева, возражая ученым, относившим проникновение в современную Кабарду кабардинцев к XI в., заявила, что это не подтверждается ни археологическими, ни письменными данными, ибо, по ее словам, в это время в Кабарде была классическая аланская культура без всякой примеси адыгских элементов. Кабардинские могильники появляются здесь лишь с XIV в. До XIV в. на современной территории Кабарды кабардинцев не было. Они обитали до этого где-то в низовьях Кубани, откуда переселились на пустовавшую после ухода алан землю [163].

Во-первых, совершенно правильно утверждение Е. П. Алексеевой, что до XIV в. на нынешней территории Кабардино-Балкарии существовала «классическая аланская культура», но это вовсе не доказывает, что в состав алан не могла входить какая-то определенная часть адыгских племен.

Во-вторых, совершенно правильно и утверждение Л. И. Лаврова, что «до X в. аланы занимали на Северном Кавказе крепкие политические позиции», но это вовсе не дает оснований считать «более правильным отнести продвижение кабардинцев до р. Этоки (т. е. с запада на восток.—*А. К.*) к X—XI вв.» [164], так как в состав алан, наряду с другими северокавказскими племенами, могли входить и адыгские племена. Известно, например, что «одно из подразделений убыхов (т. е. одно из адыгских племен. *А. К.*) называется «алан» [165].

Таким образом, существование на Северном Кавказе крепких политических позиций у алан еще ни о чем не говорит, а появление с XIV в. в центральной части Северного Кавказа «кабардинских могильников» или погребений «кабардинского типа» не должно ввести исследователей в заблуждение, так как примерно с этого периода эти могильники и погребения здесь и не могли не появить-

---

следует считать пришлым населением, она не дает исторических фактов относительно их прародины. Поэтому эта теория не уничтожает легенду об аравийско-египетском происхождении кабардинского народа и кабардинских феодалов, а сосуществует с ней.

[163] См. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III, Нальчик, 1954, стр. 229.

[164] *Л. И. Лавров.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Советская этнография», I, М., 1956, стр. 24.

[165] «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, стр. 83.

ся, о чем будет сказано ниже. Нельзя также говорить что на означенной территории до XIV в. «не было кабардинцев»[166] и что к XIV в. якобы эта территория была оставлена аланами, представляя из себя некий вакуум который и был заполнен частью адыгских племен, «будущими» кабардинцами[167], двигавшимися якобы с низовье р. Кубань.

Для уяснения затронутых вопросов вернемся к истории династии черкесских мамлюков в Египте.

Черкесские мамлюки, захватив власть в Египте путем дворцового переворота, сами проводили политику исламизации других народов[168]. В частности, возвращаясь домой (в Черкесию), бывшие эмиры Египта сами являлись наиболее верными проводниками ислама среди своих соплеменников. Ш. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа», например, пишет про Инала: «он имел удовольствие видеть, что им водворенное устройство (в Черкесии.— *А. К.*) начало упрочиваться». Укрепление власти Инала произошло не только путем пропаганды ислама. Инал применял и силу: некоторых «князей и их подданных» он вынужден был казнить, «добрых же ласкал и старался отличить», а «прочих принудил к присяге на верность и подданство»[169]. При этом, как пишет Ш. Ногмов, положение Инала усилилось, когда египетские переселенцы окончательно соединились с туземцами, приняв их веру и язык*. В этот период в Черкесии были и другие князья

---

[166] См. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III, Нальчик 1954, стр. 229.

[167] Указ. соч., стр. 229; «История Кабарды», М., 1957, стр. 27—28

[168] *Гельмольт*. История человечества, ч. III, § 2. «Египет под владычеством ислама до турецкого завоевания» и др.

[169] *Ш. Ногмов*. История адыгейского народа. Нальчик, 1958 стр. 112.

* Очевидно, ввиду длительного пребывания в Египте черкесских мамлюков они большей частью пользовались арабским языком, а, по возвращении на родину — Северный Кавказ, им ничего не оставалось как общаться со своими соплеменниками при помощи родного, адыгского языка. Что касается их веры, то это был ислам. Ш. Ногмов допускает явную ошибку, говоря, что египетские переселенцы приняли веру туземцев. Мы считаем бесспорным обратное явление.

По словам Ш. Ногмова, правление в Черкесии имело место до 1427 г. Однако Инал в Черкесии мог править только после 1427 г. (с 1453 по 1461 он был в Египте). Следовательно, в результате возвращения в Черкесию египетских переселенцев (черкесских мамлюков) усилиться могла, очевидно, роль ислама, а не положение и авторитет самого Инала. Более правдоподобным является, на наш взгляд, усиление положения почитателей ислама.

но они были иной веры — христианской. Более того, за 1008 лет до указанного периода здесь уже были князья Тауо (Дауо) и Пак. Можно сравнить две даты: 453 г. н. э. и 1461 г.

Принудительное внедрение ислама в среду своих соплеменников Инал проводил после 1461 года, т. е. вернувшись из Египта.

Но разве этот факт означает, что предшественники Инала, возвращаясь в Черкесию, бездействовали? Они, очевидно, тоже пытались внедрить ислам в среду адыгских племен, но не так успешно, как это делал Инал и его последователи. Насильственное внедрение ислама не могло не вызывать сопротивления со стороны тех, кто предпочитал ему свою древнюю религию. Но новая религия (ислам) *должна была найти и своих почитателей. И действительно,* уже в 1334 г. в окрестностях Бештау (Пятигорья) появляется соборная мечеть, а г. Маджары (на Куме) в XIV в. уже становится значительным религиозным центром мусульман Северного Кавказа. Один из мусульманских мавзолеев недалеко от г. Орджоникидзе имеет дату *808 г. хиджры, т. е. 1405/1406 гг. Кроме того, во второй половине* XIII в. по соседству с адыгами, в Золотой Орде, ислам был широко распространен [170]. Между прочим, черкесы были в войсках Тохтамыша в 1395 г. и среди жителей городов Золотой Орды. В 1334 г. в столице ханства — Сарай Берке существовал даже черкесский квартал [171].

Приведенные факты позволяют предположить, что среди восточной ветви адыгских племен ислам имел своих приверженцев еще с XIV в.

Необходимо иметь в виду, что хотя исламизация адыго-черкесов началась в первую очередь силами исключительно верхушечной части самих адыгов (князья и эфенди), внедрение и утверждение ислама среди этих племен происходило главным образом через турецко-крымских захватчиков и их сподручных, которые огнем и мечом предавали поруганию язык и культуру адыгов, пытаясь духовно и физически их поработить. Например, в 1545 г. крымский хан Сахиб-Гирей совершил грабительский поход на Кабарду. Подобный поход был повторен и в 1547 году. В 1552 г. Девлет-Гирей разорил кабардинцев, живших в районе

---

[170] *Л. И. Лавров.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. «Труды института этнографии», новая серия, I, М., 1959.

[171] «История Кабарды», М., 1957, стр. 29.

Пятигорья, за то, что они были связаны с Росси
Крымские ханы практиковали при этом массовый угон
селения в неволю [172]. В этом позорном деле не последн
роль играли и кабардинские (адыгские) феодалы-мусу
мане. Надо полагать, что феодалы предавали в руки кры
ских ханов, в порядке наказания, тех адыгов с их семьям
которые не желали признавать навязанной им новой ре
гии — ислама.

Начало систематическим грабительским походам тур
ко-крымских орд в восточную часть Черкесии — в Каб
ду было положено оттого, что туркам-османам че
крымских ханов * стало известно о брожении в наро
происходившем здесь на базе религиозной нетерпимос
в связи с принятием определенной частью населения ма
метанской религии. Эти беспорядки внутри адыгских (ч
кесских) племен нередко доходили до вооруженных сто
новений враждующих сторон. Об этом, например, сви
тельствует знаменитое Кызбурунское сражение адыгск
племен между собой, когда во имя ислама и христианст
адыги убивали друг друга. Неисчислимое множество л
дей погибло во время этого сражения из-за интересов сво
магометанских и христианских князей, которые сумели
своих корыстных целях натравить одно адыгское пле
на другое.

Кызбурунское сражение имело религиозную окрас
но в основе его (как и последующих столкновений) леж
ли экономические интересы господствующих классов
Здесь уместно вспомнить слова Ф. Энгельса, который
сал: «Великие исторические повороты *сопровождали*
переменами в религии лишь поскольку речь идет о трех
ныне существовавших мировых религиях: буддизме, хр
стианстве, исламе. Старые стихийно возникшие племенн
и национальные религии не имели пропагандистского
рактера и лишались всякой силы сопротивления, как тол
ко бывала сломлена независимость данных плем
или народов... Только по поводу этих, более или мен
искусственно возникших мировых религий, особенно по
воду христианства и ислама, можно сказать, что общ

---

[172] «История Кабарды», М., 1957, стр. 36, 43, 58—63 и т. д.

* Крымские ханы частью были выходцами из Черкесии. Это
ли, по-видимому, черкесы-магометане — наиболее оголтелые прот
ники христианства, которые появились, очевидно, в Крыму в XV

[173] «История Кабарды», М., 1957, стр. 56.

исторические движения принимают религиозную окраску»[174].

Дни Кызбурунского сражения адыгских племен явились для трудового народа большим трауром. Ш. Ногмов об этом сражении пишет: «Кровопролитие было ужасное, жители, покрытые пеплом, и весь народ во время сражения производили страшный крик и вопль, проливая ручьями слезы... Предание говорит, что на этом месте погибло с обеих сторон неисчислимое множество людей»[175].

В сохранившейся песне, посвященной Кызбурунскому сражению, есть такие слова: «Здесь пылает Багарсоков аул; там между войсками громко воют вышедшие из Хашанских аулов жители; на головах их, вместо шлемов, видны пасхальные формы(?)»[176].

Обратим внимание на вопросительный знак, взятый в скобки. Что это может означать? Этот знак поставлен и в том месте, где Ш. Ногмов излагает предание народа о Кызбурунском сражении и говорит о пасхальных формах[177].

Спрашивается: зачем на самом деле надо было жителям «из хашанских аулов» надевать на свои головы вместо шлемов «пасхальные формы»?

Дело, видимо, в том, что во время Кызбурунского сражения кабардинцы терпели поражение от западнокавказских адыгских племен, исповедовавших иную (немагометанскую) религию. А жители «хашанских аулов», входивших в зону распространения ислама — Кабарду, предпочли демонстрировать с помощью пасхальных форм свой отказ от ислама, непричастие к нему, ради того, чтобы спасти себя от возможной гибели от рук противников магометанства (ислама), западнокавказских адыгских племен.

Это «ужасное побоище,— как пишет Ш. Ногмов,— кончилось миром на следующих условиях: «чтобы князь *Идар поселился в Кабарде, где ему угодно* *. Кабардинцы же обязывались почитать его за старшего князя и во всем

---

[174] *Ф. Энгельс.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, 2 изд., стр. 294.

[175] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 123, 124.

[176] Там же, стр. 125, 126.

[177] Там же, стр. 124.

* Хотя в изложении Ногмова содержится противоречие (один раз он говорит, что дед Идара Эльджеруко Хамишев был князем бжедугов (стр. 119), другой раз — князем кяхов), нельзя сомневаться в том, что Идар до начала своего правления в Кабарде проживал в Черкесии.

ему повиноваться; противящихся же его воле решено было казнить». И далее: «По окончании переговоров и единогласного утверждения мирного трактата, войска разошлись по домам. Князь Идар вскоре после того прибыл в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась *Идарией*» [178].

Сообщение Ш. Ногмова об условиях мирного трактата и выполнении одного из его пунктов подтверждает следующий факт. В Черекском ущелье (долина р. Черек) между населенными пунктами Аушигер и Кашкатау (с. Советское) Советского района Кабардино-Балкарской АССР расположена местность, известная под названием «Идар-тюз», что в переводе с балкарского языка значит Идарова равнина (земля Идара) *.

Здесь уместно вспомнить, что в начале XVIII в. в Кабарде сложились две враждебные друг другу феодальные группировки, которые в русских источниках того времени именуются «партиями». Первая группировка феодалов получила название «баксанской», — владения ее членов находились в районе рек Баксана, Малки, Чегема. Представители второй группировки жили в районе рек Нальчик, Шалушка и горы Кашкатау, по названию которой вся «партия» стала именоваться «кашкатауской» [179]. Не является ли наличие этих группировок отражением не только экономических трений между отдельными членами общества тогдашней Кабарды, но и идеологических разногласий, которые вели свое начало с проникновения и принятия ислама частью адыго-черкесов через бывших египетских эмиров, египетских переселенцев (мамлюков и их семей) и турецко-крымских ханов?

Может быть, в русских источниках нашел отражение более поздний период, хотя возникновение этих партий относится еще к XIV—XV вв.?

Поскольку, в отличие от баксанской партии, кашкатауская придерживалась турецко-крымской ориентации, постольку, согласно мирному трактату, заключенному после Кызбурунского сражения, князь Идар должен был бы поселиться в той части Кабарды, где проживали адыги, больше тяготевшие к исламу,— в долине р. Черек.

---

[178] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа, Нальчик, 1958, стр. 124.

* Это сообщение нами получено от Ч. Э. Карданова.

[179] «История Кабарды», М., 1957, стр. 56.

Не случаен тот факт, что в 20-х годах XVIII в., как свидетельствуют устные предания, когда в Кабарду приехали турецкие и крымские послы, они остановились у Асланбека Кайтукина, главаря кашкатауской партии, но не у Бамата Кургокина — предводителя баксанской партии. То что Асланбек Кайтукин (кашкатауская партия) находил вооруженную поддержку у крымского хана, отмечено было уже литературой [180].

Между прочим, как говорит Ш. Ногмов, среди адыгских племен первоначально ислам почитался тремя племенами Он пишет: «Потомки египетских князей утвердились между кабардинцами, бесланеевцами и кемиргойцами, а прочие племена, у коих они не могли укорениться (укорениться могла только религия — ислам.— *А. К.*), сохранили древние обычаи в полной чистоте *. У них (т. е. у тех племен, которые не признали своей религией ислам.— *А. К.*) управляют старшины **, и если кто-нибудь совершит преступление, то по всенародному суду наказывается смертью... Для маловажных преступлений и измены есть другие, определенные обычаем (но не религией, не исламом.— *А. К.*) наказания» [181].

Но принятие ислама определенной частью адыгских племен повлекло за собой изменение обрядов захоронения на той территории, где проживали адыги, принявшие ислам, т. е. на территории современной Кабардино-Балкарии При этом необязательно думать, что все тогдашнее мусульманское население Кабарды придерживалось религии одного толка. Часть адыгов, например, могла иметь религию ислам суннитского [182] или другого направления. Появление с XIV в. «кабардинских могильников» или погребений «кабардинского типа» на территории нынешней Кабардино-Балкарии вовсе не может

---

[180] *Ш. Ногмов.* Указ. соч., см. Примечания-комментарии Б. А. Гарданова и Т. Х. Кумыкова, стр. 216—217.

* Речь может идти только о том периоде, который предшествовал повсеместному утверждению ислама во всей Черкесии.

** Здесь Ш. Ногмов идеализирует общественный строй адыгов-черкесов, говоря, что у некоторой части адыгов, не принявших ислам, были якобы старшины. Известно, что феодальные отношения у черкесов зародились еще в раннем средневековье. См. *Л. И. Лавров* Адыги в раннем средневековье.

[181] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958 стр. 132.

[182] *Е. Шиллинг.* Черкесы. Общие замечания о религии черкесов «Религиозные верования народов СССР», II, М, 1931, стр. 42.

означать и не означает прихода в эту местность нового народа взамен прежнего, древнего населения: произошла «просто» смена обрядов захоронения у аборигенного населения, которая и отражает появление здесь новой мусульманской религии. И если, как утверждают отдельные исследователи, в погребениях «кабардинского типа» не обнаруживаются или нет элементов мусульманства, а имеются многочисленные элементы христианства [183], то усилиями специалистов разных отраслей наук необходимо выяснить, как происходило скрещение, слияние догм разных религий — язычества, христианства и мусульманства — на конкретно-историческом материале применительно к тогдашнему составу населения территории современной Кабардино-Балкарии.

Таким образом, кабардинские феодалы, находясь в близких родственных отношениях с египетской эмирской династией, выдвинувшейся из среды мамлюков-черкесов, и будучи уже подвергнуты исламизации, в силу классовой солидарности должны были стремиться к упрочению своего господства с помощью ислама. Адыгская феодальная верхушка сделала ислам своим идейным оружием, чтобы, проповедуя его, держать трудящиеся массы в повиновении. При этих условиях кабардинская аристократия, естественно, должна была тяготеть к исламистской Турции, тогда как кабардинский народ искал возможности сохранения давних связей с русским народом, что нашло свое выражение в добровольном присоединении Кабарды к России.

Как пишет Л. И. Лавров, «в исторических документах термин «кабардинцы», применительно к достоверным предкам этого народа, впервые встречается в середине XV века в сочинении Иосафата Барбаро. Этот автор говорит, что народ «кевертей» (Chevertei) обитает на Северном Кавказе «между темиргоевцами (Sobai) и осетинами» [184].

Во-первых, разве археологические данные не подтверждают приведенное сообщение? [185].

Во-вторых, разве из этого же сообщения Барбаро вытекает, что осетины жили в середине XV в. западнее кабардинцев?

---

[183] Газета «Кабардино-Балкарская правда», за 21/VII 1962 г., см. статью О. Опрышко.

[184] *Л. И. Лавров.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Советская этнография», I, М, 1956, стр. 19.

[185] «История Кабарды», М., 1957, стр. 28.

В-третьих, разве есть исторические данные, свидетельствующие, что темиргоевцы проживали в тот период (или вообще когда-либо) восточнее кабардинцев?

И последнее, разве и кабардинцы и темиргоевцы не являются адыгами? Раз они являются адыгами, то почему та часть адыгов, которая находилась между темиргоевцами и осетинами, стала называться кабардинцами, а не другим каким-либо именем?

Нет никаких оснований утверждать, что понятие «Кабарда» здесь появилось раньше, чем носители этого понятия — адыги, т. е. сами кабардинцы.

Народные предания производят этот термин от имени феодала Кабáрды Тамбиева[186]. Но имя этого феодала ни в одном из источников средневековья не фигурирует. Если даже согласиться, что Кабáрда Тамбиев существовал как историческое лицо, то возникает вполне законный вопрос: почему надо считать, что термин «Кабарда» произошел от его имени? А почему нельзя полагать, что задолго до Тамбиева у адыго-черкесов бытовал термин «Кабарда»? Кто же раньше появился на территории нынешней Кабардино-Балкарской АССР — адыго-кабардинцы или неизвестный истории князь Кабарда Тамбиев?

В науке существуют разные мнения о происхождении термина «къэбэрдей». Как пишет *Л. И. Лавров*, «некоторые исследователи пытались объяснить его при помощи грузинского языка, где этот термин означает «в сторону», и при помощи чеченских слов, переводимых как «береговая полоса»[187].

Нельзя также считать, что в основе названия «къэбэрдей» лежат древние этнические термины «сармат» и «киммер», как это полагал акад. Н. Марр. Совершенно неубедительно и мнение Л. М. Меликсет-Бекова, который стремится найти что-то общее между терминами «Кабарда», «Теберда» и географическим названием в Закавказье «Алаверды»[188].

Надуманность и отсутствие исторических условий, при которых адыги смогли бы называть себя словом «кабар-

---

[186] «История Кабарды», 1957, стр. 28; *Л. И. Лавров*. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Советская этнография», I, М., 1956.

[187] Цитируем по работе Л. И. Лаврова «Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории». «Советская этнография», I, М., 1956, стр. 19.

[188] *Л. И. Лавров*. Указ. соч., стр. 20.

дин» или «къэбэрдей», заставляет отказаться от приведенных мнений,— пишет Л. И. Лавров.

Мы разделяем взгляд Л. И. Лаврова и считаем, что для появления этого термина должны были бы иметься определенные исторические условия. Появление термина «къэбэрдей», по нашему мнению, надо связывать с определенными историческими условиями — с периодом исламизации восточной ветви адыгских племен, так как «нет основания, что оно (т. е. слово «къэбэрдей». — *А. К.*) появилось раньше XII—XIV вв.» [189].

Во-первых, нельзя не согласиться с Л. И. Лавровым, когда он пишет, что **термин «Къэбэрдей» как этническое имя мог появиться лишь тогда, когда на Северном Кавказе крупную роль играли тюркоязычные народы** (подчеркнуто нами.— *А. К.*) [190].

На самом деле: какую религию исповедовали к XV веку тюркоязычные племена Северного Кавказа? Центром какой религиозной пропаганды в XIV веке стал г. Маджары (на Куме)? Почему в 1334 г. появилась соборная мечеть в районе Бештау (Пятигорье)?

Какую религию насильственно внедрял «легендарный» Инал в среду своих соплеменников?

Разве сообщения Иосафата Барбаро о том, что народ «кевертей» в середине XV в. проживал на Северном Кавказе между темиргоевцами и осетинами, не совпадает во времени с периодом, когда Инал внедрял ислам в Черкесии (вторая половина XV в.)? Разве приблизительно к этому периоду не относится и время возвращения в Черкесию египетских переселенцев (бывших египетских мамлюков)?

Почему Инал считается родоначальником **кабардинских** князей? Не оттого ли, что наиболее активно внедрял ислам? Интересы каких религий столкнулись во время злополучного Кызбурунского сражения адыгских племен между собой? Какую религию и чью религию исповедовали и пропагандировали те адыги, которые, совершив паломничество (хадж) в Мекку, возвращались в Черкесию? Кабардинцы место паломничества (хадж) мусульман называют «кааба» («священный» камень в Аравии), а религия — «дин». При этом спрашивается: разве термины «кааба» и «дин» противоречат друг другу? Разве для соединения двух слов («кааба» и «дин» с помощью

---

[189] *Л. И. Лавров.* Указ. соч., стр. 21.
[190] Там же.

соединительного звука «р») Кызбурунское сражение не сыграло определенную роль?

По своему значению эти два термина должны были затрагивать общественные интересы адыгских племен, через общественное преломление этих интересов в головах как поборников, так и противников ислама из названных двух слов должно было образоваться сложное слово «кабардин» — «кааба-р-дин».

Вероятность происхождения этого термина от этих слов можно допустить, если иметь в виду, что в русских архивах встречается много челобитий кабардинских князей и узденей русским царям и воеводам; они написаны или по-русски русскими подьячими, или по-татарски. В этих документах указания на **«местные термины социального значения переданы или в русифицированной транскрипции, или в переводе на русский язык, следовательно в русской интерпретации»** (подчеркнуто нами.— *А. К.*) [191].

Следовательно, слово «кабардин» в челобитиях, написанных по-татарски, при переводе на русский язык могло быть передано в русифицированной транскрипции.

Адыги имели связи не только с Россией, но и с многими другими народами. Если при этих условиях мы признаем явления в данном случае адыгского и русского языков, то предки современных кабардинцев русскими источниками XV—XVI вв. должны были называться термином «кабардин», выделяя тем самым их из остальной адыго-черкесской этнической группы для определения (очерчивания) границ местожительства тех адыгов, которые сделали своей религией ислам.

Таким образом, племя или часть адыгского народа, от имени которого писались челобития русским царям и воеводам, в источниках того периода должны, по нашему мнению, фигурировать в следующем виде: «народ кабардин». То же самое, по-видимому, надо сказать о культурных связях адыгов с другими народами. Но в этом случае для возникновения термина «кабардин» должны были иметься налицо другие исторические условия: северокавказские и предкавказские народы в рассматриваемый период (т. е. до XIV в.) должны были быть язычниками, тогда как часть адыгов должна была уже исповедовать ис-

---

[191] *Е. Н. Кушева.* Социально-экономические и политические отношения в Кабарде в XVI—XVII вв. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. V, Нальчик, 1956, стр. 98.

лам — религию каабы *. Другими словами, до принятия религии каабы — ислама этими народами часть адыгских племен задолго до XIII—XV вв. должна была иметь связи с родиной ислама — Аравией.

При этих условиях среди северокавказских и предкавказских племен предки нынешних кабардинцев должны были быть известны под названием «кабары» (по почитаемой ими религии — религии «каабы»). Таким образом, можно предположить, что древние адыги рано сумели познакомиться с религией каабы — исламом. По нашему мнению, термин «Къэбэрдей» первоначально возник как религиозное понятие — «кааба-р-дин», но вскоре превратился в географическое, территориальное название **.

Некоторые исследователи говорят, что если судить по названию, то словом «кабардин» мы делаем кабардинцев «самыми ярыми приверженцами мусульманства, хотя исторические факты совершенно опровергают это. «Достаточно вспомнить,— говорят они,— весьма сдержанное отношение кабардинцев к исламистскому движению Шамиля» [192].

Но термин «Кабарда» выражает только географическое, территориальное («местностное») название, и он не говорит нам об этнической и языковой принадлежности

---

* «Черный, с неба упавший, камень... метеорит, служил издревле в Мекке предметом почитания. Окинутый священным шатром или окруженный стенами дома, он составлял под названием Каабы величайшую святыню для всех арабов, и к этой «святыне» уже издревле отовсюду стекались поклонники. Теперь этот камень вставлен в мекк*ской мечети. «Кааба» — значит именно дом или жилище». (См.: «Всеобщая история» в четырех томах Оскара Иегера, т. II, СПб, 1894, стр. 145). Но что означает «къубэ» — куба? Как пишет Ш. Ногмов, Инал скончался, находясь в районе р. Бзыбь, «смертью праведника». Тело его похоронено и «могила его, известная до сих пор, носит название Инал-Кубе, т.е. «Иналова могила» (по-абазински). (Указ. соч., стр. 113). В районе Северной Осетии есть село Кобан, по имени которого названа особая культура, «кобанская». Слова «кубе», «кобан» и «каабе» не являются ли однозначными?

** Подобно тому, как имя «Пак» и слово «сын» (или «сан» — святой), слившись в одно выражение Паксын — Паксан — Баксан, закрепились за нынешней рекой Баксан (в прошлом р. Алтуд), так, по нашему мнению, и слова «кааба» и «дин», слившись в одно выражение, могли закрепиться за той местностью, где проживала часть адыгов, которая признала своей религией ислам. Вспомним здесь слова Ш. Ногмова, который писал, что в преданиях адыгского народа сохранились «названия, напоминающие или имена действующих лиц, или подробности самого события» (см. *Ш. Ногмов*. Указ. соч., стр. 63).

[192] Газета «Кабардино-Балкарская правда», 21/VII 1962 г., см. статью О. Опрышко.

населения, проживавшего на территории современной Кабардино-Балкарии.

Кроме того, данный термин в рассматриваемый период и позже не выражал и не отражал (как не выражает и не отражает и сейчас) состав населения тогдашней Кабарды. Поэтому ярыми приверженцами мусульманства в рассматриваемый период и позже были не все адыго-кабардинцы, а только привилегированная верхушечная часть (князья, уорки, эфенди и их сподручные), но не трудящиеся массы. Поэтому термином «кабардин» (Кабарда) нельзя смешивать интересы и ориентацию двух основных противоположных классов феодальной Кабарды.

Что касается того, что кабардинцы весьма сдержанно отнеслись к исламистскому движению Шамиля, то это вовсе не может означать, что господствующие классы Кабарды в своем большинстве не тяготели к исламу. И если кабардинские феодалы не примкнули к движению Шамиля, то это произошло, скорей всего, вопреки их желанию, как следствие зависимости этих феодалов от голоса и силы настоящего вершителя истории — трудящегося кабардинского народа. При этом разве можно забывать, что за 300 лет до начала движения Шамиля (XIX в.) кабардинский народ продемонстрировал свое отношение к мусульманству, присоединившись добровольно не к исламистской Турции, а к России (1557 г.).

Далее, почему же только часть адыгов назвалась кабардинцами, если **«почти на всем Северном Кавказе тогда** (подчеркнуто нами.— *А. К.*) уже утвердилось мусульманство и, значит, весь Северный Кавказ... мог называться «Кабардой»,— говорят эти же исследователи [193].

Необходимо обратить внимание на неправильную и схоластическую формулировку данного вопроса, так как нельзя *посредством слова «тогда» время «легендарного»* Инала (середина XV в.) смешивать с периодом окончательного утверждения ислама во всей Черкесии (XVIII в.) [194]. Разница во времени 300 лет! Надо, очевидно, рассуждать иначе. Термин «кабардин» в территориальное, географическое название мог превратиться только после того, как ислам приняли все адыги Северного Кавказа. Не случай-

---

[193] Газета «Кабардино-Балкарская правда», 21/VII 1962 г.

[194] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, стр. 91; *Е. Шиллинг.* Народы Кавказа. «Религиозные верования народов СССР», т. II, М.—Л., 1931, стр. 42.

но кабардинцы называют себя адыгами, выражая тем самым, что они относят себя к одной этнической группе — к адыгам в подлинном смысле слова.

Если бы это не было так, то термин «Къэбэрдей» выражал бы языковую, этническую принадлежность носителей этого понятия к общей адыго-черкесской этнической группе, а не *означал бы территориальное, географическое понятие*. Стало быть, мы не считаем возможным разложить нерусское слово «дин» (религия) на звук «д» и русский суффикс «ин», по аналогии со словами «грузин», «осетин» * и т. д. Во всяком случае, как это ни странно, в слове «кабардин», происхождение которого не установлено и неизвестно, исследователи находят и выделяют окончание (суффикс «ин»), которое подчиняется соответствующему правилу русского языка, а остальную, начальную часть («кабард») объявляют корнем или основой неизвестного слова!

В науке,— говорит Л. И. Лавров,— «широкое распространение имеет гипотеза, согласно которой кабардинцы происходят от народа «кабары», жившего на территории Хазарского каганата.

Кроме созвучия имен «кабары» и «кабардинцы», никаких других аргументов в пользу этой гипотезы нет... Сторонники кабарской гипотезы, опираясь на одно лишь внешнее сходство этнических названий, даже не попытались объяснить, почему в слове «Къэбэрдей» появился звук «д», отсутствующий в названии кабаров. Без объяснения причин усложнения корня в производном слове указанная теория лишается и лингвистической правдоподобности» [195].

По нашему мнению, для усложнения термина «кабар» звуком «д» слово «кабардин», возникшее первоначально как религиозное понятие, должно было превратиться в *географическое, местностное название через стяжение* звуков «а» (в слове «кааба»), путем выпадения сочета-

---

* Происхождение термина «осетин», насколько нам известно, еще не установлено наукой. По нашему мнению, этот термин возник почти так же, как возник термин «кабардин». Термин «осетин» состоит из двух слов — «ос» и «тин» и соединительного звука «е» и перевести дословно его можно так: «религия (тин-дин) осов». Что народы Северного Кавказа (правда, не все) в средневековье были известны под названием осов, общеизвестно. (См. «Историю Сев.-Осет. АССР», М., 1959).

[195] *Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими* нынешней территории. «Советская этнография», 1, М., 1956, стр. 19—20.

ння «ин» (в слове «кабардин») и появления вместо него суффикса принадлежности «ей» (в слове «къэбэрдей»). Таким образом, звук «д» появился здесь не случайно. Этот звук показывает, что исходным словом, от которого произошло слово «къэбэрдей», был термин «кабардин».

При этом нельзя забывать, что в период средневековья, ввиду отсутствия у тогдашнего населения Предкавказья и Кавказа административного деления (в теперешнем понимании территориальных границ народов), это деление между народами и племенами могло осуществляться на основе исповедуемой ими религии. Кроме того, появление любого нового слова с неизбежностью происходило в соответствии с потребностями развития общества, а эти потребности общества, как известно, были разнообразны. Стало быть, и слова должны не только выражать разнообразные потребности общества, но и пути своего возникновения с учетом племенных и исторических особенностей. Следовательно, при анализе тех или иных слов, принадлежащих одной нации, нельзя применять законы словообразования другой нации.

В качестве рабочей гипотезы мы изложили наше понимание происхождения термина «къэбэрдей». Дальнейшие поиски, очевидно, дадут возможность все же установить истину.

Изданная в 1957 г. «История Кабарды» представляет собой первый обобщающий труд наших историков по истории кабардинского народа [196]. Но нельзя сказать, что в «Историю Кабарды» с течением времени не могут быть внесены изменения и дополнения. На самом деле: разве то, что зафиксировано в «Истории Кабарды», не отражает ту ступеньку познания истины, которая была достигнута к 1957 году кавказоведами? Разве к 1957 году наука располагала более достоверными данными, чем сейчас? Разве через 5—10 лет наука не будет иметь в своем распоряжении более точных данных по средневековой истории кабардинского народа, чем те, которые у нее в наличии сегодня? В. И. Ленин писал, что «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является

---

[196] Газета «Кабардино-Балкарская правда», 21/VII 1962 г., см. статью О. Опрышко.

знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[197].

Понятно, что отдельные положения «Истории Кабарды», которые являлись верными, когда она издавалась, теперь могут оказаться абсолютно неверными. И действительно, как это показано было выше, некоторые положения «Истории Кабарды», касающиеся средневековой истории, по нашему мнению, нуждаются в пересмотре, поправках или дополнениях, так как они к настоящему моменту уже устарели. Однако под вывеской защиты престижа коллектива исследователей, подготовивших и издавших этот труд, делаются попытки оградить от критики как раз те положения в указанном труде, которые наименее убедительны. При этом эти «защитники» в лучшем случае сводят свою роль к комментированию (порою с ошибками!) давно установленных истин или же к их повторению. Чтобы не быть голословным, помимо вышеотмеченного, сошлемся на следующий факт: временем расселения кабардинцев «Историей Кабарды» устанавливаются XIII—XIV вв. Защищая это положение, говорят, что нельзя подвергать сомнению такое заключение коллектива историков, так как это «уже решенный вопрос»[198]. Но такое требование равнозначно отстаиванию монополии и диктатуры отдельных лиц или коллектива лиц в науке, что противоречит марксистскому взгляду на развитие науки и ленинской теории познания.

XX съезд КПСС подверг детальному рассмотрению состояние общественных наук. Догматизм, начетничество, толмудизм, недостаток творческой самостоятельной мысли были решительно осуждены. Работники общественных наук получили ясную программу действий. В подавляющем большинстве работники всех отраслей общественных наук ответили на критику недостатков их деятельности тем, что добросовестно взялись за исправление этих недостатков. И результаты, притом немалые, уже ясно вырисовываются.

XXI и XXII съезды КПСС, постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1960 года еще и еще раз напоминают работникам общественных наук о необхо-

---

[197] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 91.
[198] См. газету «Кабардино-Балкарская правда», 21/VII 1962 г.

димости творческого изучения общественной жизни, дальнейшего развития марксистско-ленинской теории и отечественной исторической науки.

Наука не может двигаться вперед, если она не будет опираться на уже достигнутые результаты. Развитие науки и состоит в том, что наличные знания непрерывно обогащаются новыми исследованиями, которые опираются на ранее добытое, а нередко и опрокидывают то, что недавно еще казалось незыблемой истиной, хотя оно и отражало лишь определенную ступеньку познания истины, либо основывалось на шатком фундаменте недостоверных или неправильно истолкованных фактов.

Было бы нелепо требовать, чтобы каждый исторический труд от первой до последней строки представлял новое слово в науке. Но если это труд научный, исследовательский, то автор может и должен, опираясь на труды своих предшественников, внести в науку что-то новое.

ТОЛКОВАНИЕ ОБЩЕАДЫГСКОГО СКАЗА О ПРИКОВАННОМ К СКАЛЕ БОГОБОРЦЕ

(В связи с изучением этоко-зеленчукских памятников)

Известно, что мифы и легенды многих кавказских народов перекликаются с преданиями Древней Греции. В частности, миф о прикованном к скале богоборце (Прометее) бытует у грузин, армян, осетин, абхазцев, кабардинцев, адыгейцев и черкесов. У грузин и осетин этот богоборец именуется Амираном, у армян — Шидаром, у абхазцев — Абрскилом, у кабардинцев, адыгейцев и черкесов — Насреном.

Крупнейший знаток кавказских мифов и легенд проф. В. И. Абаев пишет, что «героический эпос занимает среди фольклорных жанров особое место, ибо больше, чем любой другой жанр, эпос связан с историческими судьбами народов и в нем ярче, чем в любом другом жанре, выражается самосознание народа... Содержанием героического эпоса является всегда борьба, имеющая не личное, а общественное... значение. В борьбе выковываются герои, и естественно, что всякий героический эпос есть своего рода кодекс героизма, как он вырабатывался у народа в процессе его реальной исторической борьбы с враждебными си-

лами, силами природы и общества»[199]. Следовательно, *миф, как определенная форма сознания, вырастает из определенных исторических условий.*

Обратимся к общеадыгскому варианту мифа о прикованном к скале богоборце «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы». Согласно этому сказанию, «бог зла Пако, похитивший у нартов огонь, приковывает к скале Ошхамахо (Эльбрус.— *А. К.*) нартского старца Насрена Длиннобородого, дерзнувшего вступить в единоборство с самим богом. Насрен Длиннобородый — старейшина нартского рода. Он величав, мудр и справедлив, его советами дорожит Хаса (сход) нартов. Желая освободить своего предводителя, плененного богом Пако, нарты выступают в поход, но могучий орел, который клюет сердце Насрена, закрывает своими гигантскими крыльями солнце и во тьме, по одиночке выхватывая нартских воинов, побеждает нартское войско. О постигшем страну нартов несчастье узнает доблестный витязь Батараз. Он отправляется к богу Пако, чтобы спасти самого старого человека земли. Происходит сражение между могучим орлом и Батаразом. В схватке с орлом Батараз копьем пробивает щель в крыле орла, куда и хлынули солнечные лучи, осветившие Батараза. Батараз уничтожает орла и возвращает стране нартов мудрого старца вместе с вечно неугасающим огнем»[200].

Вспомним теперь, что этоко-зеленчукские надписи упоминают имена действующих лиц общеадыгского мифа — Пако и Батараз, которым и были посвящены соответствующие памятники.

Но этоко-зеленчукские памятники мы датируем V веком н. э., тогда как сказание о прикованном к скале богоборце Насрене приходится датировать, подобно греческому мифу о Прометее, IX—VIII вв. до н. э. Отсюда ясно, что личности, существовавшие реально в V в. н. э., не могут принимать участия в событиях, имевших место до нашей эры.

Но как Пако и Батараз оказались действующими персонажами эпоса, корни которого уходят в глубь веков (т. е. старше самих действующих лиц примерно на

---

[199] «Нарты. Сборник докладов» (доклад проф. В. И. Абаева: Проблемы нартского эпоса). Орджоникидзе, 1957.

[200] «Нарты. Кабардинский эпос». М., 1951, стр. 11.

1100—1200 лет)? Непонятно также и следующее: согласно тексту этоко-зеленчукских надписей, Пак является народным героем — витязем, тогда как сказание приписывает ему недобрую славу — он бог зла.

Во-первых, народная память, по-видимому, не смогла сохранить имена тех лиц, которые фактически являлись действующими лицами сказания (эпоса) с момента его возникновения, и поэтому джэгуакIуэ (джегуако — певец) ввел в сюжет известные ему по другим сказаниям имена (Пак и Патрос) живших не в VIII—IX вв. до нашей эры, а в более позднее время — в V в. нашей эры.

Во-вторых, если Пак из народного героя (повесть о Баксане, сыне Дауове) превратился в бога зла («Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы» и «Как Уазырмес спас нартов от голода»), то наделение Пако недоброй славой произошло оттого, что сказитель по своему социальному положению принадлежал не к тому сословию, из среды которого вышел Пако *.

Во всяком случае, события в эпосе развиваются по воле и усмотрению сказителя, и нетрудно догадаться, от имени какого класса идет сказание. В самом деле, если взять древнегреческих писателей Гесиода (VIII—VII в. до н. э.) и Эсхила (VI в. до н. э.), то один и тот же миф о Прометее в их устах звучит по-разному **, и это не случайно. По Эсхилу, похищенный Прометеем огонь принес людям счастье. По Гесиоду получается, что кража огня Прометеем явилась для людей скорее источником бедствий, чем благодеянием, «...и в его (Гесиода) представлении, добытый с небес огонь не только не сумел приостановить прогрессирующее ухудшение и вырождение человечества, но явился как бы ускорителем этого процесса. Наказание Прометея Зевсом воспринимается Гесиодом как акт справедливости» [201].

Из сопоставления взглядов Эсхила и Гесиода ясно, что многое зависит от сказителя — чьи интересы он отражает. Так и с Пако. К поступкам этого героя (песня о Баксане,

---

* В V в. н. э. Пако мог быть героем в глазах имущего класса, а в глазах трудового народа — тираном.

** Эсхил принадлежал по происхождению к аттической знати (эвпатридам), а Гесиод — к мелким землевладельцам.— *А. К.*

[201] *В. Ярхо.* Эсхил. М., 1958, стр. 225, 226.

сыне Дауове) различные слои общества относятся по-разному *.

Если обратиться к греческому варианту мифа о Прометее и вдуматься в его содержание, то становится очевидным, что похищен был не огонь как огонь, а огонь как продукт. Например, в поэме «Труды и дни», где также излагается легенда о Прометее и Пандоре, ей предшествуют следующие строки:

«Но далеко Громовержец **источники пищи запрятал** в гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный».

Автор книги «Эсхил» В. Ярхо пишет, что похищение огня Прометеем повлекло за собой гнев Зевса, и «Зевс не только **скрыл от них** (людей.— *А. К.*) **источники пищи**», но еще наслал на род человеческий Пандору, «принесшую с собой лихие беды» [202].

Обратимся к общеадыгскому варианту сказания о прикованном к скале богоборце — Насрене Длиннобородом и рассмотрим его более подробно.

Когда старейшина рода Насрен стал подходить к похитителю огня богу зла Пако, последний говорит:

«Вернись, говорю, не подходи, народ религию покинул (оставил). На мое божье лицо с презрением вы смотрите (относитесь)» **.

Уходи отсюда, витязь неразумный,
Головы безумной я не пощажу!
Обо мне вы, нарты жалкие, забыли,
Обделили бога на земном пиру!
На столах трехногих в праздник Урожая,
Чашу поднимая, пьете без меня;
Соберете просо в изобильном поле, —
Не даете доли богу своему.
С битвы вы идете ратью величавой,
А со мною славой делится ли кто?
Вы на Гору Счастья ищете дорогу,
Верно, против бога жаждете восстать? [203]

---

* Надо иметь в виду, что исторические факты различных времен могут преподноситься сказителем как события одного периода. Достаточно здесь вспомнить сказ о Владимире Красном Солнышке, в котором разновременные факты отражены как одно событие.

[202] *В. Ярхо.* Эсхил. М., 1958, стр. 225, 226.

** Данные две строки переданы в нашем переводе с кабардинского текста. — *А. К.*

[203] «Нарты. Кабардинский эпос». М., 1957. Сказ о том, как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы.

После этих слов бог зла Пако приковывает к скале посланца нартов Насрена Длиннобородого *.

Каждый поймет из приведенных слов, что произошел конфликт: бог зла Пако негодует потому, что ему не дают дани.

Согласно другому сказу — «Как Уазырмес спас нартов от голода» бог зла берет с населения даже «последние крохи» в качестве дани.

Не случайно, вызывая на поединок всесильного бога Пако, Батараз бросает ему в лицо:

Эй, ты, званье божье осрамивший бог!
Что ты там в ущелье прячешься трусливо?
Спрятаться не диво,— выходи на бой.
Я посланец нартов, я их избавитель,
От тебя, губитель, я спасу людей [204].

Но спрашивается, кто мог осрамить божье звание? Видимо, тот, кто был облечен этим званием.

До настоящего времени у кабардинцев, адыгейцев, черкесов бытует поговорка: «И боги стареют» [205], т. е. боги смертны.

Автор книги «Легенды и мифы Древней Греции» Н. А. Кун пишет: «...возникнув в различных частях Европейской Греции... и в греческих поселениях на западном побережье Малой Азии, отдельные местные циклы мифов постепенно слились в систему своеобразного религиозного мировоззрения, основанного на обожествлении непонятных явлений природы и преклонении перед памятью предков — племенных вождей,— героев, повсеместно объявлявшихся «богоравными» [206].

Напрашивается сам собой вывод о том, что «боги» и «богоравные» в мифах — это иногда обыкновенные люди. Достаточно вспомнить, что в тексте зеленчукской надписи Пако назван богоравным, богоподобным, а ведь он умер и ему воздвигли памятник.

Таким образом, бог Пако, как и Батараз (Патрос), являются историческими личностями, которые были введе-

---

* Согласно греческому варианту мифа, Прометей страдает за хищение огня, тогда как его адыгский прототип — Насрен прикован к скале за попытку вернуть нартам ранее похищенный у них огонь. Анализ противоречий, существующих между двумя сказаниями, может явиться специальной темой для исследования. — *А. К.*

[204] «Нарты. Кабардинский эпос». М., 1951, стр. 285.

[205] Там же, стр. 11, 12.

[206] *Н. А. Кун.* Легенды и мифы Древней Греции. М., 1959, стр. 5.

ны в эпос сказителями в более позднее время, хотя сюжет сказания сложился в глубокой древности.

Итак, был ли похищен огонь богом Пако?

Анализ общеадыгского сказания о прикованном к скале богоборце на этот вопрос отвечает отрицательно. Огонь не был похищен. Не был похищен огонь ни в виде горящего полена, ни в виде орудия добывания огня — кремня. *Что касается возможности хищения способа добывания* огня путем трения деревянной палки о палку, то это достижение человеческого ума сразу же после его открытия не могло не стать достоянием многих лиц. Если же иметь *в виду, что в рассматриваемую эпоху общество находилось* на весьма высоком культурном уровне относительно периода человеческой дикости (а это видно из сказов «Как Батараз освободил Насрена» и «Как Уазырмес спас нартов от голода»), то нарты имели уже огонь.

Для людей, уже знакомых с огнем, как орудием человека, кража огня не была бы слишком тяжелой утратой.

Но если нарты не нуждались в огне, то почему предводитель нартов Насрен Длиннобородый отправляется за ним к богу Пако? Ведь с меньшим риском для себя нарты могли бы развести новый костер! Чем объяснить такое противоречие в эпосе?

На наш взгляд, разгадка состоит в том, что в отличие от греческой мифологии о прикованном Прометее, общеадыгский его вариант («Как Батараз освободил Насрена прикованного к скале» и «Как Уазырмес спас нартов от голода») имеет ярко выраженную социальную почву, и в силу этого его истоки объяснимы очень легко.

«Двойственный характер, который впоследствии приобрели образы богов,— писал Ф. Энгельс,— был причиной возникшей впоследствии путаницы в мифологиях,— причиной, которую проглядела сравнительная мифология, продолжающая односторонне видеть в богах только отражение сил природы»[207].

Итак, был ли похищен огонь у нартов? Нет, нарты имели огонь, но у них не было продуктов питания. Это видно из сказа «Как Уазырмес спас нартов от голода». А в тех случаях, когда имеется огонь, но нет продуктов питания, кабардинцы, адыгейцы и черкесы говорят о своем бедственном положении иносказательно следующим образом: «У нас нет огня», «Мы не имеем огня», «Вот уже

---

[207] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. Соцэкгиз, М.—Л., 1945, стр. 299.

неделю, как у нас нет огня». В подобных же случаях китайцы говорят: «Вот уже несколько дней дым не появляется над крышей нашего дома» или «Нет дыма в нашей печи» *. Иносказательные выражения мы находим не только в сказе «Как Батараз освободил...», но и в «Сказании о Даханаго». В этом сказании есть такой эпизод: нарты сидят у разведенного ими костра и беседуют между собой, и к ним в это время подходит табунщик Япанас: «Пусть огонь ваш не угаснет!» — Он слова привета молвил, старцам низко поклонился и спросил...»

«МафIэхъу апщий!» — яжыреIэ,
Iуэху яIуатэм ныщIоупIщэ»[208].

Любой природный кавказец, а тем более адыге, поймет такое выражение не в прямом смысле, а в смысле того, что речь идет здесь об источнике пищи — продуктах питания.

Таким образом, теперь нетрудно понять, почему предводитель нартов Насрен отправился к богу зла Пако: он пошел к нему за огнем, т. е. за продуктами (очевидно, с требованием снизить или прекратить взимание с нартов дани продуктами).

Уместно здесь обратить внимание читателя на следующее. У адыгских племен «сказитель, пропев песню, должен был рассказать и легенду, связанную с событием, о котором поется в песне. Если же он не мог этого сделать, ему не верили и не признавали его.

Это связано с одной общей для большинства кабардинских народных песен особенностью. Гегуако, слагая песни о каком-нибудь событии, обычно не пересказывал его полностью, а называл только эпизоды или, из-за преследования власть имущих, лишь намекал на известные его слушателям дела. Это приводило к тому, что многие песни через несколько лет становились непонятными без тех легенд, которые родились вместе с ними. Так сложилась традиция совместного бытования песни и легенды. Например, одна из любимейших кабардинских песен «Андемиркан» будет непонятна в отрыве от многочисленных легенд о знаменитом герое»[209].

---

* Данное выражение нам сообщил аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова китаец Чен Сен-гуань.

[208] «Нарты. Кабардинский эпос». М., 1957, стр. 509.

[209] «Из кабардинской народной лирики». Сост. Заур Налоев, Нальчик, 1958, стр. 8.

Это обстоятельство создает дополнительные трудности для понимания содержания многих старинных кабардинских песен. Нетрудно проиллюстрировать сказанное и на анализируемом материале. Так, в «Приложении» читатель найдет один из текстов старинной кабардинской песни «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы», которая не будет понятна без знакомства с легендой «Как Уазырмес спас нартов от голода», также имеющейся в «Приложении».

Из сопоставления данных, содержащихся в кабардинском нартском эпосе и древних надписях, найденных в районе Большого Зеленчука, с учетом художественной формы и поэтического языка общеадыгского мифа, можно сделать вывод о том, что упоминаемые в эпосе герои были историческими лицами, введенными в более позднее время в эпос, и что легенда о столкновении между похитителем огня богоравным Пако и нартским населением имеет социально-историческую основу.

В образе похищенного огня древние сказители отразили исторический период разложения первобытно-общинного строя, когда представители правящей верхушки стали присваивать себе средства существования основной части общины и когда на этой почве возникали социальные конфликты, подобные тем, описание которых мы находим в кабардинском (общеадыгском) нартском эпосе. Другими словами, здесь речь идет о классовой дифференциации общества.

Таким образом, это именно тот период, о котором Ф. Энгельс писал, что на определенном этапе развития общества «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс)»[210].

[210] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, М., 1953, стр. 170.

Далее. Если принять во внимание, что адыги и другие народы Кавказа были известны древнегреческим и римским писателям задолго до нашего летосчисления и если «обратиться к самим греческим авторам, которые называли Кавказ как место заточения богатыря Прометея, то представляется весьма убедительным предположение, что легенда о прикованном к скале богоборце впервые зародилась среди кавказских племен и народностей» [211].

Однако нетрудно заметить, что греческий вариант мифа о прикованном к скале богоборце Прометее не содержит в себе черт кавказской специфики. Другими словами, этот вариант представляет собой, если можно так выразиться, «от мифа миф»: предание об исторических событиях, имевших место на Кавказе, было завезено на территорию современной Греции переселившимися туда племенами и впоследствии использовано греческими писателями.

Иногда на вопрос, что же старше — эпос или миф, если при этом в обоих говорится об одном и том же факте, некоторые отвечают, что миф является более древним продуктом общества.

На наш взгляд, дело обстоит как раз наоборот: творцом эпоса является народ, тогда как миф создается, именно создается, представителем какого-то класса или сословия, большей частью из имущих слоев. Взяв из эпоса отдельные фрагменты, писатель восполняет пробелы собственными измышлениями со своих классовых позиций, и получается, в зависимости от мастерства сочинителя, или в художественном отношении низкопробный или высокохудожественный миф.

---

[211] *«Нарты. Кабардинский эпос». М., 1957 (введение), стр. 11.*

ЛИТЕРАТУРА

«К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». М., 1957 (*Ф. Энгельс.* Рихард Вагнер и немецкий народный эпос).

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, М., 1953.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1950.

В. И. Ленин. Соч., т. 29.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, I. М., 1949.

Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса (сборник «Нарты»), Орджоникидзе, 1957.

Алборов Б. А. Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите. «Ученые записки Северо-Осетинского госпединститута им. К. Хетагурова», т. XXI, вып. II, г. Орджоникидзе, 1956.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Броневский С. П. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, т. II. М., 1823.

Бюссе. Памятник, воздвигнутый в честь Баксана. Газета «Кавказ», Тифлис, 1860.

Бутков П. Г. О закубанском городе Аспе и о кресте со славянской надписью на стенах Кавказских. Библиографические листки П. Коппена, 1825, № 30.

Бушуев С. К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956.

Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

Васильев А. А. Готы в Крыму. «Известия Госакадемии истории материальной культуры», т. V, Л., 1927.

Веселовский А. Белорусская повесть о Тристане, Бове и Аттиле. Из истории романа и повести. Славяно-романский отдел. «Сборник отд. русского языка и словесности», т. 44, СПб, 1888.

«Вестник Европы», 1867, декабрь, стр. 19.

«Всемирная история по новейшим сведениям» в 2 томах, изд. А. А. Каспари, СПб, 1902.

Гайдукевич Г. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949.

Гельмольт. История человечества, т. III. СПб, 1904.

Горделевский В. А. Что такое «босый волк» (к толкованию «Слова о полку Игореве»). Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VI, вып. IV, М.

Джанашвили. Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXVI, Тифлис, 1889.

Диль Ш. История Византийской империи (перевод с французского А. Е. Рогинской), ИИЛ, 1948.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. ИИЛ, М., 1961.

«История Северо-Осетинской АССР». М., 1959.
«Кавказский календарь» за 1862 г. (статья Ш. Ногмова «История адыхейского народа»).
Кокиев Г. А. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946.
Ковалевский М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. «Русская мысль», 1883.
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
Кузнецов В. А. Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии. «Ученые записки Кабардино-Балкарского ННИ», т. XVI, Нальчик, 1959.
Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских летописей. «Чтения в Историческом обществе летописца», кн. 13, отд. II, Киев, 1899.
Кулаковский Ю. К истории готской епархии (в Крыму) в VIII в. «Журнал Министерства народного просвещения», 1898, № 2.
Кулаковский Г. И. Отчет об экспедиции на р. Зеленчук в 1892 году. Древности XVI в. «Материалы по археологии Кавказа», вып. VII, М., 1898.
Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1959.
Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. «Труды Института этнографии», новая серия, т. I. Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований, М., 1959.
Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 6, Нальчик, 1955.
Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве. «Записки императорского русского археологического общества», новая серия, т. II, СПб, 1887.
Латышев В. В. Заметки о кавказских надписях. Два зеленчукских памятника. «Известия импер. археологической комиссии», вып. 10, СПб, 1904.
Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России. «Известия импер. археологической комиссии», вып. 14, СПб, 1905.
Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, II.
Мавродин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. «Вестник древней истории», М.—Л., 1948.
Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. «Материалы по археологии Кавказа», вып. III, 1893.
Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. I, II, III, М., 1881—1887.
Миллер В. Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. «Материалы по археологии Кавказа», вып. III, М., 1893.
Миллер В. Ф. Отголоски галицко-волынских сказаний в современных былинах. «Очерки русской народной словесности», Былины, I—XVI, М., 1897.
Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. «Вестник древней истории», М.—Л., 1948.
«Нарты. Кабардинский эпос». М., 1957.
«Нибелунги. Немецкий эпос» (перевод Кудряшова), 1927.
Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958.
Помяловский И. В. Сборник греческих и латинских надписей. Кавказа. СПб, 1881.

Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1939, № 1.

Рыбаков Б. А. Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладения. «Очерки истории СССР III—IX вв.»), М., 1958.

Синайский И. Российско-греческий словарь. М., 1848.

Синайский И. Греческо-русский словарь, ч. II, М., 1848—1849.

Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. «Известия Северо-Осетинского НИИ», т. XI.

Соболевский С. И. Греческая палеография (литографированное издание). «Журнал Министерства народного просвещения», 1883, март.

Смирнов А. П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. «Ученые записки Кабардинского ННИ», т. IV, Нальчик, 1948.

Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. «Кавказский сборник», т. XXI, 1910.

Сысоев В. М. Поездка на рр. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. «Материалы по археологии Кавказа», вып. VII, М., 1898.

Турчанинов Г. Ф. Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи. «Эпиграфика Востока», Л., 1958, № 12.

Турчанинов Г. Ф. Эпиграфические заметки. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VI, вып. VI, М., 1947.

Турчанинов Г. Ф. К датировке древнеосетинской Зеленчукской надписи. «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VII, вып. 1, 1948.

Филимонов Г. Д. Древние каменные изваяния в Пятигорске. «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее», вып. 11—12, М., 1878.

Филицын Е. Д. Западнокавказские дольмены. «Материалы по археологии Кавказа», вып. IX, 1904.

Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. «Записки императорского русского археологического общества», т. IX, 1857.

Фридрих И. Дешифровка забытых надписей и письменностей. ИИЛ, М., 1961.

Хойслер Андреас. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах, ИИЛ, М., 1960.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени.

Ярхо В. Эсхил. М., 1958.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАК БАТАРАЗ ОСВОБОДИЛ НАСРЕНА, ПРИКОВАННОГО К ВЕРШИНЕ ГОРЫ

Был Насрен разумным, доблестным тхамадой,
Был в беде оградой, на пиру — душой,
Нарт неукротимый и непобедимый,
Только нелюбимый недругом одним.
Богоравный Пако с витязем не ладил,
Ненавидел Пако нартов с давних пор;
Возложил на нартов он проклятья бремя,
Наступило время скорби для людей:
Насылает Пако на страну их грозы,
Гнет дубы, как лозы, рушит их дома,
Поднимает волны моря выше неба,
Всех лишает хлеба, проса, ячменя.
Заливает землю непрестанным ливнем,
Сушит суховеем нартские поля.
И взывают к Пако нарты удрученно:
«Властью облеченный, что ты мучишь нас?
Не даешь покоя от мороза, зноя,
Зло-несчастье сеешь на родной земле».
Как услышал Пако речи возмущенья,
Предал разрушенью нартов очаги;
Он задул повсюду животворный пламень,
Дочиста он выгреб даже угольки.
Без огня остались нарты-горемыки,
Говорят Насрену: «Что же делать нам?
Призови, тхамада, дерзкого к ответу,
Без огня, без света нас погибель ждет».
«Не тревожьтесь, — молвил им Длиннобородый, —
Я огонь у злого Пако отберу».
Тотчас золотую он надел кольчугу,
Затянул подпругу и помчался вскачь.
Вот уже подъехал витязь к Ошхамахо
И глядит без страха на подъем горы.
Загремел с вершины грозный гром, — не голос,
Будто раскололось небо наверху.
Кличет Пако: «Эй ты, малая букашка,
Если не уедешь, я тебя сгублю!»

Отвечает снизу витязь благородный:
«Эй ты, богоравный, говорят, ты добр!
Для чего же отнял ты огонь у нартов,
Мы — земные люди — гибнем без огня!»

«Уходи отсюда, витязь неразумный,
Головы бездумной я не пощажу!
Обо мне вы, нарты жалкие, забыли,
Обделили бога на земном пиру:
На столах треногих в праздник Урожая,
Чашу поднимая, пьете без меня;
Соберете просо в изобильном поле, —
Не даете доли богу своему.
С битвы вы идете ратью величавой,
А со мною славой делится ли кто?
Вы на Гору Счастья ищете дорогу,
Верно, против бога жаждете восстать?
Понесешь сегодня кару, непокорный, —
На вершине горной закую тебя,
На горе высокой будешь одиноко
Жить до самой смерти пленником моим».
Он железной цепью обвязал Насрена,
К Ошхамахо крепко приковал его.
Был орел у Пако, хищник кровожадный,
Он его, злорадный, выпустил теперь.
Мощных крыл орлиных не вместить ущелью.
Черною метелью носится орел.
Налетает хищник на тхамаду нартов,
Разрывает клювом грудь богатыря,
Пьет он кровь из сердца гордого Насрена,
Печень его клювом яростно клюет.

... Протекают реки и моря по свету,
Для Насрена ж нету капельки воды;
Под горою плещут родники, бушуя, —
Горстку б небольшую пленнику испить!..
Мучит его жажда, там, на Ошхамахо,
Ледяной рубахой плотно он покрыт.
Тяжкое железо давит ноги, руки,
Стоны горькой муки исторгает он.
Далеко разносит ветер эти стоны, —
И сердца у нартов ноют и болят.

* * *

Собрались на Хасу нарты без тхамады:
Порешить им надо, как спасти его.
Вспоминают нарты подвиги былые,
Годы молодые, силы прошлых лет...
Тут Имыс, Аракшу, пламенный Сосруко,
Как им быть с невзгодой, с недругом как быть?
Думают-гадают, Пако их пугает, —
Страшен грозный Пако и непобедим.
И решили нарты: будет дочь тхамады
Для того наградой, кто спасет отца,
А при ней приданым — лучшие доспехи.
Ждут утехи, радость витязя того,
Только бы он взялся вызволить Насрена,
Только бы пустился в этот страшный путь.

Ни один не едет, — стыд и срам невесте...
«Едемте все вместе!» — нарты говорят.
Едут-скачут нарты по горам, долинам,
Видят: Ошхамахо инеем блестит,
На вершине снежной мучится тхамада:
Тяжкая преграда, — нет к нему тропы.

Пако видит нартов, стражу созывает,
В долы отправляет с ледяных вершин.
Вот спустились слуги, вот уж недалеко,
И парит высоко впереди орел.
Загудели вихри в долах и ущелье,
Замело метелью камни и траву.
Небеса закрыты стаею орлиной,
Крылья над долиной застят свет дневной,
Словно поздней ночью мрак вокруг глубокий,
Нартов прямо в темя хищники клюют.
Ничего не видно, — погибают нарты,
Гибнет нарт Пануко, — рвет его орел.
Ничего не видно — смелый Бадыноко
В темноте глубокой потерял коня.

...Собрались все вместе те, что уцелели,
Кровь течет в ущелье, — это нартов кровь!
Едут нарты тихо, головы понуря,
Разразилась буря над родной землей.
«Нет огня у нартов, — Пако отнял пламя,
Нет у нас тхамады, — гибнет он в цепях.
Что же делать, нарты, где искать спасенья?
Не смогли вернуть мы очагам огня,
Не смогли спасти мы мудрого Насрена.
Что же делать, нарты? Как мы будем жить?».

И тогда воскликнул Батараз бесстрашный:
«Наш огонь-отраду я добуду вновь.
В том клянусь я серым камнем перед вами.
Я найду тхамаду, я его спасу».
Оседлав Карапцу, в воинской одежде,
Как бывало прежде, едет Батараз.
Вот и Ошхамахо. Встал он у подножья:
«Эй ты, званье божье осрамивший бог!
Что ты там в ущелье прячешься трусливо?
Спрятаться не диво, — выходи на бой!
Отнял ты у нартов их огонь-отраду,
Нартского тхамаду в цепи заковал;
Я посланец нартов, я их избавитель,
От тебя, губитель, я спасу людей.
Если ты не трусишь, сделай, что скажу я:
Пусть слетит с вершины жадный твой орел».
Потемнело небо, черный мрак сгустился, —
То орел спустился с горной высоты.
Как взмахнет крылами — все вокруг темнеет.
Даже конь робеет... «Эх, Карапца-конь,
Что с тобой случилось? Крыльев испугался?

Или не встречался посильнее враг?
Мало ли печали мы с тобой видали?
Разве эти вихри новость для тебя?»
Трижды бьет Карапцу плеткою ременной,
А в орла каленой целится стрелой.

В этот миг сползает к ним с вершины горной
Голоднее волка чудище-дракон,
А орел крылами бурю нагоняет,
Ноги подгибает утомленный конь.
«Что же ты, Карапца, ты совсем напуган,
Был мне верным другом, ныне трусом стал?»
Снова хлещет плетью Батараз Карапцу,
Тот рванулся с храпом и — под небеса.
Начался с орлом тут грозный поединок,
А потом на льдинах горных длился бой.
От орлиных крыльев мрак над битвой дикой,
Но пронзает пикой Батараз крыло,
И — светло вдруг стало, как окно раскрылось,
Солнце заструилось сквозь крыло орла.
Засияло солнце скалам и долинам,
Клекотом орлиным огласилась высь,
И вонзает снова храбрый витязь пику,
Горного владыку побеждает нарт.
Он несет на пике хищника к подножью,
Отсекает птице голову мечом.
Слышит, слышит Пако крик орла предсмертный,
И телохранитель Смерти слышит крик.
К витязю спустился тот телохранитель,
И в жестокой битве наземь пал, сражен.
Смерть сама вступает в битву с человеком,
Но живого нарта не пугает Смерть:
Предал Смерть он смерти, — изрубил старуху,
Застонала глухо и упала Смерть.
Покачнулись горы от ее паденья,
Птица черной тенью пронеслась над ней.

Много дел великих нарт в тот день свершает:
Вот ползет, ломает все пути дракон;
На ходу дракону голову снимает
Батараз бесстрашный блещущим мечом.
Мчится на Карапце Батараз к вершине, —
Пако покидает в ужасе свой край.
Подлетает витязь к скованному нарту,
Разбивает цепи пикою своей,
Цепи разбивает, и освобождает
Мудрого Насрена, и везет домой.

В этот день у нартов очаги пылали,
Нарты пировали, весело шумя,
Резали баранов, пастухов кормили,
С ними сано пили: были все равны.
В этот день открыли нарты сапопитье:
Вот они — смотрите, — нарты на конях!
Что за скачки, песни, что за «пеший-конный!»

Не было чудесней праздника вовек.
Пламенный Сосруко ценную кольчугу
Батаразу-другу дарит с плеч своих,
Нарты прославляют, хвалят Батараза,
С дальних гор на праздник пастухи пришли.
Старенькая Ваква увидала сына:
«Я ль не исполина вырастила вам!»
Батаразу чашу первую вручают,
Радостно венчают славой храбреца,
Много добрых здравиц нарты произносят,
Выпить сано просят, говорят ему:
«Батараз любимый, нарт непобедимый,
Ты вернул нам душу — возвратил огонь,
Вызволил Насрена из цепей железных,
Ты наш избавитель, ты наш первый друг».
Благодарно выпил чашу сано витязь
И сказал: «Да будет вечным наш огонь!»

Длится санопитье и кипит веселье
Сорок дней и сорок радостных ночей.
Слышат конский топот дальние пределы,
В поле свищут стрелы, попадают в цель.
Вниз пускают нарты с древнего кургана
И кидают кверху колесо жан-шерх,
Называют нартом нартов Батараза,
Называют лучшим мужем из мужей.

КАК УАЗЫРМЕС СПАС НАРТОВ ОТ ГОЛОДА

Один из прославленных нартов — Уазырмес, сын Пидгаша, с малых лет заслужил прозвище «настоящего нарта». Еще подростком увидел он однажды, что жители его селения несли куда-то дары: кто копченое мясо, кто кувшин сано, а одна бедная женщина несла в глиняной миске немного домашней еды и со слезами на глазах отказывала бегущим за ней детишкам.

А дети жалобно просили:

— Мать, дай нам поесть, мы голодны.

Покинув сверстников, Уазырмес спросил идущих:

— Кому несете вы последние крохи?

— Это дары богоравному Пако, — отвечали ему нарты.

Уазырмес призадумался. С того дня ни на игрищах во время Хасы, ни в другое время, когда дети играли в альчики, не было среди них Уазырмеса. А ведь прежде он был первым во всех состязаниях, самым веселым из сверстников.

— Не случилось ли с тобой что, не заболел ли ты? — спрашивали его нарты.

— Нет, я не болен телом, но душа у меня болит о нартах, — отвечал Уазырмес. — Горько мне, что нарты, сами во многом испытывающие нужду, носят дары козлобородому трусливому Пако, возомнившему себя богом. Я не найду покоя, пока не освобожу свой народ от этого позора.

Нарты испугались и стали просить Уазырмеса не перечить богоравному Пако, а то им житья не будет от мстительного властелина.

Однако Уазырмес и слушать не хотел их просьб и твердо решил освободить нартов от этих жертв.

— Не достоин я имени нарта, если не отрублю голову этому жадному козлобородому, — сказал он собравшимся нартам.

Он пришел к своей матери, Мигазеш, и сказал ей:

— Мать, благослови меня на борьбу с Пако. Я не отступлюсь от своего решения, но у меня нет ни коня, ни оружия.

— Если твое решение неизменно, не стану удерживать тебя. Выведи из подземелья пегого коня, на котором ездил твой отец, возьми седло, повяжи отцовский меч и ступай на подвиг, — так ответила сыну даровавшая ему жизнь.

От первого же удара плетью пегий конь взметнулся под облака, но Уазырмес спустился и поехал по той дороге, по которой нарты носили Пако свои дары. Уазырмес скрылся в засаде и не пропускал нартов, несущих даяния; он возвращал их в селение. Тогда боязливые нарты стали ходить к Пако окольными путями, а кто-то известил богоравного о том, что Уазырмес восстал против него.

Пако хоть и гневался, но не шел на битву с храбрым нартом.

«Если Пако не идет ко мне, — придется мне пойти к нему», — решил Уазырмес и отправился к козлобородому.

— Эй, — закричал он, остановясь перед его жилищем. — Если ты не трус, — выходи, богоравный, поборемся!

Однако тот не появлялся, а выслал слугу сказать, что его господин захворал.

— Если он болен, то я здоров! — возразил Уазырмес и вошел к Пако: — Добрый день, Пако!

— Добрый, да не для тебя! — воскликнул Пако.

И не успел нарт выхватить меч из ножен, как козлобородый выскочил из своего жилища и убежал от погони: он знал, что на земле ему не спастись от храброго нарта, а потому взвился на небо, сделал себе жилище из паутины и скрылся в нем.

Плохо пришлось нартам от его гнева: Пако наслал на них засуху, хлеба перестали расти, деревья — зеленеть, скот стал бесплодным. Трудные времена наступили для нартов, и они упрекали Уазырмеса:

— Это ты разгневал могущественного Пако, вместо добра принес нам зло.

Удрученный Уазырмес долго думал, что ему делать, и решил посоветоваться с мудрой Сатаней. Сатаней выслушала Уазырмеса, посмотрела на его коня и сказала:

— Твой старый скакун из породы альпов, ему нипочем высота, на которую забрался Пако, — ударь трижды плетью своего коня!

Уазырмес послушался Сатаней, и конь быстро понес его к жилищу Пако.

— Добрый день, Пако! — приветствовал нарт богоравного.

— *Добрый день, да не для тебя! — опять ответил ему Пако.* Не давал ты мне покоя на земле, нет и на небе мне от тебя покоя.

— Не ворчи попусту, я пришел рассказать тебе о бедствиях нартов.

Пако притворился неведающим и стал расспрашивать: что же случилось в стране нартов?

— Ты ненавидишь меня, а мстишь всем, — сказал Уазырмес, — *ты лишаешь нартов хлеба и скота. Люди голодают и считают меня* виновником своего горя.

— Это так и есть, — ты во всем виноват: ты лишил меня обычных даров, ты лишил меня покоя! — свирепо крикнул Пако.

— Не гневайся, богоравный! Я пришел к тебе посланцем от нартов: они говорят, что у них в глотке воды не стало.

— Вот и хорошо! Будешь знать, как восставать против богоравного! — злорадно сказал козлобородый.

— Пусть я виноват, — говорил Уазырмес, — но за что же мучиться всем? Взгляни на нашу бедную землю: старики, женщины и дети собрались на горе Харама и с надеждой смотрят на небо, просят у тебя дождя.

Но жестокий Пако был непреклонен. Тогда Уазырмес сказал:

— Взгляни, взгляни, богоравный! Там, на горе Харама, стоят нарты: они принесли тебе дары, они протягивают их тебе, взгляни на землю! — вскричал Уазырмес.

И Пако высунул голову из своего паутинного жилья и, склонившись, стал смотреть вниз, а Уазырмес, мгновенно выхватив меч, отсек ему голову.

Семь недель с неба лил дождь, словно то падала кровь Пако, семь недель поливал дождь иссохшую землю, и земля снова стала плодородной, поднялись хлеба, зазеленели деревья, скот стал давать богатый приплод, нарты ожили и повеселели.

С той поры нартам еще больше полюбился храбрый витязь.

БАТЭРЭЗ НЭСРЭН ЖЬАКІЭ КЪЫЗЭРИХЬЫЖА.

Нартхэ яІэт Хасэ тепщэу Нэсрэн ЖьакІэ,
Нэсрэн ЖьакІэ лІы хаҳуэт, лІы хъыжьэт,
Ар биижьи къищІат тхьэпэлъытэ Пэкъуэ.
Нэсрэн ЖьакІэ Хасэм тепщэ зэращІу
Пэкъуэ нартхэм къахобгэ.
Бгыхэр къатрикъутэуи къахоуэ,
Уафэм щыблэу къоух, хыхэр зэуэ еІэтри
Нарт Хэкушхуэм къырекІэ.
ИкІэм нартхэр зэхуос, хасэ ящІри щыжаІэ:

— Дэ кІуэдыгъуэр Пэкъуэ къытлъегъэс,
Лей зылъысри нобэ ди Нарт Хэкущ.

— Тхьэпэлъытэу Пэкъуэжь, ежьыр зи пыхъуэпышэ,
Щхьэ псэупІэ къыдумытрэ?

А нарт псалъэр Пэкъуэ щызэхихым,
Нартхэ жьэгу къутэр къахелъхьэ,
Нартхэ я жьэгу дэлъ мафІэр епхъуатэ.
Нартхэ мафІэншэ щыхъум,
Я тхьэмадэ лІыхъум хуаІуатэ:

— Дауэ тщІыну, Нэсрэн ЖьакІэ, дэ докІуэд,
Лажьэ кІуэдыр Пэкъуэ губжьащи къыдещІэкІ!

— Фымышынэ, нартхэ, фэ фыкІуэж,
Сэ сыкІуэнщ Пэкъуэ дыдэм и деж,
КъеІысхыжынщ а мафІэр сэ а Пэкъуэм.

Зеуэзд и щы-фащэхэмкIэ Нэсрэн ЖьакIэ,
Дыщэ афэр зыщетIагъэ Нэсрэн ЖьакIэ.
ЗанщIэу дошэсыкIри къырым йохьэ,
Ар ныщIохьэ IуащхьэмахуэлъапэIэ,
Пэкъуэу Iуащхьэм тесым гу къылъетэ:

— УкъэмыкIуэу гъазэ, цIыху цIыкIу, ей!
УсIэщIэкIуэдэнкIэ си тхьэрыIуэщI
Нэсрэн ЖьакIэр а махуэм Пэкъуэм йоупщI:
— Сыт, гущIэгъуу мылъытэр уиIэу жаIэ,
*Укъыдэ*Iэу *ди мафIэр щIыттепхар?!*
Къыдэтыж. армырмэ текI мы Iуащхьэм,
СыкъикIащ я пащхьэм сэ цIыху цIыкIухэм,
ЗэтокIуадэ, мафIэншэу псэуну гугъущ.

— Гъазэ зоIэ, цIыху цIыкIухэр дин икIащ,
Си тхьэ напэм нэмыплъ IейхэрфэхувощI,
ЩIым къытекIэм и IэфIыгъуэм сыхывон,
Iэнэ къащтэм — сэ си Iыхьи хэвмыгъэз,
Гъэм зигъазэм сэ си хъуэхъу фымыIуатэ,
Батэ вгъэшым сэ си тепщи хэвмыгъахъуэ,
Iуащхьэмахуэу си тIысыпIэр лъагъуэ фщIыну —
Нартхэм жыфIэу мызэ-мытIэу зэхэсхащ,
Мис а къомыр фи гуращэщ фэ нартыжьхэм,
Нартыжьхэм фэ фи мафIэр къыщIэсхьар,
Нэсрэн ЖьакIэ, мис араща, зэгъащIэ,
ГъащIэу уиIэр уэ нартми
Мы Iуащхьэжьым и шыгу щIыIэм уэ щыпхьынщ,
Хъыбар мыхьыжуи услIынщ.

Тхьэ гъущI-кIапсэр къещтэ ПэкъуэнэсрэнЖьакIэр,
Iуащхьэмахуэ ирелIыр Нэсрэн ЖьакIэр.
Пэкъуэу мэхъашэм бгъэжьу ябгэр къеутIыпщ,
И дамэ инхэр къуэм дэмыхуэ,
И жьым зэрехуэ пшагъуэ фIыцIэр,
Нэсрэн ЖьакIэм ар щхьэщохьэ,
И гущхьэ пцIанэм толъатэ,
Нэсрэн ЖьакIэ и гущхьэр нызэгуенхъу,
Лъыхэр щIефыкI, маджэ иIу,
ТхьэмщIыгъум йоуIу бгъэжьыр.
Дунейм хышхуэр ебэкI пэтми,
Нэсрэн ЖьакIэ ткIуэпс и Iэгъуэджэщ,
Iуащхьэмахуэ псынэ щIэжми,
Нэсрэн ЖьакIэр псыншэу мэгулэз.
Мыл джанэр хуэфIу и пкъым щыгъщ,
ГъущI кIапсэкIэ Iэпщэлъапщэхэр къузащ,
Нартхэм ягу мэуз, Нэсрэн ЖьакIэ и гыз макъыр
Iуащхьэмахуэ къытоIукI.

* * *

Гуэзащ нартыжьхэр мис а махуэм,
Санэхуафэм лIыхъухэр зэхуэсащ:
Имыси, Сосыми, Сосрыкъуи
Нарт Хасэм лIыгъэ-щагъэкIэ щызэпоуэ,

ЛІыгъэкІэ щызодауэ, зонькъуэкъу,
Ауэ я Іуэхуи зэфІэмыкІ.
Нэсрэн ЖьакІэ къэзыхьыжыни къахэмыкІ.
ИкІэм Нэсрэн ЖьакІэ и пхъур Хасэм къашэ;
— Мыр идогъашэ и адэр къэзыхьыжым,
Я нэхъыфІу нарт шы фащи тыгъэ дощІ,
Дауэ ящІми ежьэни къахэмыкІ.
ЗэбгырокІри нарт дзэшхуэ зэхуашэс,
ЗэщІошасэри мэз, къырхэр щІащыкІ,
Іуащхьэмахуэм ахэр нос.
Сытхъу защІэу Нэсрэн ЖьакІэ абы къалъагъу,
Лъагъуэ Іуащхьэмахуэ, сыт, дэмыкІ,
ШыкІэ дэкІыпэнуи емызэгъ,
Шабзэр зэІуадзэурэ ныдоукІ.
Тхьэм нарт дзэшхуэ къелъагъу,
Іуащхьэкур къегъэгъу плъапІэуэ,
ЗэщІеугъуаери и дамэщІэтхэр къеутІыпщ,
Дунейр ящтауэ бгъэжь я пашэу къызэдох.
Уэххэр исейуэ гъуэжькуийм уэсыр зэрахьэ,
Уэгум ихьа бгъэхэр нартхэм тобатэ,
Я бгъэ дамэпкъхэм нэхур ягъэуфІынкІ,
Пшэм хэлындыкІыу щыблэри къоух,
Тхьэпэлъытэ Пэкъуэ и уэгъуэти
Дунейр ищтауэ къуэкІийр мэгъуагъуэ,
Бгъэжьыр къосри нартыдзэр ещып,
Нартыдзэри нэф зэтехъуащ.
Нарт Пэныкъуэ а махуэмэ къэжакъуэщ,
Бэдынокъуэ и шыр хущІагъащІэщ,
Зы защІри дзэшхуэм къагъэзэж,
Аузхэм лъыпс пшагъуэр ныщагъажэ,
Къэнэжар я лъахэми къэкІуэжащ.

— Тхьэпэлъытэ Пэкъуэ ихьщ ди мафІэр,
Дэ ди афэ пашэу Нэсрэн ЖьакІэр
Іуащхьэмахуэ плІэІукІэ ныриІулІщ,
Ди жьэгу дэлъа мафІэр къытхуэмыхьыж,
Зи щхьэ къэзыхьыжа нартхэ, сыт ди махуэ,
Іуащхьэмахуэ тес Пэкъуэ сыт етщІэну?

Батэрэзу хахуэм мис Хасэм щыжеІэ:
— Тхьэхэм щхьэщэ хуэтщІащи
Иджы, нартхэм, езы тхьэхэм
Щхьэщэ дэ къытхуащІми хъунщ.
Тхьэпэлъытэ Пэкъуэ ихьа мафІэр,
Нартхэ, къэсхьыжынкІэ си тхьэрыІуэщ,
Нартхэ ди Нэсрэн ЖьакІэр Пэкъуэ къезгъэлынкІэ,
Уащхъуэу дэ дымыгъэпцІ! — си псалъэщ.

Батэрэз а махуэм зынехуапэ,
Алъп Къарапцэ хъыжьэм ар мэшэс,
ЩІопщ щэ уэгъуэ хуещІри уэгум йохьэ,
Іуащхьэмахуэ дежкІэ еунэтІ,
Бгыжь-къырыжьхэм телъэм егъэсей,
Іуащхьэмахуэ лъапэ ар щІоувэ,

Іуащхьэмахуэ щыгукІэ ар мэгуо:
— Хьэхьей, тхьэпэлъытэ нэпщІу Пэкъуэжь,
Къуэжь-бгыжьхэр зи гъэпщкІупІэ,
БиипІэ къиувэнкІэ дзыхь къытхуэзымыщІ,
Нартхэ ящІа мафІэр жьэгум пэрызых,
Зи лъэр ди Нарт Хэкум Тхьэм иригъэхын,
Нартхэ я Нэсрэн ЖьакІэр схьыжыну сыкъэсащ.
Сэ Нарт Хэкужьым, зэгъащІэ, сыкъокІ,
Бгыщхьэм темыкІ бгъэжьыр, улІым, къэутІыпщ!

Дунейр асыхьэтым зэуэ кІыфІи къохъу,
Батэрэз и джатэжьыр щІегъащхъуэ,
Бгъащхъуэ иныр лъэщу Іуащхьэми къоух,
Батэрэз Іуащхьэ лъапэм къыщощэ,
И гур къэбэмпІауэ шым жыреІэ:
— Ар, слІожь, сыт къыпщыщІ, си Къарапцэ,
А бгъэм и дамэуэгъуэм щхьэ ущыщтэт,
АфІэкІа плъэгъуакъэ гугъуехь, си Къарапцэ,
Щхьэ си напэр тепхрэ, ар, слІожь, си Къарапцэ,
Плъагъужакъэ уэ акъужь, Къарапцэ!

И Къарапцэм щІопщ щэ уэгъуи ныщырех,
Бгъэ къеухым зы шабзэши хуеутІыпщ,
Іуащхьэм дэплъым, благъуэ нэщІар сыт
къыхуопщ.
Бгъэр къыщІопщэри Къарапцэр лъэ темытт,
— Тхьэр зыгъэпцІын, Къарапцэ, сыт къэухъу,
ХьэІус ухъу афІэкІ плъэмыкІыну гущэм!

Аргуэрым щІопщ щэ уэгъуэ гуэр ирех,
Батэрэз Къарапцэм пшэм ирехьэ,
Зэрызохьэ бгъэм зэуэн деублэ.
ЩІым бгы къыр хьэдзэжьхэр зэтес щащІ.
Бгъэм и дамэ гъущІхэмкІэ мэдалъэ,
Бгъэм и дамэр фІелъэ бжыпэм Батэрэз,
Батэрэзым и шабзэр бгъэ дамэм зыпхыредз,
Дыгъэбзийуэ абы къыщІидзэм дунеишхуэр
къагъэнэхуж.
Бжыпэм зэрыпылъу щІылъэм къырехьэх,
Бгъащхьэр къыфІех джатэкІэ Батэрэз,
Зэхех Пэкъуэ бгъэм и щхьэфІэх макъыр,
Псэхэх и щхьэхъумэр лъапэм къох,
Батэрэз зэуэн гуэрым ныщІедзэж,
Псэхэх дыдэу бзаджэр ажал зауэу
Батэрэз хъыжьэм пэщІоувэ,
Ауэ Батэрэзу ди хахуэм
Игу пхъашэр къэмыскІэххэ,
Псэхэхыжьу амалыжьым ажал мыгъуэр
къыхуигъакІуэщ —
Псэхэхыжьыр Батэрэзым зэпеупщІ,
ЩІылъэр игъэщІыщІэу ар мэджалэ,
Къуалэр зэхуэсащи нызолъатэ,
Батэрэз а махуэм егъэш батэ.
Бгыр зэтырикъутэу къокІуэ благъуэр,

И пэбзийм къырихур мафIэу жьэражьэщ,
Батэрэз гъунэгъу абы зыхуещI,
Благъуэм и щхьэумэр къыпеупщI,
ЗанщIэу и КъарапцIэм зырегъасэ,
Пэкъуэ зытеса щыгум толъэтыкI.
И бжыкIымкIэ Iэхъулъэхъужьыр зэпеуд,
Нэсрэн ЖьакIэр а махуэм хуит къещIыж,
Нэсрэн ЖьакIэр къыдешэж Батэрэз,
А махуэм нарт жьэгухэр зэщIонэж,
А махуэм нартыжьхэр нызэхуос,
Санэхуафэр иныщэу къызэIуах,
Нарт Iэхъуэми а махуэм ныш лъагъэс,
Шурэлъэс лIыхъужьхэр зэдоджэгу,
И гум къохьэри я алъпхэр зэдагъатхъуэ,
Щытхъушхуэр Батэрэз къыхуахэс,
Батэрэз афэ тыгъэри къыхуащI,
МафIэ ящIыжащи загъэхуабэ,
Нарт уэтэртесхэри зэхагъэтщ,
Нартхэм Вакъуэ нани къырагъашэ.
Батэрэз лIыхъужьыбжьэри къырат,
Хъуэхъуу ятым я нэхъыфIхэри хуагъэфащэ,
Iэщэ-фащэм и нэхъ быдэри къыхуагъафIэ,
ПсалъэфI защIэу Батэрэзми къыжыраIэ:
— Нартхэм ди псэу мафIэр къэзыхьыж,
Нэсрэн ЖьакIэ лъапIэр къэзышэж,
Батэрэзу ди нарт лIыхъужь!
Батэрэз лIыхъужьыбжьэр къышыреф!

Нарт санэхуфэм мазитIкIэ зынеубгъу,
Нарт губгъуэшхуэм гуфIэгъуэр тыращIыхь,
Нарт лIыхъухэр шурэлъэс ныздоджэгу,
Гуэрэныгур алъп кIэбдзкIэ зэхавыхь,
Хьэрэмэ Iуащхьэ Жан Шэрхъэр щаутIыпщ
Нэщанэ нартыжьхэр нызэдоуэ,
ЛIыгъэ зиIэм щытхъупсыр * ныраутх,
КъарапцIэр алъп нэсу къыщохэс,
Батэрэз лIы и лIыжуи къыщапсэлъ
Нартхэм я нартыжуи ар ягъэIу.

УЭЗЫРМЭС НАРТХЭР ГЪАБЛЭМ КЪЫЗЭРЫРИГЪЭЛАР

Уэзырмэс нэхъ нарт нэхъыжьхэм ящыщт, зи къуэри Гъуазэ Пызгъэщт, нарт лIыхъужьхэм яхэтуи къэхъуат. Езым и ныбжьэгъу цIыкIухэм щадэджэгукIэ сыт щыгъуи ятекIуэрти, Уэзырмэс зэрыцIыкIу лъандэрэ псоми Iулыдж хуащIырт, нартхэми сыт щыгъуикI ар щалъагъукIэ жаIэрт а щIалэ цIыкIум «нарт нэс» къызэрыхэкIынур.

Зэгуэрым, и ныбжьэгъухэм ядэджэгуу, Уэзырмэс илъэгъуащ нарт къуажэхэм дэс цIыхухэр зы лъэныкъуэкIэ псори шхын зэмылIэужьыгъуэ куэд яIыгъыу зэрыкIуэхэр: зым мэл ишэрт, адрейм лы гъэгъуа, ещанэм фадэ иту кхъуэщын яхьэрт. Псом хуэмыдэу Уэзырмэс нэхъ

---

*Щ ы т х ъ у п с — егъэлеяуэ щытхъунытъэ.

игъэщIэгъуащ зы фыз тхьэмыщкIэ гуэрым фалъэм илъу шхын зэрихьыр. А фызым и ужь иту и бын цIыкIухэр кIуэрт:

— Нанэ, домэжалIэ, тIэкIу къыдэт! — жаIэу гъыхэу. Сабийхэр гъы щхьэкIэ фызым зыри къаримытурэ нарт псори зыдэкIуэ лъэныкъуэмкIэ кIуэрт. Ар Уэзырмэс щилъагъум хуабжьу игъэщIэгъуащ.

Джэгунри щыгъупщэжри Уэзырмэс цIыху Iув кIуэм хыхьэри щIэупщIащ:

— Дэнэ фхьырэ мы къомыр? Сыт щIэфхьыр? — жиIэри.

Псоми къыжыраIар зыщ: — Пэкъуэ дей нартхэм тыгъэ дохь.

А псалъэхэм Уэзырмэс и гур икъутащ. Абы джэгуныр къигъэнащ, зыкъомри мыпсальэу, нэщхъейуэ, и фэм зызэридзэкIауэ къикIухьащ.

ЗекIуэ къикIыжа нэужькIэ, зыщагъэпсэху зэманым нартхэм джэгу ящIырт. А джэгухэм нартхэм я бын цIыкIухэри щызэхуэсырт къызэдэжэнкIэ, зэбэнынымкIэ, кIэн джэгункIэ, мывэ дзынкIэ зэныкъуэкъун папщIэ.

А джэгухэм цIыкIу псоми япэ иту Уэзырмэсыр сыт щыгъуи ялъагъурти, ар зэрыщымыIэм занщIэу нартхэм гу лъатэри гузавэхэу щIэупщIащ:

— Мысымаджэу пIэрэ Уэзырмэс? — жаIэри. Уэзырмэс деж ягъакIуэу къыщыщIамкIэ щыщIэупщIэхэм мыбы хуэдэу жэуап къариташ:

— Сэ Iэпкълъэпкъ уз зыри збгъэдэлъкъым, ауэ согъэщIагъуэ нарт лIыхъужьхэм ажэжь жьакIэ Пэкъуэ къэрабгъэжьым тхьэ гуэру ябжу тыгъэ зэрыратыр.

Абы дежым Уэзырмэс и гум ирилъхьар нартхэм яжыриIащ:

— Нартхэм я напэтех тыгъэр ятын щамыгъэтауэ сэ абыхэм сахыхьэфынукъым: си гум схутегъахуэркъым нарт лIыхъужьхэр ажэжь жьакIэ Пэкъуэ къэрабгъэжьым фызэрыхуэжьIэщIэр, икIи сэ сыбзэяунукъым нартхэр хуит сщIыхункIэ, мис аращ!

Уэзырмэс къипсэлъыр нартхэм щызэхахым, хуабжьу шынахэщ. Я нэпсыр къежэхыу ахэр къелъэIуащ Уэзырмэс и мурадыр щинэну, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ Пэкъуэ ар къищIэмэ, ахэр псори щIым тырымыгъэпсэухьынкIэ шынагъуэти. Ауэ Уэзырмэс нартхэм я чэнджэщми едэIуакъым: игу ирилъхьа мурадыр игъэзэщIэныр хуабжьу игъэбыдащ. Арати, нартхэр зэгуэрым зэхуишэсри псоми зэхахыу Уэзырмэс жиIащ:

— Сэ сынарт щауэкъым ажэжь жьакIэ Пэкъуэ къэрабгъэжьым и щхьэр пызымупщIмэ, нарт псори хуит сымыщIыжмэ!

Нартхэм хуэфащэ пщIэ хуащIакъым абы и псалъэм, ахэр зэгупсысыр Уэзырмэс и гурылъыр Пэкъуэ къищIэмэ абы къатрилъхьэну бэлыхьырт. Уэзырмэс лIыхъур зыми емыдаIуэу и гурылъхэр игъэзэщIэным яужь ихьащ. Япэ щIыкIэ ар и анэ Мыгъэзэш гуащэ дей кIуэри жыриIащ:

— Ди анэ! Сэ быдэу мурад сщIащ Пэкъуэ щхьэкIэ си гурылъхэр згъэзэщIэну, ар къэзбгъэгъэнэнуи къызжомыIэу, нэхъыфIщ чэнджэщ къызэти си мурад псори дауэ гъэзэщIа хъунуми: сэ сиIэкъым шы, Iэшэ!

— Уи гурылъхэр бгъэзэщIэну мурад быдэу пщIамэ, уи адэм и шы пэхур щIыунэм щIэтщ къыщIэш, и уанэр, гъущI шыныбэпххэр ярылъу, пылъщи къыфIэх, абы щIэт пхъуантIэ фIыцIэм и джатэ мыуэщхъури дэлъу бгъуэтынущи зыбгырылъхьэ, — къыжыриIащ и анэ Мыгъэзэш гуащэ.

Уэзырмэс щIыунэм шы пэхур къыщIишащ, уанэр абы тырилъхьащ, мыуэщхъу джатэр ибг иридзэри дэкIащ. ЩIопщкIэ япэм Уэзырмэс щеуэм, шы пэхур уафэгум ихьащ. Уафэгум и шыр щигъэ-

джэгущ, къыщигъэджэгури, цIыхухэм Пэкъуэ дей тыгъэр зэрк
гъуэгумкIэ игъэзащ. А гъуэгум тетIысхьэри блэкIхэм Пэкъуэ де
псори Уэзырмэс къаIихыурэ къуажэхэм къаригъэхьыжащ, зыри
имыгъакIуэу.

Нартыжьхэр, зы лъэныкъуэкIэ Уэзырмэс, нэгъуэщI лъэныкъ
Пэкъуэ щыщынэхэрти, гъуэгу пхэнжкIэ щэхуу Пэкъуэ дей
щIадзэри жыраIащ Уэзырмэс щIалэм гъуэгу занщIэкIэ ахэр къ
мыгъэкIуар, Пэкъуэ къыхуахь тыгъэхэр абы нарт къуажэхэм з
гъэхьыжар. Нартхэр шынэу пэплъэрт лъэкIыныгъэшхуэ зиIэ
зы бэлыхь гуэркIэ Уэзырмэс зэриукIынум, ауэ, абыхэм яфIэг
гъуэну Пэкъуэ зыри Уэзырмэс ирищIакъым. Уэзырмэси игъэувыI
къаIихын нартхэм Пэкъуэ хуахь псори, ауэ Пэкъуэ къакI
къым.

— Сэ Пэкъуэ сызыхимыщIэмэ зезгъэцIыхункъэ! — жиIэщ
мэси, Пэкъуэ дей кIуэну ежьащ. Унэм бгъэдохьэри Пэкъуэ
щIишыну Уэзырмэс макъ шынагъуэкIэ маджэ.

— Ей, тхьэпэлъытэу ябж ажэ жьакIэжь Пэкъуэ, лIыгъэ
къыщIэкI, — жеIэри.

Ауэ Пэкъуэ щызэхихым сымаджэ нэпцI зищIри «зэрь
джэр» Уэзырмэс къыжыраIэну унафэ ищIащ. Мыдрейм абы
жэуап къыщыIэщIэхьэм, шым епсыхри мыр жиIэу бжэмкIэ
тIащ.— Ар сымаджэми, сэ сыузыншэ къабзэщ.— Унэм за
щIыхьэри Пэкъуэ фIохъус ирихащ:

— Пэкъуэ, уи махуэ фIыуэ!

— Гъуэгу мыгъуэ уижьэ, — къыритащ адрейм жэуап. А п
хэр щызэхихым Уэзырмэс и мыуэщхъум еIащ, Пэкъуэ и щхьэр
щIыну. Ауэ Пэкъуэр къыщылъэтри щIэпхъуэжащ. Уэзырмэси Г
и ужь иувэри ирихужьащ.

Уэзырмэс къимыгъуэту щIым зэрызыщимыгъэпщкIуфынур Г
щилъагъум, уафэм дэлъэтеящ, бэджыхъ унэ ищIри абы щыпсэуу
наш.

Пэкъуэ тхьэуэ щытти, абы нартхэм губгъэн яхуищIати къэгу
уэшхыр иубыдащ, псыхэр игъэгъуащ: уэгъу хъуащ, гъавэр къэм
жу, жыгхэр тхьэмпэншэу, Iэщхэм щанэжу къэнащ, фызхэр мыл
хъуащ. Нартхэм зэман хьэлъэ къахуихуати Уэзырмэс щIалэм и
кIыу хуежьащ:

— ФIым и пIэкIэ, Пэкъуэ къэбгъэгубжьри, уэ къытхуэ
ещ, дауэ дэ дыдэрыпсэунур иджы? Насыпыншагъэ диIэр уэращ
хуэзыхьар, — жаIэу.

Уэзырмэс гугъупIэ ихуащ, икIэм игу къэкIащ псори зыщIэ Сэ
гуащэ зыхуигъаззэу еупщIыну. Уэзырмэс шэсри Сэтэней гуащэ
кIуащ.

Нартхэр зэрыгузавэр, езыр гъупIэ зэрихуар, къэхъуа псори У
мэс жыриIащ Сэтэней.

Къэхъун-къэщIэнхэр зыщIэ Сэтэней Уэзырмэс и шым еплъри
жыриIащ:

— Уи шы пэхужьыр алъпыжь лъэпкъщ, лIыхъужь хахуэм
сащ, фIыуэ зэщIэгъаплъэ, щIопщ щэ уэгъуэр ехи, жьым х
кIуэнщ, уафэгум урихьэнщ, уздыхуейми уихьынщ.

Сэтэней гуащэ къыжыриIам тету, Уэзырмэс и шы пэху
зэщIигъэплъащ, щIопщ щэ уэгъуэр ирихри, жьым хуэдэу псын
уафэгум ирихьащ, псым хуэдэу, макъынишэуи Пэкъуэ и бэд
унэм щIихьэри къызэрыгуэкI фIохъусыр ирихащ Пэкъуэм.

— Гъуэгу мыгъуэ уижьэ! Уэ щIым сыщыбгъэтыншакъым, уа
ми къыщызэптынукъэ тыншыгъуэ? — шынауэ жэуап къитащ Пэк

— Укъыстемыбгэ, Пэкъуэ, сэ сыкъэкIуащ уи деж Нарт Хэкум бэлыхьу илъыр пхуэсIуэтэну, — жиIащ Уэзырмэс.

— Сыт апхуэдизу Нарт Хэкум къыщыхъуар? — жиIэри, къыщыхъуар имыщIэ хуэдэ, щIэупщIащ Пэкъуэ.

— Нартхэм тыгъэ къызэрыпхуамыхьыжым папщIэ укъэгубжьауэ щIым и фIыгъуэр щIэпхауэ жаIэ. Гъавэхэр къэкIыжыркъым, Iэщхэр бэгъуэжыркъым. Фызхэр лъхуэжыркъым. Нартхэр гъаблэм дихьынущ. Нартхэм абыкIи сэ сагъэкъуаншэ, бэлыхь псори къызыпкъырыкIарсэрауэ жаIэ.

— Уэращ, уэращ! — жиIащ Пэкъуэ. — Уэ сэ къысхуахь тыгъэхэр нартхэм ебгъэхьыжащ. ЕкIэ си ужь укъитщ. ЩIылъэм псэупIэ къыщызэптакъым. Иджы уафэм укъэсащ.

— Сэ уи деж сыкъэзыхуар гузэвэгъуэщ. Нартхэм сыкъагъэкIуащ,— кIуэи Пэкъуэ екIуж жаIэри,— псы дызэфэн къудей дгъуэтыжыркъым!

— ФIыщ фымыгъуэтыжым. Ди япэкIэ пщIэнщ Пэкъуэ узэремыбиинур! — кIиящ Пэкъуэ.

Пэкъуэ апхуэдэу щыжиIэм, Уэзырмэс къыригъэжьащ:

— Сэ зэ сыщыуами къысхуэгъэгъу. Си лажьэкIэ нарт псори зэтомыгъалIэ. Мес, еплъыхыт щIым. Плъагъурэ мо нарт къомыр къызэрыпхудэплъейр. Жьыри щIэри, фызхэри сабийхэри Хьэрэмэ Iуащхьэ къытеувахэу къыпхудоплъей, ахэр уэ къолъэIу уэшхыр къебгъэшхыну, гъавэр къэбгъэкIыну, — жиIащ Уэзырмэс.

Уэзырмэс сыт жиIэми Пэкъуэ зигъэхъейртэкъым. Щымыхъужым Уэзырмэс жиIащ:

— Мес, еплъыхыт, нартхэм тыгъэ къыпхуахьауэ Хьэрэмэ Iуащхьэтетщи тыгъэр къыпхуаший, къеIых а тыгъэхэр, Пэкъуэ! — ЩIылъэмкIэ и Iэр ишиящ Уэзырмэс.

Пэкъуэ а псалъэхэм бзаджагъэ къыримыхыу бэджыхъ унэм къыщIэплъу щIым щеплъыхым, Уэзырмэсри зыхуеихэр арти, и мыуэщхъужьыр къырипхъуэтри Пэкъуэ и пщэм дэуэри и щхьэр зэуэ пигъэлъэтащ.

Абы иужькIэ тхьэмахуиблкIэ лъы щIэту уэшх къешхащ: щIым бэвагъыр къыхэхьэжащ, гъавэр бэву къызэщIэтэджэжащ, жыгхэми пхъэщхьэмыщхьэ къапыкIэжащ. Iэщхэри бэгъуэнтэкъэ! Фызхэми сабий къалъхунтэкъэ!

Уэзырмэси и лIыгъэм щхьэкIэ псоми фIыуэ ялъагъу хъуащ, Нарт Хасэми хашащ, лIыпIэ иувэм нартхэм хуэдэу увыну Хасэм хэсхэр псори хуэхъуэхъуащ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Чтение и датировка зеленчукской надписи 8
Надпись на стене древнего храма из долины реки Большой Зеленчук 23
Чтение этокской надписи из Большой Кабарды 30
К вопросу о датировке Этокского памятника 65
К истории расселения кабардинцев 98
Толкование общеадыгского сказа о прикованном к скале богоборце. (В связи с изучением этоко-зеленчукских памятников) 127
Литература 136
Приложение (нартские сказания: «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы», «Как Уазырмес спас нартов от голода») 139

vk.com/circasbook